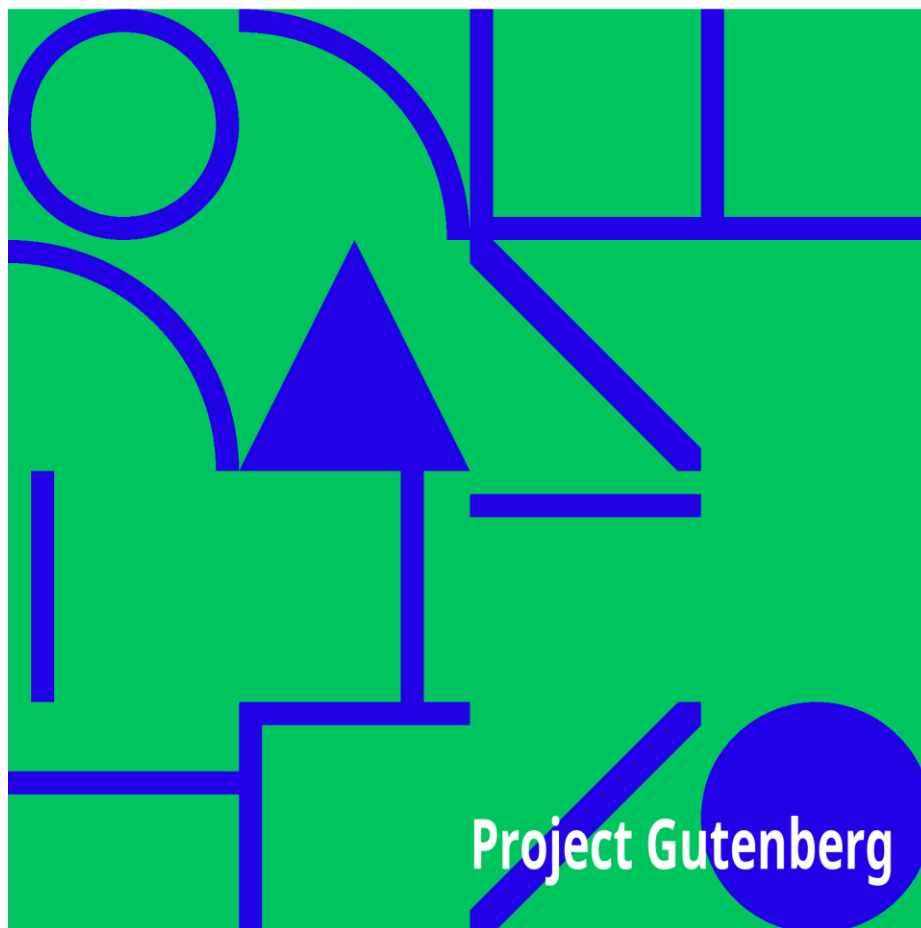

Вильгельм Завоеватель. Творцы истории

Джейкоб Эббот

William the Conqueror

Jacob Abbott

Электронная книга проекта "Гутенберг" о Вильгельме Завоевателе

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Титул: Вильгельм Завоеватель

Автор: Джейкоб Эббот

Дата выхода: 20 июня 2008 г. [Электронная книга № 25848]

Последнее обновление: 3 января 2021 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Д. Александером и командой онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ВИЛЬГЕЛЬМ ЗАВОЕВАТЕЛЬ" ***

Творцы истории

Вильгельм Завоеватель

ДЖЕЙКОБ ЭББОТТ

С ГРАВЮРАМИ

НЬЮ - ЙОРК И ЛОНДОН

ИЗДАТЕЛЬСТВО HARPER & BROTHERS PUBLISHERS

1902

Введен, согласно Акту Конгресса, в тысяча восемьсот сорок девятом году компанией Harper & Brothers в канцелярию окружного суда Южного округа Нью-Йорка.

Авторское право, 1877, Джейкоб Эбботт.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

При выборе сюжетов для последующих томов этой серии автор стремился найти имена тех великих личностей, истории которых представляют собой полезные, а не просто занимательные знания. Есть определенные имена, которые известны всему человечеству как имена; и каждый человек, стремящийся к какой-либо степени умственного развития, испытывает желание ознакомиться с основными чертами их истории, чтобы он мог вкратце узнать, что именно в их характерах или их деяниях принесло им столь широкую известность. Эти знания, которые, по-видимому, обязан получить каждый в отношении таких личностей, как Ганнибал, Александр, Цезарь, Клеопатра, Дарий, Ксеркс, Альфред, Вильгельм Завоеватель, королева Елизавета и Мария, королева Шотландии, замысел и цель этих томов - передать в достоверной и в то же время, по возможности, привлекательной форме. Следовательно, выбираются только великие исторические имена; и целью писателя было представить выдающиеся и ведущие черты их характеров и все важные события в их жизни в смелой и свободной манере и в то же время простым языком, который, очевидно, необходим в произведениях, нацеленных на постоянную и практическую пользу.

Содержание.

Глава	Страница
I. НОРМАНДИЯ	13
II. РОЖДЕНИЕ ВИЛЬГЕЛЬМА	31
III. ВОСШЕСТВИЕ На ПРЕСТОЛ	51
IV. ПРАВЛЕНИЕ ВИЛЬГЕЛЬМА В НОРМАНДИИ	72
Против ЖЕНИТЬБЫ	96
VI. ЛЕДИ ЭММА	119
VII. КОРОЛЬ ГАРОЛЬД	142
VIII. ПОДГОТОВКА К ВТОРЖЕНИЮ	164
IX. ПЕРЕПРАВА Через Ла-МАНШ	189

X. БИТВА При ГАСТИНГСЕ	212
XI. ВОССТАНИЕ ПРИНЦА РОБЕРТА	242
XII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	265

ГРАВЮРЫ.

	СТРАНИЦА
КАРТЫ—СИТУАЦИЯ В НОРМАНДИИ	14
УИЛЬЯМ И АРЛОТТ	40
ПОБЕГ УИЛЬЯМА	77
ГОБЕЛЕН Из БАЙЕ	102
СПАСЕНИЕ	127
ИНТЕРВЬЮ ГАРОЛЬДА С ЭДВАРДОМ	147
УИЛЬЯМ, ПОЛУЧАЮЩИЙ ИЗВЕСТИЕ От ТОСТИГА	166
КАРТА—НОРМАНДИЯ	190
НОРВЕЖЦЫ В СКАРБОРО	218
КОНЬ УИЛЬЯМА, НАСТУПАЮЩИЙ НА ТЛЕЮЩИЕ УГЛИ	281

ВИЛЬГЕЛЬМ ЗАВОЕВАТЕЛЬ.

Глава I.

Нормандия.

870-912 гг. н. э.

Нормандское завоевание.

Притязания Вильгельма на трон.

Право сильнейшего.

Одним из тех великих событий в английской истории, которые происходят с отдаленными интервалами и образуют, соответственно, своего рода границу или веху, к которой отсылаются все другие события, предшествующие или следующие за ними на протяжении веков, является то, что называется нормандским завоеванием. Нормандское завоевание было, по сути, восшествием Вильгельма, герцога Нормандии, на английский престол. Это восшествие на престол было не совсем вопросом военной силы, поскольку Вильгельм заявлял *оправе* на трон, которое, если и не было совершенно, то, как он утверждал, во всяком случае, превосходило права принца, против которого он боролся. Законность его притязаний, однако, не имела большого значения, за исключением того, что это моральное влияние помогло ему вступить во владение. В те дни право править было гораздо более открытым и неприкрытым, хотя и ненамного более реальным, чем сейчас, правом сильнейшего.

Карта Нормандии.

Нормандия, родина Вильгельма, - очень богатая и красивая провинция на севере Франции. На следующей карте показано ее положение:

Карта Англии и части Франции, показывающая положение Нормандии.

Ла-Манш.

Природа французского побережья.

Природа английского побережья.

Он расположен, как видно на карте, на побережье Франции, примыкающем к Ла-Маншу. Канал здесь неправильной формы, но в среднем может достигать ста миль в ширину. Береговая линия на южной стороне Ла-Манша, которая образует, конечно же, северную границу Нормандии, представляет собой гряду утесов, почти перпендикулярных морю и грозно вззирающих на каждое судно, проплывающее вдоль берега. Правда, кое-где река прокладывает себе проход между этими утесами изнутри, и эти устья рек образовали бы гавани, в которые корабли могли бы заходить с моря, если бы северо-западные ветры не господствовали так часто и не гнали на берег такие непрерывные волны, что они забивают все эти устьевые отверстия, а также каждое естественное углубление суши отмелями и отмелями из песка и гальки. Обратное происходит с северным, или английским, берегом этого знаменитого канала. Там гавани, образованные устьями рек или извилистыми берегами, открыты и доступны и в то же время защищены от

ветров и моря. Таким образом, в то время как северный, или английский, берег на протяжении многих веков постоянно манил моряков входить и выходить в спокойные, глубокие и защищенные воды, которые там проникают в сушу, южная сторона была почти непреодолимым барьером, состоящим из длинной линии нахмуренных утесов, каждый проход через которые был забит отмелями и песчаными отмелями и охранялся перекатами волн, которые почти никогда не останавливались.

Норманны и датчане.

Характер норманнов.

Их потомки.

Во многом именно из-за этих огромных физических различий между двумя берегами люди, живущие на одном берегу, хотя и одного склада и происхождения с теми, кто живет на другом, стали настолько значительно превосходить их в морских подвигах и мощи. Они действительно одного происхождения, поскольку и Англия, и северная часть Франции были захвачены и заселены так называемой скандинавской расой, то есть выходцами из Норвегии, Дании и других стран Балтийского моря. В историях тех времен этих людей называли *норманнами*. Тех, кто высадился в Англии, обычно называют *датчанами*, хотя лишь небольшая часть из них действительно прибыла из Дании. Однако все они происходили из одного родительского рода и обладали такими качествами, как смелость, энергия и бесстрашная любовь к приключениям и опасности, которые отличают их потомков по сей день. В те далекие времена они пришли огромными воинственными ордами и флотилиями пиратских кораблей через Германский океан и различные британские моря, преодолевая все трудности и все мыслимые опасности, чтобы найти новые регионы для проживания, более гостеприимные, плодородные и богатые, чем их родной северный климат. В наши дни они проявляют ту же энергию и переносят равные лишения в охоте на китов в Тихом океане; в захвате Индии и захвате ее источников богатства и власти; или в вылазках целыми флотилиями авантюристов одновременно, чтобы обогнуть более половины земного шара в поисках золота в Калифорнии. Времена и обстоятельства изменились, но раса и дух остались прежними.

Герцоги Нормандии.

Нормандия получила свое название от норманнов. Это была провинция Франции, которую норманны сделали своей собственной. Они получили доступ к нему с моря по реке Сене, которая, как видно из карты, протекает как бы через сердце страны. Нижняя часть этой реки и море вокруг ее устья сильно забиты песком и галькой, которые волны веками вымывали. Их непрерывное усердие привело бы к полному закрытию прохода, если бы воды реки не имели выхода; и, таким образом, течение, направленное наружу, ведет вечную войну с прибоем и волнами, которые постоянно врываются внутрь. Экспедиции северян, однако, преодолели все эти препятствия. Они поднялись по реке на своих кораблях и, наконец, основали постоянное поселение в стране. К тому времени, когда начинается наш рассказ, они оккупировали страну на протяжении нескольких столетий — провинцией управляла династия князей — почти, если не совсем, независимых суверенов, — называемых *герцогами Нормандии*.

Первый герцог, Ролло.

Первым герцогом Нормандии и основателем рода — вождем, который первоначально вторгся в страну и завоевал ее, — был дикий и полудикий герой с севера по имени *Ролло*. В истории его

часто называют датчанином Ролло. Его родиной была Норвегия. Он был тамошним вождем по происхождению, и, будучи диким и склонным к приключениям, он собрал группу последователей, и совершил с ними столько пиратства и грабежей, что в конце концов король страны изгнал его.

История Ролло.

Ролло, похоже, не рассматривал это изгнание как какое-то очень большое бедствие, поскольку оно отнюдь не прервало его карьеру пиратства и грабежа, а только расширило поле, на котором он должен был его преследовать. Соответственно, он увеличил оснащение и силу своего флота, завербовал больше сторонников и отправился в плавание через северную часть Германского океана к берегам Великобритании.

Его встреча на шотландском побережье.

Экспедиция Ролло.

У северо-западного побережья Шотландии есть несколько групп гористых и мрачных островов, которые во многие разные периоды мира были убежищем беглецов и преступников. Теперь Ролло назначил эти острова своим местом встречи; и он обнаружил там множество других подобных духов, которые бежали в эти уединенные убежища, некоторые из-за политических беспорядков, в которые они были вовлечены, а некоторые из-за своих преступлений. Стремительный, пылкий и уверенный в себе характер Ролло придавал им новой энергии и рвения. Они собрались вокруг него как своего лидера. Обнаружив, что его силы таким образом возрастают, он разработал план сосредоточения всех сил, которыми мог командовать, чтобы организовать грандиозную экспедицию на юг и попытаться найти какую-нибудь приятную страну, которую они могли бы захватить, обосноваться и сделать своей собственной. Отчаянные искатели приключений вокруг него были достаточно готовы принять участие в этом плане. Флот был переоборудован, снабжен провизией и снаряжен. Экспедиция была организована, предоставлено оружие и амуниция, и когда все было готово, они отплыли. У них не было определенного плана относительно места своего назначения, их намерением было поселиться в первом же благоприятном месте, которое они найдут.

Его высадка во Фландрии.

Возникшие трудности.

Они двинулись на юг, курсируя сначала вдоль побережья Шотландии, а затем Англии. Они предприняли несколько бесплодных попыток высадиться на английских берегах, но везде были отбиты. Эти события произошли во времена правления Альфреда Великого. Благодаря мудрым и эффективным мерам Альфреда вся его граница была приведена в идеальное состояние обороны, и Ролло обнаружил, что там для него нет никакой надежды. Соответственно, он двинулся к Дуврскому проливу; но, прежде чем миновать его, он совершил посадку на побережье Фландрии. Здесь была страна под названием Эно. Им управлял властитель по имени граф Эно. Ролло объявил ему войну, победил его в битве, взял в плен, а затем вынудил графиню, свою жену, собрать и выплатить ему огромную сумму выкупа. Таким образом, он пополнил свою казну подвигом, который в те дни считался очень великим и славным. Совершить такой поступок сейчас, если только он не был *вочень* большом масштабе, значило бы навлечь на себя всеобщее осуждение человечества; но Ролло, сделав это тогда, не только обогатил свою казну, но и приобрел очень обширную и почетную славу.

Ролло проходит Дуврский пролив.

По той или иной причине Ролло не пытался завладеть Эно на постоянной основе, но, получив выкуп и пополнив боеприпасы и припасы, он отплыл со своим флотом и, повернув на запад, прошел через Дуврский пролив и крейсировал вдоль побережья Франции. Он обнаружил, что страна по французскую сторону Ла-Манша, хотя и столь же богатая и красивая, как и противоположный берег, находилась в совершенно ином состоянии обороны. Он вошел в устье Сены. Сначала он был смущен трудностями навигации при входе в реку; но поскольку не было боеспособного противника, который мог бы ему противостоять, он вскоре одержал победу над этими трудностями и, оказавшись в реке, без труда добрался до Руана.^[A]

Карл Простодушный.

Тем временем король Франции, которого звали Карл и который обычно обозначается в истории как Карл Простой, начал собирать армию для встречи с захватчиком. Ролло, однако, стал хозяином Руана прежде, чем Чарльз смог оказать ему какое-либо эффективное сопротивление. Руан уже был сильным местом, но Ролло сделал его еще сильнее. Он расширил и отремонтировал укрепления, построил склады, разместил гарнизон и, одним словом, принял все меры, необходимые для обеспечения неприступной позиции для себя и своей армии.

Побежден Ролло.

Между Ролло и Чарльзом последовала долгая и упорная война, в ходе которой Ролло почти неизменно одерживал победы. Ролло становился все более и более гордым и властным по мере своего успеха. Он гнал французского короля из порта в порт и с поля на поле, пока не стал хозяином значительной части севера Франции, над которой постепенно установил собственное регулярное правительство. Карл тщетно пытался противостоять этим посягательствам. Ролло постоянно побеждал его; и, наконец, он запер его и осадил в самом Париже. В конце концов Карл был вынужден вступить в переговоры о мире. Ролло потребовал, чтобы большой и богатый участок по обе стороны Сены, рядом с морем — фактически тот же самый, что сейчас составляет Нормандию, — был передан ему и его последователям в их постоянное владение. Карл крайне не желал таким образом отчуждать часть своего королевства. Он не согласился бы уступить его абсолютно и полностью, чтобы сделать его независимым королевством. Это должно быть *герцогство*, а не отдельное *королевство*, чтобы оно все еще оставалось частью его собственных королевских владений — Ролло правил им как герцог и признавал общую верность французскому королю. Ролло согласился с этим. Война затянулась так надолго, что он сам начал желать покоя. Прошло более тридцати лет со времени его высадки.

Мирный договор.

Его условия.

Три церемонии.

У Чарльза была дочь по имени Жизель, и частью мирного договора было то, что она должна стать женой Ролло. Он также согласился стать христианином. Таким образом, при заключении договора необходимо было провести три церемонии. Во-первых, Ролло должен был *отдать дань уважения*, как это называлось, своему герцогству; ибо в те дни у подчиненных принцев, которые владели своими владениями с какой-то более высокой и строгой суверенной властью, был обычай совершать определенные церемонии в присутствии своего вышестоящего лорда, что называлось оказанием почтения. Эти церемонии были различного рода в разных странах,

хотя все они были призваны выразить подчинение зависимого князя высшей власти высшего властелина, от имени которого он владел своими землями. Следовательно, этот акт поклонения должен был быть совершен, и следующим за этим поклонением должно было последовать крещение, а после крещения - женитьба.

Гордость Ролло.

Однако, когда пришло время для проведения первой из этих церемоний и все великие вожди и властители соответствующих армий собрались, чтобы засвидетельствовать это, выяснилось, что Ролло не подчинился тому, чего требовали обычаи французской монархии. Он должен был преклонить колени перед королем и вложить свои сцепленные руки между его ладонями в знак покорности, а затем поцеловать его ногу, которая в таких случаях была обута в изящную туфельку. Ролло сделал бы все, кроме последнего; но на это никакие увещевания, настойчивость или уговоры не заставили бы его согласиться.

И все же в те дни это не было очень необычным знаком политического подчинения суверенной власти. Папа требовал этого даже от императора сто лет назад; и этот сановник продолжает это делать посегоднешний день в определенных государственных случаях; хотя в случае с папой на туфельке, которую целует коленопреклоненный проситель, вышит *крест*, так что тот, кто смиряется перед этой церемонией, может считать, если ему угодно, что это священный символ страданий и смерти божественного Искупителя, который он так благоговейно целует, а не человеческая нога, которой он покрыт.

Целует ногу королю.

Нельзя было заставить Ролло самого согласиться поцеловать ногу королю Карлу; и, в конце концов, трудность была устранена тем, что он согласился сделать это по доверенности. Он приказал одному из своих придворных выполнить эту часть церемонии. Придворный повиновался, но когда он подошел, чтобы поднять ногу, то сделал это так грубо и поднял ее так высоко, что монарх свалился со своего места. Это вызвало смех, но Ролло был слишком силен, чтобы Чарльзу пришлось в голову возмущаться.

Крещение и женитьба.

Мирное и процветающее правление Ролло.

Через несколько дней после этого Ролло был крещен в кафедральном соборе Руана с большой помпой и парадом; а затем, на следующей неделе, он женился на Жизели. Шум войны, в котором он прожил более тридцати лет, теперь сменился празднествами и ликованием. Он вступил в полное и мирное владение своим герцогством и управлял им до конца своих дней с великой мудростью и жил в великом процветании. Он фактически превратил ее в одно из самых богатых и процветающих королевств в Европе и заложил основы еще более высоких степеней величия и мощи, которые постепенно развивались после его смерти. Таково было происхождение Нормандии.

Описание Нормандии.

Пейзажи.

Деревушки.

Замки.

Крестьянство.

Дороги общего пользования.

Таким образом, похоже, что эта часть Франции была захвачена Ролло и его северянами отчасти потому, что она была к ним ближе всего, поскольку была доступна со стороны Ла-Манша через реку Сену, а отчасти из-за ее необычайного богатства и плодородия. Во все века он был известен как сад Франции, и в наши дни путешественники созерцают его живописные пейзажи с величайшим восхищением и удовольствием. И все же сцены, которые там представлены взору, совершенно не похожи на те, которые составляют живописные сельские пейзажи Англии и Америки. В Нормандии земля не огорожена. Никакие живые изгороди, заборы или стены не нарушают непрерывности поверхности, но обширные участки простираются во всех направлениях, разделенные на участки и квадраты различных размеров и форм в зависимости от разновидностей возделывания, подобно обширному ковру с неправильным мозаичным рисунком, и различаются по цвету тысячами оттенков коричневого и зеленого. Тут и там простираются обширные леса, где бесчисленные тысячи деревьев, хотя и древних и почтенных по форме, стоят рядами, математически упорядоченными, как они были посажены столетия назад. Это королевские владения, охотничьи угодья и парки, связанные с загородными дворцами королей или замками древней знати. Земледельцы живут не в маленьких фермерских домиках, построенных по обочинам дорог и усеивающих склоны холмов, как в Америке, а в компактных деревнях, состоящих из древних жилищ из кирпича или камня, плотно прижатых друг к другу вдоль одной улицы, откуда каждое утро выходят рабочие в живописных одеждах, мужчины и женщины, чтобы пройти, возможно, несколько миль к месту своего повседневного труда. За исключением этих деревень и редких старинных замков, здесь не видно никаких жилых построек. Страна кажется необъятной, однако повсюду изобилует плодородием и красотой. Дороги, пересекающие эти места, представляют собой великолепные проспекты, широкие, прямые, тянущиеся на многие мили безошибочным курсом по холмистой местности, и ничто не отделяет их от возделанных и плодоносящих земель по обе стороны, кроме рядов древних и почтенных деревьев. Между этими рядами деревьев путешественник видит бесконечную перспективу, простирающуюся как перед ним, так и позади него. В Англии общественная дорога красиво вьется между стенами, поросшими кустарником или рядами живой изгороди, с изгородями или воротами тут и там, открывающими вид на деревушки или коттеджи, которые появляются и исчезают в быстрой и бесконечно разнообразной последовательности, по мере того как дорога извивается, подобно ручью, между своими прекрасными берегами. Одним словом, шоссе общего пользования в Англии прекрасно; во Франции оно грандиозно.

Rouen.

Его местоположение.

Порт Руан.

Его название Гавр де Грас.

Величайшим городом Нормандии в наше время является Руан, который расположен, как будет видно из карты в начале этой главы, на берегу Сены, на полпути между Парижем и морем. В устье Сены, или, скорее, на северном берегу эстуария, образующего устье реки, есть небольшая бухта, которая, как было установлено, в целом обеспечивает наилучшие условия для строительства гавани, какие только можно найти на всей береговой линии. Однако даже этот маленький порт настолько засыпан песком, что, когда вода отступает во время отлива, все суда

оказываются на мели. На самом деле входное отверстие, вероятно, было бы полностью заполнено, если бы не искусственные средства, принятые для предотвращения этого. Существуют шлюзы и шлюзы, построенные таким образом, чтобы удерживать большой объем воды до тех пор, пока не спадет прилив, а затем эти шлюзы открываются, и воде позволяют выплеснуться всей вместе, унося с собой грязь и песок, которые начали скапливаться. Эта гавань, будучи, в целом, лучшей и наиболее удобной на побережье, называлась *the harbor, or, as the French expressed it in their language, le havre*, the word *havre*, что в переводе с французского означает гавань. На самом деле, название было полным *гавр де грас*, как будто норманны считали делом особой удачи иметь даже такой шанс на существование гавани, как эта, в устье их реки. Английский мир, однако, отказался от всего, кроме главного слова, из этой длинной фразы обозначения, и называет порт просто Гавр.

Смешение рас.

Превосходство норманнского происхождения.

От Ролло род герцогов Нормандских продолжался непрерывной чередой вплоть до времен Вильгельма, то есть около ста пятидесяти лет. Страна все время увеличивалась в богатстве, численности населения и процветании. Исконные жители, однако, не были изгнаны; они остались крестьянами, пастухами и земледельцами, в то время как нормандские вожди поселились над ними, владея по отдельности большими земельными угодьями, которые им пожаловал Вильгельм. Расы постепенно смешались, хотя на протяжении многих веков они продолжали демонстрировать высший дух и энергию, которые были привнесены в население норманнским происхождением. На самом деле, многие наблюдатели считают, что это превосходство сохраняется и по сей день.

Глава II.

Рождение Уильяма.

912-1033 гг. н. э.

Замок в Фалезе.

Настоящие руины замка.

Хотя Руан сейчас очень далеко опережает все другие города Нормандии по величине и важности, и хотя Ролло, завоевывая страну, сделал его своей главной штаб-квартирой и главной цитаделью, в последующие годы он не оставался исключительно резиденцией герцогов Нормандии. Отцом Вильгельма Завоевателя был Роберт, который впоследствии стал герцогом, шестым в линии. В то время, когда родился Вильгельм, он проживал в большом замке в Фалезе. Фалез, как видно на карте, находится к западу от Руана и, как и Руан, находится на некотором расстоянии от моря. Замок был построен на холме, на небольшом расстоянии от города. Он давно перестал быть пригодным для жилья, но руины все еще сохранились, придавая

живописную, но скорбную красоту возвышенности, которую они венчают. Их часто посещают путешественники, которые едут посмотреть на место, где родился великий герой и завоеватель.

Пейзаж города и замка.

Стена и здания.

Сторожевые башни.

Часовые.

Чарующий вид.

Холм, на котором стоит старый замок, заканчивается с одной стороны, у подножия стен замка, скалистым обрывом, а с двух других сторон подъем также слишком крут, чтобы быть практически осуществимым для врага. С четвертой стороны есть более пологий склон, по которому к крепости можно было подойти по извилистой дороге. У подножия этой дороги находился город. Доступ к замку из города был защищен рвом и подъемным мостом, с мощными башнями по обе стороны от ворот для защиты подхода. Недалеко от города был красивый ручей, который извивался по долине и, миновав его, исчезал, огибая подножие обрыва, который венчал замок. Ограды замка были окружены каменными стенами огромной толщины; на самом деле они были настолько толстыми, что некоторые апартаменты были построены в теле стены. На территории ограды располагались различные здания. Там была, в частности, одна большая квадратная башня высотой в несколько этажей, построенная из белого камня. Говорят, что эта башня до сих пор хорошо сохранилась. Кроме того, в стенах была часовня и различные другие здания и апартаменты, предназначенные для использования герцогской семьей и их многочисленной свитой слуг и сопровождающих, для хранения военного снаряжения и для гарнизона. По углам стен и на различных высоких выступающих шпилях стояли сторожевые башни, где одинокие часовые день и ночь напролет следили за любой приближающейся опасностью. Эти часовые смотрели сверху вниз на обширные просторы богато возделанной страны, поля, украшенные рощами деревьев и разнообразными цветами, представленными меняющейся растительностью, в то время как извилистые ручьи мерцали среди них своим серебристым сиянием, а деревушки рабочих и крестьян были разбросаны тут и там, придавая пейзажу жизнь и оживление.

Хронологическая история норманнской линии.

Мы уже говорили, что отцом Вильгельма был Роберт, шестой герцог Нормандии, так что сам Вильгельм, будучи его непосредственным преемником, был седьмым в линии. И поскольку целью этих повествований является не просто развлечь читателя тем, что является занимательной историей, но и передать существенные исторические знания, мы должны подготовить почву для описания рождения Уильяма, представив краткий хронологический обзор всей герцогской линии, простирающейся от Ролло до Уильяма. Мы рекомендуем читателю с особым вниманием изучить этот краткий отчет о происхождении Вильгельма, поскольку истинные причины, приведшие к вторжению Вильгельма в Англию, невозможно полностью оценить без тщательного понимания некоторых важных операций, в которых были замешаны некоторые члены семьи его предков еще до его рождения. Особенно это касается леди Эммы, которая, как будет видно из следующего краткого изложения, была сестрой третьего герцога в роду. Экстраординарная и богатая событиями история ее жизни настолько

тесно связана с последующими подвигами Уильяма, что необходимо изложить ее полностью, и она становится, соответственно, темой одной из последующих глав этого тома.

Хронологическая история Норманнской линии.

Ролло, первый герцог Нормандии.

С 912 по 917 год н. э.

Ролло.

Около 870 года Ролло был изгнан из Норвегии, а самое большое через несколько лет после этого он высадился во Франции. Однако только в 912 году он заключил мирный договор с Карлом, чтобы полностью получить титул герцога Нормандии.

В то время он был уже преклонного возраста и, потратив пять лет на улаживание дел своего королевства, передал свое герцогство в руки своего сына, чтобы тот мог провести остаток своих дней в покое. Он умер в 922 году, через пять лет после своей отставки.

Вильгельм I, второй герцог Нормандии.

С 917 по 942 год.

Вильгельм I, второй герцог.

Уильям был сыном Ролло. Он начал править, разумеется, за пять лет до смерти своего отца. Его спокойное и процветающее правление длилось около двадцати пяти лет, но в конце концов в 942 году он был убит политическим врагом.

Ричард I, третий герцог Нормандии.

С 942 по 996 год.

Ричард I, третий герцог.

Ему было всего десять лет, когда его отец был убит. Он был вовлечен в длительные и изнурительные войны с королем Франции, что вынудило его призвать на помощь еще больше северян из Прибалтики. Его новые союзники, в конце концов, доставили ему столько же хлопот, сколько и старый враг, с которым они пришли помочь Уильяму бороться; и ему было очень трудно прогнать их. В конце концов он захотел заключить мир с французским королем и заставить их покинуть его владения, но они сказали: "Они пришли не за этим".

У Ричарда была прекрасная дочь по имени Эмма, которая впоследствии стала очень важной политической фигурой, о чем подробнее будет рассказано в следующей главе.

Ричард умер в 996 году, правя пятьдесят четыре года.

Ричард II, четвертый герцог Нормандии.

С 996 по 1026 год.

Ричард II, четвертый герцог.

Ричард II. был сыном Ричарда I. И поскольку его отец во время своего правления был вовлечен в раздоры со своим суверенным сеньором, королем Франции, он, в свою очередь, был измотан длительной борьбой со своими вассалами, баронами и дворянами своего собственного королевства. Он тоже послал за северянами, чтобы те пришли и помогли ему. Во время его правления в Англии разгорелось великое соперничество между саксами и датчанами, и Этельред, который был саксонским претендентом на трон, приехал в Нормандию и вскоре после этого женился на леди Эмме, сестре Ричарда. Подробности этого события, из которого впоследствии вытекли наиболее важные последствия, будут приведены полностью в одной из следующих глав. Ричард умер в 1026 году. Он оставил двух сыновей, Ричарда и Роберта. Вильгельм Завоеватель был сыном младшего и родился за два года до этого Ричарда II. умер.

Ричард III, пятый герцог Нормандии.

С 1026 по 1028 год.

Ричард III., пятый герцог.
Интриги Роберта.

Он был старшим братом и, конечно же, унаследовал герцогство. Его брат Роберт был тогда всего лишь бароном, а его сыну Уильяму, впоследствии Завоевателю, было тогда около двух лет. Роберт был очень честолюбивым и честолюбиво настроенным человеком, которому не терпелось самому завладеть герцогством. Он использовал все возможные средства, чтобы обойти и вытеснить своего брата, и, как предполагается, сократил его дни из-за беспокойства и досады, которые тот ему причинял; ибо Ричард внезапно и таинственно скончался всего через два года после своего восшествия на престол. На самом деле некоторые предполагали, что он был отравлен, хотя никаких удовлетворительных доказательств этому так и не было.

Роберт, шестой герцог Нормандии.

С 1028 по 1035 год.

Он становится шестым герцогом.
Роберт и Генрих.

Роберт, конечно, унаследовал трон своего брата, а затем, с характерной непоследовательностью эгоизма и честолюбия, он использовал всю мощь своего королевства, помогая королю Франции усмирить своего младшего брата, который проявлял тот же дух мятежа и неповиновения, что и он сам. Его помощь была очень важна для короля Генриха; фактически она решила исход состязания в его пользу; и таким образом, один младший брат был свергнут в начале своей бурной карьеры мятежа другим, который успешно совершил точно такое же преступление. Король Генрих был очень благодарен за оказанную таким образом услугу и был готов сделать все, что в его силах, в любое время, чтобы сотрудничать с Робертом в осуществлении планов, которые тот мог бы разработать. Роберт умер в 1035 году, когда Уильяму было около одиннадцати лет.

И на этом мы заканчиваем это краткое изложение истории герцогского рода, поскольку мы уже миновали период рождения Вильгельма; и мы возвращаемся, соответственно, к детальному изложению некоторых деталей этого события.

Уильям и Арлотт.

Мать Уильяма.

Хотя герцоги Нормандии были очень могущественными властителями, правившими почти в качестве независимых суверенов на одной из самых богатых и густонаселенных территорий земного шара, и хотя Вильгельм Завоеватель был сыном одного из них, его происхождение, тем не менее, было очень неблагородным. Его мать была не женой Роберта, его отца, а бедной крестьянской девушкой, дочерью скромного кожевника из Фалеза; и действительно, отец Уильяма, Роберт, в то время сам не был герцогом, а простым бароном, поскольку его отец был еще жив. Не было даже уверенности, что он когда-нибудь станет герцогом, поскольку его старший брат, который, конечно же, будет жить до него, тоже был тогда жив. Тем не менее, как сын и предполагаемый наследник правящего герцога, он занимал очень высокое положение.

Первая встреча Роберта с Арлоттом.

Он очарован.

Обстоятельства первого знакомства Роберта с дочерью кожевника были таковы. Однажды он возвращался домой в замок из какой-то экспедиции, в которую его отправил отец, когда увидел группу крестьянских девушек, стоявших на берегу ручья и стиравших белье. Они были босиком, и в остальном их одежда была в беспорядке. Была одна по имени Арлотта, [B] дочь городского кожевника, чье лицо и фигура, похоже, пленили молодого барона. Он смотрел на нее с восхищением и удовольствием, пока ехал верхом. У нее был светлый цвет лица, большие голубые глаза, а выражение лица было искренним, распахнутым и счастливым. Она весело болтала со своими спутниками, когда Роберт проезжал мимо, почти не думая о том заметном месте на странице английской истории, которое ей предстояло занять в будущем в связи с веселым всадником, проезжавшим мимо.

Роберт посылает за Арлоттом.

Этикет королевских и герцогских дворцов и замков в те дни, как и сейчас, запрещал дворянину такого высокого ранга жениться на крестьянской девушке. Следовательно, Роберт не мог взять Арлотту в жены; но ничто не мешало ему предложить ей переехать в замок и жить с ним — то есть ничего, кроме закона Божьего, а это был авторитет, на который герцоги и бароны в средние века привыкли обращать очень мало внимания. Не было даже общественного мнения, которое запрещало бы это, ибо дворянство, подобное дворянству Англии и Франции в Средние века, стояло настолько высоко над всей массой общества, что едва ли вообще поддавалось обычным ограничениям и обязательствам социальной жизни. И даже по сей день в тех странах, где существуют герцоги, общественное мнение, похоже, в целом терпимо относится ко всему, что герцоги считают нужным делать.

Угрызения совести ее отца.

Арлотта отправили в замок.

Соответственно, как только Роберт прибыл в замок, он отправил гонца из своей свиты слуг в деревню, к отцу Арлотты, с предложением, чтобы она приехала в замок. Отец, похоже, испытывал некоторые колебания в отношении своего долга. Говорят, что у него был брат, который был монахом, или, скорее, отшельником, который жил жизнью чтения, медитации и молитвы в уединенном месте недалеко от Фалеза. Отец Арлотта немедленно послал к этому религиозному отшельнику за духовным советом. Монах ответил, что было бы правильно подчиниться желаниям такого великого человека, какими бы они ни были. Кожевник, освобожденный таким образом от всех совестливых сомнений по этому поводу этим высоким религиозным авторитетом и радующийся наступлению прилива процветания и отличия, которые он предвидел для своей семьи благодаря любви барона, одел и приукрасил свою дочь, как ягненка для жертвоприношения, и отправил ее в замок.

Привязанность Роберта к ней.

Рождение Уильяма.

Предсказание медсестры.

Арлотте выделили одну из комнат, которая была встроена в толщу стены. Она сообщалась дверью с другими квартирами и помещениями в этом районе, а снаружи в каменной кладке были узкие окна, через которые она могла смотреть на широкие просторы прекрасных полей и лугов, которые улыбались внизу. Роберт, похоже, любил ее искренней и сильной привязанностью и делал все, что было в его силах, чтобы сделать ее счастливой. Ее комната, однако, не могла быть обставлена слишком роскошно, хотя она была любимицей в герцогском замке — по крайней мере, насколько мы можем судить по тем немногим фрагментам интерьера, которые мы получаем из рассказов древних хронистов. Одна история гласит, что, когда Уильям родился, его первым подвигом было схватить пригоршню соломы и так крепко зажать ее в своем маленьком кулачке, что няня едва смогла ее отнять. Кормилица была в восторге от этой детской отваги; она сочла это предзнаменованием и предсказала, что младенец когда-нибудь проявит себя, схватив большое имущество. Это предсказание было бы забыто, если бы в будущем Вильгельм не стал завоевателем Англии. Как бы то ни было, это было запомнено и

записано; и это рисует нашему воображению совершенно иную картину удобств и утешения покоев Арлотта по сравнению с теми, что представляются глазу в герцогских дворцах сейчас, где бархатные ковры заглушают шаги по мраморным полам, а фавориты отдыхают под шелковыми балдахинами на пуховых постелях.

Младенца назвали Уильям, и он был большим любимцем своего отца. Он вырос в Фалезе. Через два года после его рождения умер отец Роберта, и его старший брат, Ричард III, унаследовал герцогский трон. Еще через два года, которые прошли в раздорах между братьями, Ричард тоже умер, и тогда Роберт сам вступил во владение замком от своего имени, правя там всеми городами и владениями Нормандии.

Детство Уильяма.

Уильяму, конечно, сейчас было около четырех лет. Он был умным и красивым мальчиком, и с каждым годом он становился все более и более привлекательным. Его отец, вместо того чтобы пренебречь им и отречься от него, как можно было бы предположить, испытывал большую гордость и удовольствие, наблюдая за постепенным развитием его способностей и растущей привлекательностью, и открыто признал его своим сыном.

Он всеобщий любимец.

На самом деле, Уильям был всеобщим любимцем в замке. Когда ему было пять-шесть лет, он очень любил играть в солдатики. Он соберет других мальчиков замка, своих товарищей по играм, в небольшой отряд и будет тренировать их на территории замка, точно так же, как сейчас пылкие и честолюбивые мальчики тренируют своих товарищей. Он также обладал определенной жизнерадостностью и духом, которые уже тогда давали ему большое преимущество над товарищами по играм. Он придумывал их игры; он руководил их проказами; он разрешал их споры. Одним словом, он обладал темпераментом и характером, которые позволяли ему очень легко и прочно занимать то положение, которое так естественно закрепляло за ним его звание сына хозяина замка.

Роберт решает посетить Святую Землю.
Опасности путешествия.

Так прошло несколько лет, когда, наконец, Роберт задумал совершить паломничество в Святую Землю. Это был план, продиктованный не скромным благочестием, а стремлением к славе. Совершить паломничество в Святую Землю было романтическим достижением, которое покрывало того, кто его совершил, своего рода мрачной славой, которая в случае принца или властелина смешивалась с его военной славой, освящала и возвышала ее. Роберт твердо решил совершить паломничество. Это было далекое и опасное путешествие. Фактически, трудности и опасности пути, возможно, были главным образом тем, что придавало предприятию романтичность и придавало ему очарование. У королей и правителей было принято перед отъездом приводить в порядок все дела своих королевств, назначать регентство для управления на время их отсутствия и определять их преемников, чтобы предусмотреть весьма вероятный случай их возвращения мертвыми.

Лавирование среди вождей.

Поэтому, как только Роберт объявил о своем плане паломничества, умы людей немедленно обратились к вопросу о престолонаследии. Роберт никогда не был женат, и, следовательно, у него не было сына, который имел бы право стать его преемником. У него было два брата, а также двоюродный брат и еще несколько родственников, которые претендовали на престолонаследие. Все они начали лавировать между вождями и знатью, каждый из которых пытался подготовить почву для предъявления своих собственных претензий, в то время как сам Роберт втайне решал, что маленький Уильям должен стать его наследником. Однако он ничего не сказал по этому поводу, но позаботился о том, чтобы всячески преувеличивать важность своего маленького сына и как можно больше привлекать к нему внимание общественности. Уильям, со своей стороны, обладал такой личной красотой и таким количеством юношеских достижений, что стал большим любимцем всей знати, вождей и рыцарей, которые видели его иногда в замке его отца, а иногда вдали от дома, в их собственных крепостях или городах, куда отец время от времени брал его со своей свитой.

Совет знати.

Роберт объявляет о своем замысле.

Наконец, когда дела созрели для завершения, герцог Роберт созвал большой совет из всех подчиненных герцогов, графов и баронов своего королевства, чтобы ознакомить их с планом своего паломничества. Они съехались со всех концов Нормандии, каждый в великолепной кавалькаде, сопровождаемые вооруженной свитой слуг. Когда собрание было созвано, и с предварительными формами и церемониями было покончено, Роберт объявил о своем грандиозном замысле.

Как только он закончил, один из дворян, чье имя и титул были Ги, граф Бургундский, поднялся и обратился к герцогу с ответным словом. Он сказал, что ему жаль слышать, что герцог, его двоюродный брат, вынашивает такой план. Он опасается за безопасность королевства после ухода главного правителя. Все сословия королевства, сказал он, бароны, рыцари, вожди и солдаты всех степеней останутся без главы.

Он делает Уильяма своим наследником.

"Это не так, - сказал Роберт. - Я оставляю тебе учителя вместо себя". Затем, указывая на красивого мальчика рядом с собой, он добавил: "У меня здесь есть маленький мальчик, который, хотя сейчас он маленький, я признаю, что со временем, с Божьей милостью, вырастет больше, и я очень надеюсь, что он станет храбрым и галантным мужчиной. Я представляю его вам, и с этого момента я даю ему *доступ к* герцогства Нормандия как моему известному и признанному наследнику. И я назначаю Алана, герцога Бретани, губернатором Нормандии от моего имени, пока я не вернусь, а в случае, если я не вернусь, от имени Вильгельма, моего сына, пока он не достигнет мужественного возраста".

Удивление собрания.

Знать отдает дань уважения Уильяму.

Это заявление застало ассамблею врасплох. Алан, герцог Бретани, который был одним из главных претендентов на престолонаследие, был доволен честью, оказанной ему в результате немедленного назначения губернатором королевства, и был склонен предпочесть нынешнюю уверенность в том, что он будет править сразу от имени других, отдаленной случайности правления от своего собственного. Другие претенденты на наследство были сбиты с толку

внезапно случившегося и не знали, что сказать или сделать. Остальные члены собрания были довольны романтикой того, что красивый мальчик стал их феодальным сувереном. Герцог сразу увидел, что все благоприятствовало осуществлению его замысла. Он взял мальчика на руки, поцеловал его и выставил на всеобщее обозрение. Уильям обвел взглядом воинов в доспехах, стоявших перед ним, яркими и сияющими глазами. Они преклонили колени, как бы по общему согласию отдавая ему дань уважения, а затем принесли клятву вечной верности его делу.

Уильяма везут в Париж.

Его представляют французскому королю.

Роберт подумал, однако, что было бы не совсем благоразумно оставлять своего сына на попечение этих его соперников, поэтому он взял его с собой в Париж, когда отправлялся в паломничество, с целью утвердить его там, при дворе Генриха, французского короля, пока его самого не будет. Юный Уильям был представлен французскому королю в день, отведенный для церемонии, с большой помпой и парадом. Король собрал специальный двор, чтобы принять его. Он восседал на своем троне в великолепных покоях своего дворца, окруженный знатью и государственными чиновниками, великолепно одетыми по этому случаю. В положенное время вошел герцог Роберт, одетый в одежду пилигрима и ведущий за руку юного Уильяма. Сопровождавшие его рыцари-пилигримы сопровождали его. Роберт подвел мальчика к ногам их общего государя и, опустившись там на колени, приказал Уильяму тоже опуститься на колени, чтобы засвидетельствовать почтение королю. Король Генрих принял его очень милостиво. Он обнял его и пообещал принять ко двору и наилучшим образом заботиться о нем, пока его отец в отъезде. Придворные были очень поражены красотой и благородной осанкой мальчика. Его лицо сияло оживлением, но в то же время было очень серьезным, поскольку он испытывал некоторый благоговейный трепет перед великолепием окружающей его сцены. Ему самому тогда было девять лет.

Глава III.

Вступление.

1035-1040 гг. н. э.

Роберт отправляется в паломничество.

Он посещает Рим и Константинополь.

Пробыв некоторое время в Париже, Роберт попрощался с королем и со своим сыном Вильгельмом и отправился со свитой сопровождающих его рыцарей в свое паломничество. У него было великое множество приключений, о которых здесь нельзя рассказывать, поскольку предмет данного повествования является история сына, а не отца. Хотя он путешествовал строго как паломник, все равно это было с большой помпой и парадом. Посетив Рим и выполнив различные услуги и обязанности, связанные с его паломничеством туда, он снял свою одежду паломника и, приняв свой надлежащий ранг великого нормандского вождя, отправился в Константинополь, где широко продемонстрировал свое богатство и великолепие. Например, во

время торжественной процессии, в составе которой он въезжал в город Константинополь, он ехал верхом на муле, который, помимо великолепной попоны, был обут в золотые подковы вместо железных; и эти подковы были намеренно так слабо прикреплены к копытам, что их сбрасывали, когда животное шло, чтобы их подобрал народ. Это должно было произвести на них впечатление грандиозными представлениями о богатстве и великолепии всадника. Покинув Константинополь, Роберт надел одежду паломника и отправился в Святую Землю.

Болезнь Роберта.
Носилки.

Путешествие, однако, не обошлось без обычных перипетий столь долгого отсутствия и столь далекого паломничества. Одно время Роберт был болен, и, пролежав некоторое время в лихорадке, он настолько восстановил свои силы, что его могли нести на носилках другие мужчины, хотя сам он не мог передвигаться ни верхом, ни пешком; а что касается дорожных экипажей, то в те дни такого изобретения еще не было. Поэтому они позаботились о переноске герцога на носилках. В качестве носильщиков были наняты шестнадцать мавританских рабов. Этот отряд был разделен на отряды, по четыре человека в каждом, причем несколько отрядов несли бремя по очереди. Роберт и сопровождавшие его рыцари с большим презрением смотрели на этих черных рабов-язычников. Однажды кавалькаду встретил нормандец, который возвращался домой в Нормандию после завершения своего паломничества. Он спросил герцога Роберта, есть ли у него какое-нибудь послание своим друзьям дома. - Да, - сказал он. - скажи им, что ты видел меня здесь, на пути в Рай, которого несли шестнадцать демонов.

Смерть Роберта.
Претенденты на корону.

Роберт добрался до Иерусалима и отправился в обратный путь; вскоре после этого в Париж дошли слухи, что он умер по дороге домой. Сообщения о причинах его смерти были противоречивыми и неопределенными, но вскоре этот факт подтвердился, и новость повсюду произвела большую сенсацию. Вскоре выяснилось, что братья и кузены Роберта, которые претендовали на право наследования ему в пользу его сына Уильяма, лишь приостановили свои притязания — они не отказались от них. Они начали собирать свои силы, каждый в своем отдельном домene, и готовиться выступить в бой, если потребуется, в защиту того, что они считали своими правами на наследство. Одним словом, все их клятвы верности Вильгельму были забыты, и каждый претендент стремился только к тому, чтобы самому завладеть герцогской короной.

Терульд.
Военное образование Уильяма.

В то же время сам Уильям находился в Париже, и ему было всего одиннадцать лет. Он получил там тщательное образование и был очень привлекательным и образованным молодым принцем. И все же он был всего лишь мальчиком. Он находился под опекой военного наставника, которого звали Терульд. Терульд был ветераном-солдатом, долгое время состоявшим на службе у короля Франции. Он проявлял большой интерес к успехам своего юного ученика. Он научил его ездить верхом и отрабатывать все приемы верховой езды, которых требовала тактика тех дней. Он также обучил его владению оружием, луком и стрелами, дротиком, мечом, копьем, и приучил его носить стальные доспехи, которыми в те дни воины вооружались, отправляясь в

битву, и упражняться в них. У молодых принцев, таких как Уильям, были сшитые для них доспехи небольшого размера, которые они привыкли носить наедине во время своих военных учений и тренировок, а также появляться публично в торжественных случаях государства. Эти железные платья, конечно, были очень тяжелыми и неудобными, но молодые принцы и герцоги, тем не менее, были очень горды и счастливы носить их.

Граф д'Арк.

Пока Уильям, таким образом, продолжал свое военное образование в Париже, в Нормандии немедленно появились несколько претендентов на его герцогство и вышли на поле боя. Самым сильным и выдающимся среди них был граф Арк. Его тоже звали Уильям, но, чтобы отличить его от молодого герцога, мы будем называть его Арк. Он был братом Роберта и утверждал, что, поскольку Роберт не оставил законного наследника, он, бесспорно, имеет право стать его преемником. Арк собрал свои силы и приготовился вступить во владение страной.

Уильям провозглашен герцогом.

Следует помнить, что Роберт, когда он покидал Нормандию, отправляясь в свое паломничество, назначил дворянина по имени Алан исполнять обязанности регента, или губернатора страны, пока он не вернется; или, в случае, если он никогда не вернется, пока Уильям не достигнет совершеннолетия. У Алана был совет офицеров, называемый регентским советом, с помощью которого он управлял управлением правительством. Этот совет во главе с Аланом провозгласил молодого Уильяма герцогом и немедленно начал действовать от его имени. Когда они обнаружили, что граф д'Арк готовится захватить правительство, они также начали собирать свои силы, и таким образом обе стороны подготовились к войне.

Рыцари-пилигримы.

Однако, прежде чем они действительно начали военные действия, рыцари-пилигримы, сопровождавшие Роберта в его паломничестве и медленно возвращавшиеся домой в одиночестве с тех пор, как умер их лидер, прибыли в Нормандию. Это были вожди и дворяневысокого ранга и влияния, и каждая из противоборствующих сторон стремилась привлечь их на свою сторону. Помимо фактического увеличения силы, которую эти люди могли бы привнести в дело, которое они должны были отстаивать, моральная поддержка, которую они оказали бы этому делу, была очень важным соображением. То, что они были в этом долгом и опасном паломничестве, вселило в них своего рода романтический и религиозный интерес в умы всех людей, которые смотрели на них, вследствие этого, с каким-то благоговением; и затем, поскольку они были выбраны Робертом, чтобы сопровождать его в паломничестве, и отправились с ним в долгое и опасное путешествие, продолжая сопровождать его до самой его смерти, они, естественно, считались его самыми верными и близкими друзьями. По этим и подобным причинам было очевидно, что дело, которое они должны были отстаивать в приближающемся соревновании, приобретет значительную моральную силу благодаря их сплоченности.

Они поддерживают дело Вильгельма.

Дебаты в совете о целесообразности возвращения Вильгельма.

Как только они прибыли в Нормандию, отвергнув все предложения из других кругов, они присоединились к делу юного Вильгельма с предельной быстротой и решительностью. Алан

сразу же принял их в свои советы. Было созвано собрание, и обсуждался вопрос, следует ли послать за Вильгельмом, чтобы тот прибыл в Нормандию. Некоторые утверждали, что он все еще был всего лишь мальчиком, неспособным оказать им какую-либо реальную услугу в надвигающемся сражении, в то время как он был бы подвержен, возможно, большему риску, чем они сами, быть взятым в плен или убитым. Поэтому они решили, что будет лучше, если он пока останется в Париже, под защитой французского короля.

Другие, с другой стороны, утверждали, что влияние присутствия Уильяма, каким бы мальчиком он ни был, оживит и вдохновит всех его последователей и пробудит повсюду по всей стране горячий интерес к его делу; что сама его нежность и беспомощность сильно понравятся каждому великодушному сердцу, и что его юношеские достижения и личное обаяние привлекут в его пользу тысячи людей, которые забудут и, возможно, покинут его, если он будет держаться подальше. Кроме того, отнюдь не было уверенности, что он находится в такой безопасности, как некоторые могли бы предположить, находясь под опекой и властью короля Генриха. Король Генрих мог бы сам предъявить претензии на освободившееся герцогство с целью дарования его какому-нибудь своему фавориту, и в этом случае он мог бы заключить юного Вильгельма в один из своих замков, в почетный, но все еще суровый и безнадежный плен, или вероломно лишить его жизни, тайно применив яд.

Возвращение Вильгельма в Нормандию.

Эти последние советы возобладали. Алан и бывшие с ним вельможи отправили посольство ко двору короля Генриха, чтобы вернуть Уильяма домой. Генрих выдвигал возражения и трудности. Это встревожило дворян. Они опасались, что окажется правдой, что сам Генрих имел виды на Нормандию. Они отправили новое посольство с требованиями, более срочными, чем раньше. Наконец, после некоторого времени, проведенного в переговорах и проволочках, король Генрих решил уступить, и Вильгельм отправился в обратный путь. Сейчас ему было около двенадцати или тринадцати лет. Его военный наставник Терульд сопровождал его, и его также сопровождали послы, которых Алан послал за ним, и, кстати, сильный эскорт для его защиты. Он благополучно добрался до штаб-квартиры Алана.

Его последствия.

Достижения Вильгельма.

Впечатление на армию.

Присутствие Вильгельма в Нормандии произвело эффект, которого от него ожидали. Оно повсюду вызвало большой энтузиазм в его пользу. Солдатам было приятно видеть, насколько красив их молодой командир в форме и как прекрасно он умеет ездить верхом. На самом деле, для такого молодого человека он был превосходным наездником. Он даже больше, чем другие мальчики, любил лошадей; и поскольку, конечно, для него были предоставлены самые грациозные и резвые лошади, которых только можно было найти, и поскольку Терульд дал ему наилучшие и наиболее полные инструкции, он производил прекрасное впечатление, быстро проезжая через лагерь, сопровождаемый дворянами-ветеранами, великолепно одетыми и верхом на лошадях, и счастливыми быть в его свите, в то время как его собственное лицо сияло сиянием, в котором врожденный ум и красота усиливались оживлением и возбуждением гордости и удовольствия. Что касается командования армией, то, конечно, реальная власть оставалась в руках Алана, но все делалось от имени Уильяма; и что касается всех внешних знаков и символов суверенитета, то прекрасный мальчик, казалось, обладал верховной

властью; и поскольку чувство преданности всегда сильнее всего, когда цель, требующая его применения, наиболее беспомощна или хрупка, Алан обнаружил, что его власть очень возросла, когда он мог выставлять этого красивого мальчика как истинного и законного наследника, во имя которого и в чью пользу держалась вся его власть.

Претенденты на поле боя.

Железное правило дворян.

Однако по-прежнему страна была очень далека от того, чтобы стать заселенной. Граф д'Арк удержал поле боя, и другие претенденты тоже укрепились в своих различных замках и городах, словно готовясь к сопротивлению. В те дни каждый отдельный район страны был почти отдельным королевством, управляемым своим собственным бароном, который жил со своими слугами в стенах своего собственного замка и правил землей вокруг себя железным жезлом. Эти бароны были вовлечены в постоянные ссоры между собой, каждый грабил владения другого или совершал враждебные набеги на территории соседа, чтобы отомстить за какое-то реальное или мнимое зло. К моменту возвращения Вильгельма повсюду в Нормандии царили беспорядки. В общей неразберихе правительство Вильгельма едва ли знало, кто его друзья, а кто враги. Однажды, когда к некоторым баронам от имени Вильгельма была отправлена депутация с призывом прийти со своими войсками и встать под его знамена, как они были обязаны поступить по долгу службы, они почувствовали себя достаточно независимыми, чтобы сообщить ему в ответ, что у них "слишком много дел по улаживанию собственных ссор, чтобы обращать на него какое-либо внимание".

Чуть не поссорились.

Более того, в течение года или двух, пока его собственное королевство оставалось в таком же беспокойном состоянии, Вильгельм оказался втянутым в то, что было почти ссорой с самим королем Генрихом. Когда ему было пятнадцать лет, то есть через два или три года после его возвращения из Парижа в Нормандию, Генрих отправил Вильгельму указание приехать в некий город под названием Эвре, расположенный примерно на полпути между Фалезом и Парижем, и как раз в пределах Нормандии, [D] отдать ему дань уважения за его герцогство. Среди советников Вильгельма были некоторые сомнения, будет ли разумнее подчиниться этому приказу или нет. В конце концов они пришли к выводу, что лучше всего подчиниться. Соответственно, были сделаны грандиозные приготовления к экспедиции, и, когда все было готово, молодого герцога с большим достоинством, с большой pompой и парадом проводили на встречу со своим сувереном.

Интервью Уильяма и Генри.

Беседа Вильгельма со своим сувереном и связанные с ней церемонии длились несколько дней. В течение этого времени Вильгельм оставался в Эвре и, конечно, в некотором смысле находился во власти Генриха. Уильям, так долго пробывший при дворе Генриха простым мальчиком, привыкший все время равняться на Генриха и повиноваться ему как отцу, теперь рассматривал его в некотором роде в этом свете и обращался к нему с большим почтением. Генрих принятого в несколько надменной и властной манере, как будто считал, что он все еще находится в том же подчинении, что и раньше.

Требование Генриха.

Возмущение Вильгельма.

У Уильяма была крепость или замок на границах своего герцогства, ближе к владениям Генриха. Замок назывался Тельер, и комендантом его был верный старый солдат по имени Де Креспен. Отец Вильгельма, Роберт, доверил де Креспену командование замком и дал ему гарнизон для его защиты. Теперь Генрих начал жаловаться Вильгельму на этот замок. Гарнизон, по его словам, постоянно совершал вторжения в его владения. Уильям ответил, что ему очень жаль, что есть повод для такой жалобы. Он расследует это, и если факт действительно таков, он немедленно исправит зло. Генри ответил, что этого недостаточно. "Ты должен передать замок мне, - сказал он, - на уничтожение". Вильгельм был возмущен таким требованием, но он так привык беспрекословно подчиняться всему, чего бы ни потребовал от него король Генрих, что отдал приказ о сдаче замка.

Генрих разрушает один из замков Вильгельма.

Однако, когда приказ поступил к Де Креспену, коменданту замка, он отказался ему подчиниться. Крепость, по его словам, была передана в его ведение Робертом, герцогом Нормандии, и он не должен передавать ее во владение какой-либо иностранной державе. Когда этот ответ был доведен до сведения Вильгельма и его советников, он вызвал у них еще большее, чем прежде, негодование по поводу властной тирании командования и еще большее, чем когда-либо, желание отказаться от повиновения ему. Тем не менее, Уильям в значительной степени находился во власти монарха. По здравом размышлении они поняли, что сопротивление тогда будет напрасным. Соответственно, были изданы новые, более авторитетные приказы о сдаче замка. Де Креспен повиновался. Он отдал ключи и отступил со своим гарнизоном. Затем Уильяму разрешили покинуть Эвре и вернуться домой, и вскоре после этого замок был стерт с лица земли.

Последовавшие трудности.

Война с Генрихом.

Это дело вызвало, конечно, большую враждебность и раздражение между правительствами Франции и Нормандии; и там, где такое состояние чувств существует между двумя державами, разделенными только воображаемой линией, проходящей через густонаселенную и плодородную страну, агрессия с одной и с другой стороны обязательно последует. Вскоре за ними следуют акты возмездия, ведущие, в конце концов, к открытой и всеобщей войне. Так было и сейчас. Генрих ввел свои армии в Нормандию, захватывал города, разрушал замки, а там, где ему оказывал сопротивление народ, опустошал страну огнем и мечом. В конце концов он осадил сам замок Фалез.

Уильям спасает Фалезу.

Уильяма встретили одобрительными возгласами.

Наказание губернатора.

Вильгельм и его правительство на какое-то время были почти захлестнуты волной бедствий. Однако, в конце концов, ситуация изменилась, и военная удача склонилась в их пользу. Вильгельм спас город и замок Фалез; этот подвиг также был совершен весьма примечательным образом. Крепость была плотно окружена войсками Генриха и находилась в самой преддверии сдачи. История заключается в том, что Генрих предложил взятки коменданту замка, чтобы тот передал его ему, и что комендант согласился принять их и предать его доверие. Пока он готовился к этому, Вильгельм прибыл во главе решительного отряда норманнов. Они так

внезапно атаковали армию осаждающих, что разбили их лагерь и вынудили их прекратить осаду. Жители города и гарнизон замка были чрезвычайно рады такому спасению, и когда они узнали, с помощью кого они были спасены, увидели прекрасного всадника, которого они помнили веселым ребенком, игравшим на территории замка, они были совершенно опьянены восторгом. Они наполнили воздух самыми бурными приветствиями и приветствовали возвращение Уильяма в дом его детства проявлениями самой экстравагантной радости. Что же касается губернатора-предателя, то с ним обошлись очень снисходительно. Возможно, общее чувство радости пробудило в сознании Уильяма эмоции снисхождения и прощения - или, возможно, доказательства против предателя были неполными. Следовательно, они не лишили его жизни, которой, согласно военным представлениям того времени, следовало бы справедливо поплатиться, если бы он действительно был виновен. Они лишили его командования, конфисковали его имущество и отпустили на свободу.

Граф д'Арк.

Наступление Генриха.

После этого войска Вильгельма еще некоторое время успешно сражались с войсками короля Франции; но затем, с другой стороны, опасность со стороны его дяди, графа д'Арк, возросла. Граф воспользовался трудностями и опасностями, в которые был вовлечен Вильгельм в своей борьбе с королем Генрихом, и снова начал организовывать свои войска. Он укрепился в своем замке в Арке,^[E] и собирал там большие силы. Арк находился в северо-восточной части Нормандии, недалеко от моря, где до сих пор сохранились руины древнего замка. Граф построил для себя почти неприступную башню на вершине скалы, на которой стоял замок, в месте настолько неприступном, что он думал, что сможет укрыться в ней в любой чрезвычайной ситуации с несколькими избранными сторонниками и отразить любое нападение. В этом замке и вокруг него граф собрал довольно большую армию. Уильям двинулся вперед со своими войсками и, расположившись вокруг них лагерем, окружил их. Король Генрих, находившийся в то время в отдаленной части Нормандии, начал приводить в движение свою армию, чтобы прийти на помощь Аркесу.

Поскольку дела обстояли таким образом, Вильгельм оставил сильный отряд для продолжения осады Арки, а сам отправился во главе оставшихся сил, чтобы перехватить Генриха во время его наступления. Результатом стало сражение и победа, одержанные при столь экстраординарных обстоятельствах, что Вильгельм, каким бы молодым он ни был, приобрел своими подвигами блестящую всемирную известность.

Опасное ущелье.

Походный приказ Генриха.

Похоже, что Генриху по пути в Арк пришлось пройти через длинную и мрачную долину, с обеих сторон ограниченную крутыми, поросшими лесом холмами. По этому опасному ущелью продвигался длинный обоз армии Генриха, выстроенный в таком порядке, который, казалось, давал наибольшую надежду на безопасность в случае нападения. Первым шел авангард, сильный эскорт, сформированный из тяжелых отрядов солдат, вооруженных боевыми топорами, пиками и другим подобным оружием, наиболее эффективным из известных в то время. Сразу же за этим авангардом тянулся длинный обоз с обозом, палатками, провизией, припасами и всем военным снаряжением. За багажом следовала огромная компания слуг — повара, возчики, разнорабочие, лагерная прислуга всех мастей - толпа некомбатантов, бесполезных, конечно, в

битве и обузой на марше, и все же неотделимых и незаменимых спутников армии, как на покое, так и в движении. За этой толпой последовала основная часть армии, во главе которой стоял король в сопровождении своего почетного караула. Активный и боеспособный корпус улан и латников замыкал тыл.

Засада Уильяма.

Уильям задумал заманить это громоздкое и неуправляемое тело в засаду. Соответственно, он выбрал для этой цели самую узкую и опасную часть ущелья и разместил огромное количество нормандских солдат, вооруженных дротиками и стрелами, на склонах холма с обеих сторон, тщательно спрятав их среди зарослей и камней. Затем он собрал остатки своих сил в долине и послал их вверх по долине навстречу Генри, когда тот спускался. Этот отряд войск, который должен был открыто выступить навстречу королю, как если бы они составляли все войско Вильгельма, должен был вступить в притворное сражение с авангардом, а затем отступить в надежде увлечь за собой весь обоз в погоню, столь стремительную, чтобы привести их в замешательство; и затем, когда колонна, таким образом, дезорганизованная, достигнет места засады, норманны должны были внезапно обрушиться на них из их укрытий и довершить их замешательство.

Его успех.

Притворное бегство норманнов.

План был хорошо разработан, мудро и храбро выполнен; и по своему результату он оказался самым триумфально успешным. Авангард армии Генриха был введен в заблуждение притворным бегством нормандского отряда. Они также предположили, что это были все силы их врагов. Поэтому они устремились вперед с великим ликованием и рвением преследовать их. Весть об атаке и очевидном отпоре, с которым встретили ее французские солдаты, быстро распространилась по долине, вызвав повсюду сильнейшее возбуждение и горячее желание поспешить к месту сражения. Вся долина наполнилась криками; багаж был брошен, чтобы те, кто нес его, могли поспешить дальше; люди бежали назад и вперед в поисках вестей или взбирались на возвышенности, чтобы попытаться что-нибудь разглядеть. Всадники мчались во весь опор спереди в тыл и снова из тыла в тыл; отдавались приказы и контрзаключения, которые никто не понимал и не обращал внимания во всеобщей суматохе и гаме. На самом деле всеобщее внимание, казалось, было поглощено одним общим и страстным желанием с безудержной стремительностью устремиться вперед, к сцене победы и преследования, которая, как они предполагали, разыгрывалась в фургоне.

Замешательство французов.

Разгром французов.

Армия продвигалась вперед в таком растерянном и возбужденном состоянии, пока не достигла места засады. Они тоже двинулись дальше по этому узкому проходу, так же беспечно, как и всегда; и когда самая плотная и мощная часть колонны протискивалась сквозь толпу, их внезапно как громом поразили залп тысячи орудий с высот и зарослей над ними с обеих сторон — ужасный ливень стрел, дротиков и копьеносцев, который в одно мгновение сразил сотни людей и поверг остальных в изумление и ужас. Как только был произведен этот первый выстрел, затаившийся враг хлынул вниз по склонам горы, выскакивая из тысячи укрытий, словно внезапно вызванный к жизни какой-то волшебной силой. Разгром войск Генриха был полным и

непоправимым. Люди разбегались кто куда в полном смятении, топча и уничтожая друг друга, когда перепуганными толпами отступали назад, чтобы найти какое-нибудь безопасное место выше по долине. Там, через день или два, Генрих собрал разрозненные остатки своей армии и разбил что-то вроде лагеря.

Посольство Вильгельма к Генриху.

Любопытной иллюстрацией феодальных чувств тех времен в отношении градации рангов или же необычайной скромности и здравого смысла характера Вильгельма является то, что он не напускал на себя вида превосходства над своим сувереном и не проявлял признаков экстравагантного восторга после этой битвы. Он отправил Генриху почтительное посольство, признавая свое собственное признанное подчинение Генриху как своему суверену и умоляя его о защите! По его словам, он с уверенностью обращался к нему за помощью и поддержкой против своих мятежных подданных.

Замок в Арке взят.

Однако, хотя он таким образом заявлял, что полагается на Генриха, на самом деле он, по-видимому, больше всего доверял своей собственной правой руке; ибо, как только эта битва была практически закончена и пока вся страна была взволнована поразительным блеском подвига, совершенного таким молодым человеком, Вильгельм вскочил на коня и, призвав тех следовать за ним, кто хотел это сделать, во весь опор поскакал во главе небольшой кавалькады к замку в Арке. Его внезапное появление здесь с известием о победе до такой степени воодушевило осаждающих, что вскоре замок был взят. Он позволил мятежному графу сбежать и тем самым, возможно, более эффективно положил конец восстанию. Теперь он мирно владел своим королевством.

Вильгельм коронован в Фалезе.

Он с триумфом отправился в Фалез, где был торжественно коронован с большой церемонией и парадом, и вся Нормандия наполнилась поздравлениями и ликованием.

Глава IV.

Правление Вильгельма в Нормандии.

1040-1060 гг. н. э.

Прошло двадцать лет.

Со времени вступления Вильгельма в спокойное владение своим королевством до его вторжения в Англию прошел длительный период. Прошло более двадцати лет. В течение этого долгого промежутка Вильгельм управлял своим герцогством, подавлял восстания, строил замки и города, вел войны, регулировал гражданские институты и, по сути, очень энергично и успешно выполнял все государственные функции — его жизнь постоянно разнообразили обычные

происшествия, которыми отмечена карьера великого военного правителя независимого королевства в средние века. В этой главе мы приведем описание некоторых из этих инцидентов.

Заговор Ги Бургундского.

Дурак или шут.

Однажды был составлен заговор с целью тайного покушения на его жизнь. Великий вождь по имени Ги Бургундский, дядя Вильгельма, был его предводителем, а слабоумный человек по имени Галет, который занимал место шута при дворе Вильгельма, был средством обнаружения и разоблачения этого. Эти шуты, из которых в те дни один или несколько всегда были в свите каждого великого князя, были либо очень эксцентричными, либо очень глупыми, либо полубезумными людьми, которые были фантастически одеты, в безвкусные цвета, в колпаках с колокольчиками, и их держали для развлечения двора. Шута Вильгельма звали Галет.

Собрания заговорщиков.

Гай Бургундский и его сообщники-заговорщики занимали несколько мрачных замков, построенных в отдаленных и уединенных местах на границах Нормандии. Здесь они привыкли собираться с целью разработки своих планов, сбора своих людей и ресурсов — делая все самым хитрым и тайным образом. Прежде чем их план полностью созрел для исполнения, случилось так, что Уильям совершил охотничью вылазку по соседству с их территорией с небольшой группой приверженцев — тех, кто, естественно, собрался бы вместе на такую увеселительную вечеринку. Галет, дурак, был среди них.

Как только Гай и его товарищи-заговорщики узнали, что Уильям так близко, они решили ускорить исполнение своего плана, подстеречь его и убить по возвращении.

Окончательные планы заговорщиков.

Соответственно, они один за другим покинули свое тайное и уединенное место встречи среди гор, чтобы не привлекать внимания, и отправились в городок под названием Байе, через который, как они предполагали, Уильяму придется проехать на обратном пути. Здесь они провели тайные консультации и составили свои окончательные планы. Они отправили часть своего числа небольшими отрядами в местность, которую Уильяму предстояло пересечь, чтобы занять различные дороги и перевалы и таким образом отрезать ему всякую возможность к бегству. Они сделали все эти приготовления самым тайным и осторожным образом и начали думать, что уверены в своей добыче.

Обнаружен Гале.

Гале отправляется на поиски Уильяма.

Он застаёт его спящим.

Однако случилось так, что некоторые из приближенных Вильгельма, в том числе шут Галет, опередили Вильгельма по возвращении и достигли Байе[F] в то время, когда туда прибыли заговорщики. Горожане не особенно наблюдали за появлением заговорщиков, так как в это время сновало множество всадников и солдат, и у них не было возможности отличить друзей герцога от его врагов; но Гале, прогуливаясь по городу, заметил, что было видно много солдат и рыцарей, которые не принадлежали к партии его господина. Это привлекло его внимание; он начал наблюдать за движениями этих незнакомцев и прислушиваться, не делая вид, что

прислушивается, чтобы уловить слова, которые они говорили друг другу, когда собирались группами или проходили мимо друг друга по улицам. Вскоре он убедился, что замышлялась какая-то пакость. Он немедленно сбросил с себя шапку с колокольчиками и свое фантастическое одеяние и, взяв в руку посох, отправился пешком, чтобы как можно быстрее вернуться на поиски герцога и поднять ему тревогу. Он нашел герцога в деревне под названием Валонг. Он прибыл туда ночью. Он поспешно протиснулся в покои своего господина, наполовину растолкав слуг, которые, привыкшие к вольностям, которые такая особа, как он, привыкла допускать во всех случаях, оказывали лишь слабое сопротивление его желаниям. Он нашел герцога спящим и очень серьезным голосом призвал его проснуться и немедленно встать, ибо его жизнь была в опасности.

Бегство Уильяма.

Ему едва удалось спастись.

Уильям сначала был склонен не верить истории, которую рассказал ему Гале, и думать, что причин для страха нет. Однако вскоре он убедился, что Гале был прав и что для тревоги были основания. Он встал и поспешно оделся; и поскольку монарх в первые минуты раскрытия изменнического заговора не знает, кому доверять, Вильгельм мудро решил не доверять никому. Он сам пошел в конюшню, собственноручно оседлал своего коня, сел на него верхом и усакал. Ему едва удалось спастись, потому что в то самое время, когда Гале спешил в Валонг, чтобы предупредить своего господина об опасности, заговорщики приближались к тому же месту и полностью окружили его; и они были накануне нападения на апартаменты Вильгельма в тот самый час, когда он пустился в бегство. Соответственно, Уильям прошел совсем немного по своему маршруту, прежде чем услышал на дороге позади себя топот скачущих галопом лошадей и бряцанье оружия. Это приближался отряд заговорщиков, которые, обнаружив, что Уильям сбежал, немедленно пустились в погоню. Уильям поспешно въехал в лес и пропустил их мимо себя.

Побег уильяма.

Уильяма узнают.

Некоторое время он оставался в своем укрытии, а затем осторожно выбрался из него, чтобы продолжить свой путь. Он не осмелился ехать по дороге общего пользования, хотя была ночь, а выбрал дикий и кружной путь, по переулкам и обходным тропинкам, которые в конце концов привели его к берегу моря. Здесь, на рассвете, он проходил мимо особняка, полагая, что никто не заметит его в столь ранний час, как вдруг заметил человека, сидящего у ворот, вооруженного и экипированного, в выжидательной позе. Он ждал свою лошадь. Это был дворянин по имени Хьюберт. Он сразу узнал Уильяма как герцога и обратился к нему с удивлением в голосе: "Почему, милорд герцог, возможно ли, что это вы?" Он был поражен, увидев правителя королевства на улице в такой поздний час, в таком состоянии, одного, измученного, его одежда была в беспорядке из-за поспешности, с которой он ее надел, а его конь запыхался и был покрыт пылью, готовый, по-видимому, упасть от усталости.

Замок Хьюберта.

Сыновья Хьюберта.

Уильям, обнаружив, что его узнали, рассказал свою историю. В конце концов оказалось, что Хьюберт владел собственным замком и деревней как арендатор одного из главных заговорщиков и был обязан, согласно феодальным представлениям того времени, поддерживать своего землевладельца. Однако он сказал Уильяму, что ему нечего бояться. "Я буду защищать твою жизнь, - сказал он, - как свою собственную". Сказав это, он позвал трех своих сыновей, которые все были атлетически сложенными и мужественными молодыми людьми, и приказал им сесть на коней и готовиться к походу. Он отвел Уильяма в свой замок и дал ему столько еды и освежающих напитков, в которых тот нуждался. Затем он снова привел его во двор дома, где Уильям нашел трех молодых всадников верхом и готовыми, а также сильного и резвого скакуна, приготовленного для него самого. Он вскочил в седло. Губерт приказал своим сыновьям как можно скорее проводить принца в Фалез, вообще не выезжая на шоссе и не заезжая в город. Соответственно, они взяли прямой курс через страну, которая,

вероятно, тогда, как и сейчас, была почти лишена ограждений, и благополучно доставили Вильгельма в его замок в Фалезе.

Преследование заговорщиков.

Утром преследователи Уильяма пришли в замок Хьюберта и спросили, не видели ли они проезжавшего мимо герцога. Хьюберт ответил утвердительно и с большой готовностью вскочил на своего коня, чтобы показать им дорогу, по которой уехал беглец. Он убеждал их скакать во весь опор в надежде вскоре настичь объект их преследования. Соответственно, они ехали дальше с большой стремительностью и рвением под руководством Хьюберта; но, поскольку он намеренно свернул не на ту дорогу, он только все больше и больше сбивал их с пути истинного. Наконец они прекратили погоню, и Хьюберт вернулся с разочарованными преследователями в свою крепость, а Уильям тем временем благополучно прибыл в Фалез.

Поражение повстанцев.

Их наказание.

Теперь заговорщики поняли, что больше бесполезно пытаться скрывать свои планы. Фактически, все они уже были разоблачены, и они знали, что Уильям немедленно соберет свои войска и выйдет, чтобы схватить их. Следовательно, они должны либо бежать из страны, либо попытаться поднять открытое восстание. Они остановились на последнем — результатом стала гражданская война. В конце концов, Вильгельм одержал победу. Он взял в плен большое количество мятежников и разработал следующий весьма необычный план, чтобы подвергнуть их подобающему наказанию и в то же время воздвигнуть постоянный памятник своей победе. Он проложил общественную дорогу через всю страну, по той линии, по которой его вели сыновья Хьюберта, и вынудил повстанцев пройти по ней. Большая часть этой местности была низменной и болотистой, и по этой причине ее избегали по дороге общего пользования, которая огибала ее круглым путем. Однако теперь пленные повстанцы были привлечены к работе по возведению террасы или насыпи на линии, обследованной инженерами Уильяма, которая почти точно повторяла курс его отступления. Затем по этой террасе была проложена большая дорога, и она сразу же стала общественной магистралью огромного значения. В течение нескольких столетий она оставалась одной из самых посещаемых магистралей в королевстве и была известна по всему королевству под названием Приподнятой дороги — *Terre levée*. Фактически, его остатки, похожие на руины древней железнодорожной насыпи, существуют и по сей день.

Любопытный случай.

Доспехи.

Происхождение геральдики.

В ходе войны с этими повстанцами в одном из сражений произошел любопытный инцидент, или, скорее, так говорят историки, рассказывающие эту историю, которая, если она правдива, очень ярко иллюстрирует романтические и рыцарские идеи того времени. Как раз в тот момент, когда началось сражение, Уильям заметил сильный и прекрасно экипированный отряд всадников, готовящихся к атаке на том самом месте, где стоял он сам, окруженный своими офицерами. Доспехи, которые рыцари носили в битвах в те времена, прикрывали фигуру и лицо настолько полно, что даже знакомым и друзьям было бы невозможно узнать друг друга, если бы все рыцари не носили определенные знаки на той или иной части своих доспехов —

нарисованные, например, на их щитах или вышитые на маленьких знаменах, которые они носили, — с помощью которых их можно было узнать. В конце концов эти знаки стали передаваться по наследству в великих семьях — сыновья с гордостью носили эмблемы, которым деяния их отцов придали оттенок славы. Гербы разных вождей иногда комбинировались в случаях смешанных браков или модифицировались различными способами; и с этими незначительными изменениями они передавались из поколения в поколение в качестве фамильного герба. И это было началом геральдики.

Ролло де Тессон.

Соблюдаю обе клятвы.

Меняю сторону.

Теперь отряд всадников, которые шли в атаку, как описано выше, имел у каждого из них свой герб на маленьком флажке или транспаранте, прикрепленном к их копьям. Пока они приближались, Уильям внимательно разглядывал их и вскоре узнал в их предводителе человека, который раньше был на его стороне. Его звали Ролло де Тессон. Он был одним из тех, кто поклялся ему в верности в то время, когда его отец Роберт представил его совету, отправляясь в свое паломничество. Уильям соответственно воскликнул громким голосом: "Да это же мои друзья!" Офицеры и солдаты личной охраны, которые были с ним, подхватили крик: "*Друзья! друзья!*" Ролло де Тессон и другие рыцари, которые медленно приближались, готовясь напасть на отряд Уильяма, удивленные таким обращением, приостановили свое продвижение и, наконец, остановились. Ролло сказал другим рыцарям, собравшимся вокруг него: "*Я был его другом. Я дал клятву его отцу, что буду стоять рядом с ним и защищать его ценой своей жизни; и теперь я сегодня утром поклялся графу Котантену, - граф Котантен был лидером восстания, — что я разыщу Уильяма на поле битвы и первым нанесу ему удар. Я не знаю, что делать.*" "Соблуди обе клятвы", - ответил один из его товарищей. "*Иди и нанеси ему легкий удар, а затем защищай его ценой своей жизни*". Весь отряд поддержал это предложение одобрительными возгласами. Ролло двинулся вперед, за ним последовали другие рыцари, жестами и криками показывая, что они друзья. Он подъехал к Уильяму, сказал ему, что в то утро поклялся ударить его, а затем нанес ему притворный удар по плечу; но поскольку и плечо, и рука, нанеся удар, были вооружены сталью, лязгнувший звук был единственным произведенным эффектом. Ролло и его отряд — таким образом, их клятвенное обязательство графу Котантенскому было выполнено — перешли в ряды солдат Вильгельма и весь день доблестно сражались на его стороне.

Характер древних вождей.

Их любовь к войне.

Хотя Вильгельм, как правило, одерживал победы в сражениях, в которых он участвовал, и ему быстро и решительно удавалось подавлять одно восстание за другим, тем не менее, постоянно вспыхивали новые восстания и новые войны, которые держали его владения в состоянии постоянного волнения. Фактически, вожди, дворяне и рыцари, составлявшие единственные классы общества, которые в те дни пользовались каким-либо влиянием или к которым относились с каким-либо уважением, никогда не были довольны, за исключением случаев активного участия в военных кампаниях. Волнения и слава войны были единственными волнениями и славой, которые они понимали или имели возможность наслаждаться. Их

жилища представляли собой огромные крепости, построенные на вершинах скал, которые, какими бы живописными и прекрасными они ни казались сейчас в *видеруин*, тогда были очень мрачными и заброшенными, как жилые дома. Они были достаточно привлекательны, когда их обитатели бежали к ним в поисках убежища от врага или были заняты в стенах сосредоточением своих сил и вооружением для какой-нибудь новой экспедиции с целью мести или грабежа, но они были одинокими и безжизненными сценами беспокойства и недовольства во времена тишины и мира.

Древние замки.

Их внутреннее устройство.

В наши дни нам трудно представить, насколько лишенными всех обычных средств комфорта и наслаждений, по сравнению с современным жилищем, должны были быть древние феодальные замки. Они были размещены в местах, максимально приближенных к труднодоступным, а естественные препятствия для подхода были увеличены стенами, воротами, рвами и подъемными мостами. Дверью доступа часто служило окно в стене, расположенное на высоте десяти-пятнадцати футов от земли, к которому заключенные или их друзья поднимались по лестнице. Полы были каменными, стены голыми, потолок представлял собой грубо сколоченный ряд арок. Квартиры тоже обычно были небольшими и располагались одна над другой на последовательных этажах башни. Эти похожие на кельи помещения также не могли быть оживлены широкими и жизнерадостными окнами современности, которые не только пропускают свет, оживляющий происходящее внутри, но и открывают зрителю широкий, а иногда и чарующий вид на окружающую местность. Окна замка древних времен, напротив, представляли собой узкие отверстия-петли, каждое на дне глубокой ниши в толстой стене. Если бы их сделали широкими, они слишком легко пропускали бы стрелы и дротики осаждающих, а также ветер и дождь во время зимних штормов. В этих заброшенных жилищах не было ни книг, ни мебели, кроме доспехов, ни удовольствий, кроме выпивки и кутежей.

Для знати нет ничего достойного уважения, кроме войны.

Эти благородные и доблестные рыцари и бароны также не могли заняться каким-либо полезным занятием. Для них не было ничего достойного, кроме как сражаться. Они с презрением смотрели на все промышленные занятия в жизни. Возделывание ферм, разведение крупного рогатого скота, искусства, мануфактуры и торговля — все, чем человек может принести пользу своим ближним, было совершенно ниже их достоинства. На самом деле, их потомки и по сей день, даже в Англии, придерживаются тех же идей. Их младшие сыновья могут поступить в армию или на флот и провести свою жизнь, убивая и разрушая, или в ожидании, в праздности, распутстве и пороке, приказов убивать и разрушать без бесчестия; но участвовать каким-либо образом в тех обширных и великолепных операциях мирной промышленности, от которых зависят истинное величие и слава Англии, было бы вечным и непоправимым позором. Молодой дворянин может служить в самом низшем официальном качестве на борту военного корабля и получать за это плату, не унижаясь; но *построить* сам военный корабль и брать за него плату означало бы заставить весь свой класс отречься от него.

Восстания.

Оскорбительные намеки на рождение Уильяма.

Именно из-за такого настроения рыцарей и баронов времен Вильгельма мир всегда был для них утомительным, и они никогда не были довольны, за исключением тех случаев, когда участвовали в битвах и кампаниях. Вероятно, именно это чувство, в той же степени, что и любая устоявшаяся враждебность к праву Вильгельма на царствование, заставляло его баронов с таким рвением участвовать в восстаниях. Однако, в конце концов, существовала реальная и глубоко укоренившаяся оппозиция праву Вильгельма на престолонаследие, основанная на идеях того времени. Они не могли спокойно вынести, что человек столь скромного и даже позорного происхождения по материнской линии должен быть наследником столь прославленного рода, как великие герцоги Нормандии. Враги Уильяма имели обыкновение называть его оскорбительными эпитетами, вытекающими из обстоятельств его рождения. Хотя он был терпелив и вынослив и часто очень великодушно прощал другие обиды, эти оскорбления памяти его матери всегда очень глубоко ранили его и пробуждали сильнейшие эмоции негодования. Один пример этого был настолько замечен, что зафиксирован почти во всех историях Вильгельма, которые были написаны.

Засада.

Это было в разгар одной из войн, в которых он участвовал, когда он продвигался через всю страну для атаки сильного замка, который, в дополнение к естественной прочности его стен и укреплений, защищался многочисленным и мощным гарнизоном. На самом деле гарнизон был настолько уверен в своей численности и мощи, что, когда они услышали, что Уильям собирается напасть на них, они послали ему навстречу отряд. Этот отряд, однако, не собирался давать ему открытый бой. Их план состоял в том, чтобы устроить засаду и атаковать войска Уильяма, когда они придут на место, не подозревая о близости врага и не будучи застигнутыми врасплох.

Его провал.

Однако, как они обнаружили, Уильям не растерялся. Он атаковал засаду с такой энергией, что немедленно обратил все войско в бегство. Разумеется, беглецы направились к замку. Уильям и его солдаты бросились за ними в погоню. Кончилось тем, что у отряда из гарнизона едва хватило времени, после того как они сами благополучно проникли внутрь, поднять подъемные мосты и запереть ворота, чтобы не дать своим преследователям тоже войти. Однако им это удалось, и Вильгельм, расположив свои войска вокруг замка, открыл свои позиции и начал регулярную осаду.

Оскорбления гарнизона.

Гарнизон, вполне естественно, был раздосадован и раздражен плохим успехом задуманной ими стратегии. То, что засада не только не достигла своей цели, но и что люди, составлявшие ее, были загнаны внутрь с таким позором и так чудом избежали опасности впустить в погоню за ними весь отряд своих врагов, было большим позором. Чтобы отомстить Вильгельму и выплеснуть на него те чувства унижения и досады, которые испытывали они сами, они взобрались на стены и башни и выкрикивали всевозможные упреки и оскорбления. Наконец, когда они обнаружили, что простые слова не могут сделать их достаточно язвительными, они пошли и раздобыли шкуры, кожаные фартуки и все остальное, что смогли найти, связанное с ремеслом кожевника, и потрясали этим перед войсками нападавших с башен и стен с криками веселья и насмешек.

Возмущение Уильяма.

Уильям был отчаянно взбешен этими оскорблениями. Он организовал атакующий отряд и с помощью огромных усилий, на которые их подтолкнуло раздражение его людей, снес некоторые из укреплений и взял несколько пленных. Этих пленников он разрубил на куски, а затем приказал перебросить их окровавленные и искалеченные конечности и члены на огромных пращах через стены замка.

Кампания Вильгельма во Франции.

Его популярность.

Однажды в период, охватываемый этой главой, и в течение одного из тех периодов мира и покоя в своих владениях, которыми Вильгельм иногда наслаждался, король Франции был вовлечен в войну с одним из своих собственных мятежных подданных, и Вильгельм отправился с армией норманнов, чтобы оказать ему помощь. Король Генрих поначалу был весьма доволен такой быстрой и действенной помощью, но вскоре после этого начал завидовать всеобщей популярности, которую вскоре начал приобретать молодой герцог. Уильяму было в то время всего около двадцати четырех лет, но он брал на себя руководство всем — передвигался взад и вперед с предельной быстротой, планировал кампании, руководил осадами, и своими личными достижениями и храбростью он завоевал сердца всех и был предметом всеобщих похвал. Король Генрих обнаружил, что в какой-то мере его вытеснили из поля зрения своих подданных, и он начал испытывать сильную зависть к своему сопернику.

Доблесть Уильяма.

Истинная природа мужества.

Иногда происходили особые инциденты, в ходе которых подвиги доблести или ловкости Уильяма настолько вызывали восхищение армии, что он был ошеломлен одобрительными возгласами и аплодисментами. Как правило, это были боевые подвиги на поле боя или бегство от преследователей при численном превосходстве, в которых удача часто, возможно, в не меньшей степени способствовала достижению результата, чем сила или мужество. Но в те дни удача солдата, возможно, была таким же предметом аплодисментов, как его мускульная сила или храбрость; и, фактически, это было так же заслуженно; ибо сила рук и хладнокровие или, скорее, свирепая отвага, которые делают хорошего бойца в личных состязаниях на поле боя, являются качествами скорей животных, чем людей. Мы испытываем к ним своего рода уважение во льве или тигре, но они заслуживают только проклятия, когда проявляются в безудержной ненависти и мести человека по отношению к своему брату-человеку.

Засада.

Храбрость Уильяма.

Одним из примеров необычайного успеха Уильяма было следующее. Однажды он вел разведку противника в сопровождении всего четырех или пяти рыцарей, которые выполняли роль его слуг и телохранителей. Отряд находился на некотором расстоянии от лагеря противника и предполагал, что за ними не наблюдают. Однако за ними наблюдали, и немедленно был сформирован отряд из двенадцати отборных всадников, которым было приказано выехать и застать их врасплох. Этот отряд спрятался в засаде в том месте, где должна была пройти разведывательная группа, и, когда наступил подходящий момент, они внезапно напали на них и потребовали сдаться. Двенадцать человек против шести, казалось, делали и бегство, и

сопротивление одинаково тщетными. Уильям, однако, немедленно перешел в атаку на сидевших в засаде. Он поднял свое длинное копье и, мчась с ним во весь опор, выбил из седла и убил одним ударом переднего из них. Затем, просто отведя свое оружие назад, чтобы собраться с силами для следующего удара, он убил второго из своих врагов таким же образом. Его последователи были настолько воодушевлены этим успешным наступлением, что очень решительно ринулись в бой. Тем временем крики подняли тревогу в лагере Уильяма, и сильный отряд отправился спасать Уильяма и его спутников. Затем остальные повернулись, чтобы бежать, в то время как Уильям последовал за ними с таким рвением и вплотную, что он и те, кто был с ним, настигли и вывели из строя семерых из них и взяли их в плен. Остальные сбежали. Затем Уильям и его спутники повернулись и направились к своему лагерю, везя своих пленников в обозе.

Победа Вильгельма.

Аплодисменты французской армии.

Их встретил сам король Генрих во главе отряда из трехсот человек, которые, не зная, насколько велика может быть необходимость в эффективной помощи, спешили к месту действия. Вид Вильгельма, возвращающегося домой с победой, и рассказы его товарищей о непобедимой силе и отваге, которые он проявил во время внезапной опасности, пробудили всеобщий энтузиазм, а аплодисменты и восхваления, которыми оглашался весь лагерь, несомненно, были столь же восхитительны и опьяняющие для него, сколь горькими для короля.

Уильям прочно восседает на своем троне.

Его новые проекты.

Именно благодаря таким поступкам и таким личным и умственным качествам, как эти, Уильям, несмотря на неблагоприятное влияние своего происхождения, в течение двадцати лет, о которых мы говорим, пробивал себе дорогу ко всеобщему благосклонности и приобрел всемирную известность. Он полностью организовал внутренние дела своего собственного королевства и прочно утвердился на герцогском троне. Его ум стал зрелым, его ресурсы были хорошо развиты, и его душа, всегда честолюбивая и устремленная, начала тянуться вперед к достижению каких-то более грандиозных целей и к выходу на более широкое поле деятельности, чем могло позволить себе его герцогство Нормандское. Однако в течение этого промежутка времени он был женат; и, поскольку обстоятельства его женитьбы были несколько экстраординарными, мы должны посвятить этому событию отдельную главу.

Глава V.

Брак.

1045-1052 гг. н. э.

Политическое значение королевского брака.

Одним из наиболее важных моментов, на который наследственный властитель должен обратить внимание при завершении своих политических приготовлений, является вопрос о его браке. Пока у него нет семьи и наследника, умы людей не успокоены в отношении престолонаследия, и различные соперничающие кандидаты и претенденты на трон постоянно строят заговоры и интригуют, чтобы получить возможность немедленно занять его место, если болезнь, или сражение, или какой-либо внезапный несчастный случай заберут его. В случае с Уильямом это зло было более грозным, чем обычно, поскольку все люди, которые были готовы занять его место после его смерти, тайно или открыто утверждали, что их право на это выше, чем у него, пока он был жив. Это придавало двойную интенсивность возбуждению, с которым общественность постоянно волновалась по поводу короны, и держало умы честолюбивых и честолюбивых людей во всех владениях Вильгельма в постоянном возбуждении. Было очевидно, что большая часть причин этого беспокойного поиска перемен и последующего планирования их продвижения была бы устранена, если бы у Уильяма родился сын.

Взгляды Уильяма на свой брак.
Его выбор.

Поэтому женитьба герцога стала важным вопросом государственной политики. Фактически, бароны и военные вожди, которые были дружелюбны к нему, настаивали на этой мере из-за большого эффекта, который, по их мнению, это окажет на успокоение умов населения страны и укрепление его власти. Уильям, соответственно, начал оглядываться в поисках жены. Однако в конце концов оказалось, что, хотя политика была главным соображением, которое впервые побудило его задуматься о браке, любовь, весьма вероятно, оказала важное влияние на определение его выбора дамы; во всяком случае, объект его выбора был объектом, достойным любви. Она была одной из самых красивых и образованных принцесс в Европе.

Генеалогия Матильды.

Она была дочерью великого властителя, правившего страной Фландрия. Фландрия расположена на побережье, к востоку от Нормандии, за границами Франции и на южном берегу Германского океана. Титул ее отца был графом Фландрии. Однако он управлял своими владениями как суверен и стоял во главе очень эффективной военной державы. Его семья тоже занимала очень высокое положение и пользовалась большим уважением среди других принцев и властителей Европы. Он породнился с королевской семьей Англии, так что специалисты по генеалогии, которые в те дни проявляли большой интерес к отслеживанию подобных связей, установили, что Матильда, дочь графа, которую Уильям намеревался сделать своей невестой, происходила по прямой линии от самого великого английского короля Альфреда.

Ее отношения с Уильямом.

Эти отношения, сделав рождение Матильды еще более знаменательным, сыграли решающую роль в пользу этого брака, поскольку большая часть мотивов, которые Уильям имел в виду при предполагаемом браке, заключалась в том, чтобы возвеличить и укрепить свое собственное положение благодаря связи, которую он собирался создать. Однако в данном случае имело место другое кровное родство, имевшее противоположную тенденцию. Отец Матильды был связан как с нормандской, так и с английской линией, и Матильда и Уильям были в некотором отдаленном смысле двоюродными братьями. Это обстоятельство привело в дальнейшем, как мы сейчас увидим, к серьезным трудностям и неприятностям.

Достижения Матильды.

Ее вышивка.

Матильда была на семь лет моложе Уильяма. Она выросла при дворе своего отца и повсюду славилась своей красотой и достижениями. В те дни знатные дамы стремились отличиться в двух областях: музыке и вышивке. Вышивание гобеленов было великим достижением, и в этом искусстве юная Матильда приобрела большое мастерство. Гобелен, изготовленный в средние века, использовался для развешивания на стенах некоторых наиболее украшенных комнат в королевских дворцах и замках, чтобы скрыть обнаженную поверхность камней, из которых было построено здание. Развешанные таким образом ткани сначала были простыми, позже их стали украшать вышитой каймой или другими украшениями, и, наконец, дамы научились использовать часы досуга и скрашивать скуку долгого заточения, которое многим из них приходилось терпеть в своих замках, вышивкой различных украшений на драпировках, предназначенных для их собственных комнат, или выполнять такую работу в качестве подарков для своих друзей. Трудолюбие и мастерство Матильды в этом виде работы были отмечены повсюду.

Индустрия Матильды.

Говорят, что достижения, к приобретению которых дамы прилагают большие усилия в ранние годы, иногда, почти полностью откладываются после замужества; не обязательно потому, что тогда они менее стремятся нравиться, но иногда из-за обилия домашних обязанностей, которые оставляют им мало времени, а иногда из-за давления бремени забот или горя, которые не оставляют им сил для занятий развлечениями или весельем. Однако, похоже, в случае с Матильдой все было не так. За годы своей супружеской жизни она часто бралась за иглу, а после того, как Вильгельм завершил свое завоевание Англии, она с огромным трудом соткала из длинного полотна серию рисунков, иллюстрирующих различные события и инциденты его кампании, и работа сохранилась до наших дней.

Гобелен из Байе.

По крайней мере, такая паутина сейчас существует в древнем городе Байе в Нормандии, которая существовала с незапамятных времен и, по преданию, была соткана Матильдой. Однако, похоже, что если она вообще это сделала, то, должно быть, "когда Соломон строил храм — с большой помощью", поскольку это знаменитое произведение вышивки, которое уже несколько сотен лет отмечается всеми историками и учеными мира под названием *гобелен из Байе*, имеет более четырехсот футов в длину и почти два фута в ширину. Ткань выполнена из льна, а вышивка - из шерсти. Очевидно, что все это было сделано иглой и с бесконечным трудом и тщательностью. Использованная шерстяная нить была разных цветов, подходящих для изображения различных объектов в дизайне, хотя сейчас эти цвета, конечно, сильно потускнели.

Рисунки.

Грубый рисунок.

Сами рисунки очень просты и даже грубоваты, демонстрируя очень слабое знание принципов современного искусства. Представленные на следующей странице образцы гравюр, сделанных с них, дадут некоторое представление о детском стиле рисования, который характеризует все

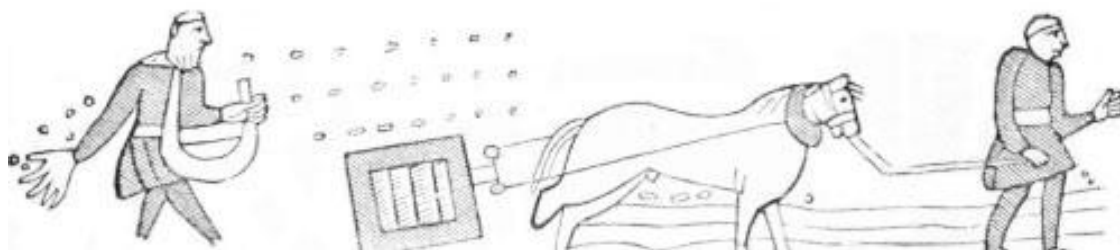
рисунки Матильды. Однако, поскольку сейчас такой стиль рисования считается детским, во времена Матильды его, похоже, очень хвалили и восхищались.

Образцы рисунков гобеленов из Байе.

Вспашка. С

гобелена из Байе.

Посев. С гобелена

из Байе.

Сохранение.

Элементы распада.

Великая эпоха гобеленов из Байе.

Наблюдая за ходом человеческих дел, мы часто имеем возможность наблюдать хрупкость и преходящность вещей, которые кажутся наиболее прочными. В случае с этой вышивкой, напротив, мы поражены долговечностью и постоянством того, что казалось бы самым хрупким и мимолетным. Завоевание Англии Вильгельмом произошло в 1066 году. Следовательно, этому куску гобелена, если его действительно создала Матильда, около восьмисот лет. И когда мы рассматриваем, насколько нежным, тонким и хрупким является волокно льняной нити, и что различные элементы разложения, всегда занятые работой по разложению и разрушению творений человека, оказались достаточно могущественными, чтобы разрушить самые гордые сооружения, которые он когда-либо пытался возвести, мы поражаемся, что эти тонкие нити были способны так долго сопротивляться их действию. Гобелену из Байе почти тысяча лет. Вероятно, он прослужит еще тысячу лет. Таким образом, огромная и непреодолимая сила, разрушившая Вавилон и Трою и добивающаяся видимого прогресса в разрушении пирамид, сводится на нет долговечностью изделия, выполненного хрупкими и нежными пальцами женщины.

Возможно, у нас будет возможность снова обратиться к гобелену из Байе, когда мы перейдем к рассказу о подвигах, которые эта историческая вышивка должна была проиллюстрировать и украсить. Тем временем мы возвращаемся к нашему рассказу.

Брачные переговоры.

Брачные переговоры принцев и принцесс всегда проводятся формально и церемонно, с участием бесчисленных легатов, послов и уполномоченных, которые, конечно же, заинтересованы в затягивании процесса, чтобы максимально продлить свое собственное дипломатическое значение и власть. Помимо этих случайных и временных трудностей, вскоре выяснилось, что в данном случае существовали некоторые реальные и очень серьезные препятствия, которые на какое-то время угрожали полностью сорвать план.

Возражения Матильды.

Отказ Матильды.

Среди этих трудностей была одна, которая обычно в подобных случаях не считалась особо важной, но которая в данном случае, казалось, надолго поставила преграду желаниям Уильяма, и это было отвращение, которое сама юная принцесса испытывала к этому браку. Можно было бы предположить, что она не испытывала личного отвращения к Уильяму, поскольку он был высоким и красивым кавалером, в высшей степени грациозным и образованным, известным своей храбростью и успехами на войне. Он был во всех отношениях таким персонажем, который, скорее всего, пленил бы воображение принцессы-девственницы в те воинственные времена. Матильда, однако, возражала против его рождения. Она не могла считать его законным потомком и наследником герцогов Нормандских. Это правда, в то время он владел тронном, но большая часть самых могущественных вождей в его королевстве считала его узурпатором. Он мог в любой момент, при какой-нибудь внезапной перемене судьбы, быть изгнанным из своих владений. Одним словом, его положение, хотя в то время и было очень высоким, было слишком ненадежным и нестабильным, а его личные притязания на высокий социальный ранг были слишком двусмысленными, чтобы оправдать то, что она доверила свою судьбу в его руки. Одним словом, ответом Матильды на предложения Уильяма был категорический отказ стать его женой.

Ее привязанность к Бритрику.

Привязанность Матильды не была взаимной.

Однако эти мнимые основания, на которых Матильда основывала свой отказ, какими бы правдоподобными они ни были, не были реальными. Тайным мотивом была другая привязанность, которую она сформировала. Ко двору ее отца во Фландрию от английского короля был отправлен молодой саксонский посол по имени Бритрик. Бритрик пробыл некоторое время при дворе во Фландрии, и Матильда, часто видевшая его на различных увеселительных мероприятиях, празднествах и званых вечерах, которые устраивались для его развлечения, прониклась к нему сильной привязанностью. У него было очень светлое лицо, и черты его были выразительными и красивыми. Он был дворянином, занимавшим высокое положение в Англии, хотя, конечно, его положение было ниже, чем у Матильды. Поскольку при данных обстоятельствах вряд ли было бы уместно, чтобы он добивался руки принцессы из-за превосходства ее социального положения, Матильда сочла своим долгом заявить ему о своих чувствах и таким образом открыть дорогу. Она так и сделала; но она обнаружила, несчастная девушка, что Бритрик сам не чувствовал любви, которую он внушил ей, и все усилия и ухищрения, к которым ее побуждал инстинкт привязанности, оказались совершенно бессильными вызвать ее. Бритрик, выполнив цель своей миссии, холодно попрощался с Матильдой, в то время как ее сердце было почти разбито, и ушел.

Ее жажда мести.

Как самое сладкое вино превращается в самый острый уксус, так и самая теплая и пылкая любовь превращается, если она вообще превращается, в самую горькую и ядовитую ненависть. Любовь вскоре уступила место в сердце Матильды негодованию, а негодование - жгучей жажде мести. Интенсивность первого возбуждения улеглась, но Матильда никогда не забывала и не прощала разочарования и унижения, которые ей пришлось пережить. Много лет спустя у нее была возможность ужасно отомстить Брайтрикув Англии, подвергнув его там жестокости и лишениям, которые свели его в могилу.

Кровное родство Уильяма и Матильды.
Препятствие для их брака.

В то же время, пока ее мысли были так заняты этой привязанностью, у нее, конечно, не хватило духу благосклонно выслушать предложения Уильяма. Ее друзья не придали бы значения истинной причине ее отвращения к этому браку, но они чувствовали силу возражений, которые могли быть справедливо выдвинуты против ранга Уильяма и его действительного права на трон. Тогда кровное родство сторон было большим источником смущения и неприятностей. Римско-католические правила запрещали вступать в брак людям, которые были близкими родственниками друг другу. Существовала такая вещь, как получение разрешения от папы римского, которым брак был бы разрешен. Соответственно, Уильям отправил послов в Рим для переговоров по этому делу. Это, конечно, открыло новое поле для трудностей и задержек.

Переговоры с папой Римским.
Причины задержки.

Папские власти имели обыкновение в таких случаях требовать в качестве цены или, скорее, в качестве условия своего разрешения какого-либо дарования или благотворительной передачи от заинтересованных сторон Церкви, такой как основание аббатства или обители, строительств часовни или пожертвования на благотворительность, путем как бы возмещения Церкви полученной таким образом выгоды за любой ущерб, который дело религии и морали могло бы понести из-за ослабления божественного закона. Конечно, имея в виду именно эту цель, власти Рима склонны были бы затягивать переговоры, чтобы в конце концов добиться от нетерпеливого истца более выгодных условий. У послов и уполномоченных, со стороны Уильяма, тоже не было серьезных мотивов для ускорения процесса. Рим был приятным местом жительства, и жить там в качестве посла герцога Нормандской крови означало пользоваться высокой степенью уважения и постоянно находиться в окружении великолепия. С другой стороны, у самого Вильгельма не всегда было времени продвигать дело вперед, уделяя ему собственное пристальное внимание; ибо в период, пока продолжались эти переговоры, он время от времени был занят иностранными войнами или подавлением восстаний среди своих баронов. Таким образом, по той или иной причине казалось, что это дело никогда не закончится.

На самом деле, менее решительный человек, чем Уильям, сдался бы в отчаянии, поскольку, как говорят, прошло семь лет, прежде чем это дело было доведено до конца. Рассказывают одну историю о безудержной энергии, которую Уильям проявил в этом костюме, что кажется почти невероятным.

Ссора Уильяма с Матильдой.

Это произошло после того, как переговоры затянулись на несколько лет, и в то время, когда трудности были вызваны главным образом противодействием Матильды. Это было во время беседы Уильяма с Матильдой на улицах Брюгге, одного из городов ее отца. Все, что происходило на собеседовании, неизвестно, но в конце концов негодование Уильяма по поводу обращения с ним Матильды потеряло все границы. Он ударил ее или толкнул с такой силой, что повалил на землю. Говорят, что он несколько раз ударил ее, а затем, оставив ее в перепачканной и растрепанной одежде, в ярости ускорил прочь. Любовные ссоры часто являются средством сближения противоборствующих сторон, чем они были раньше, но мы надеемся, что такая ужасная любовная ссора, как эта, встречается очень редко.

Примирение.

Однако, каким бы жестоким это ни было, за этим последовало полное примирение, и в конце концов все препятствия были устранены, и Уильям и Матильда поженились. Это событие произошло в 1052 году.

Свадьба.

Ликование и празднества.

Церемония бракосочетания была проведена в одном из замков Вильгельма на границе Нормандии, поскольку принцы и короли обычно женятся всегда в своих собственных владениях. Родители проводили Матильду туда с большой помпой и парадом в сопровождении большой свиты слуг и друзей. Эта компания, верхом — как рыцари, так и дамы — на лошадях в великолепных пополах, двигалась по стране, как маленькая армия на марше, или, скорее, как триумфальная процессия, сопровождающая королеву. Матильду приняли в замке с особым почетом, и брачные торжества и сопровождавшие их развлечения продолжались в течение нескольких дней. Это была сцена необычного праздника и ликования.

Платья Уильяма и Матильды по этому случаю были особенно великолепны. На ней была мантия, усыпанная самыми дорогими драгоценными камнями; и, в дополнение к другому великолепию своего наряда, Уильям тоже носил мантию и шлем, оба из которых были богато украшены такими же дорогими украшениями. В те дни этому внешнему зрелищу придавалось такое большое значение, и к нему проявлялся такой большой общественный интерес, что эти платья Вильгельма и Матильды со всеми украшавшими их драгоценностями были впоследствии переданы на хранение в большую церковь в Байе, где они оставались своего рода публичным зрелищем, собственностью Церкви, почти пятьсот лет.

Резиденция в Руане.

Старинные замки и дворцы.

Из замка Оги, где совершались брачные церемонии, Вильгельм по окончании этих первых празднеств и ликований направился в великий город Руан, проводив туда свою невесту с большой помпой и парадом. Здесь молодая пара утвердилась, наслаждаясь всеми видами роскоши и великолепия, которые были достижимы в те дни. Как уже было сказано, интерьеры, даже королевских замков и дворцов, представляли собой лишь немного из удобств, которые в наше время считаются необходимыми для домашнего счастья. Современные европейские дамы наслаждаются своими уединенными и хорошо обставленными апартаментами,

украшенными бархатными коврами и шелковыми занавесками, и роскошными кроватями из пуха, с диванами и кушетками, приспособленными ко всем фантазиям, которые могут возникнуть в результате каприза усталости или беспокойства, и шкафами, набитыми сокровищами, и библиотеками с украшенными книгами — вся сцена освещена великолепием газовых ламп, чей блеск отражается зеркалами и канделябрами, переливающимися тысячью оттенков. Вфеодальном дворце Матильды не было таких сцен, как эти. Холодные каменные полы были покрыты тростниковыми циновками. Стены — если голая каменная кладка вообще была скрыта — были занавешены грубыми гобеленами, украшенными грубыми и уродливыми фигурами. Кровати представляли собой жалкие тюфяки, окна представляли собой петли, а сам замок имел все архитектурные особенности тюрьмы.

Дворец Матильды.

Роскошь и великолепие.

Тем не менее, даже тогда существовала своего рода роскошь и великолепие. У Матильды были великолепные лошади, на которых она могла ездить верхом, в великолепной попоне. У нее были платья, богато украшенные золотом и драгоценными камнями. Были отряды доблестных рыцарей, все в сверкающих стальных доспехах, которые сопровождали ее в путешествиях, сопровождали и прислуживали ей в увеселительных поездках; и время от времени в длинном зале замка устраивались грандиозные банкеты и кутежи, с турнирами, скачками, играми и другими военными представлениями, проводившимися с большим парадом и пышностью. Таким образом, Матильда начала свою супружескую жизнь в роскоши и великолепии.

Може, архиепископ Руанский.

Вильгельм и Матильда отлучены от церкви.

В роскоши и великолепии, но не в покое. У Уильяма был дядя, которого звали Може. Он был архиепископом Руана и обладал большим влиянием и властью. Теперь родственники Уильяма, конечно же, были заинтересованы в том, чтобы он не женился, поскольку каждое увеличение вероятности того, что его корона перейдет к прямым наследникам, уменьшало их будущие шансы на престолонаследие и, конечно же, подрывало их нынешнее значение. Може был категорически против этого матча и, пока шли переговоры, всячески старался помешать им. Пункт, на котором он наиболее настойчиво настаивал, был вопросом кровного родства сторон, вопросом, которому, как он утверждал, будучи главой Церкви в Нормандии, он был обязан уделять особое внимание. Похоже, что, несмотря на переговоры Уильяма с папой римским о получении разрешения, дело не было полностью улажено в Риме до свадьбы; и очень скоро после празднования бракосочетания Може издал эдикт об отлучении от церкви как Уильяма, так и Матильды за смешанные браки в пределах степеней родства, запрещенных церковными канонами.

Отлучение от церкви в Средние века было ужасным бедствием. Человек, осужденный таким образом, был сделан, насколько такой приговор мог привести его в действие, изгоем среди людей и негодяем, проклятым Небесами. Против него были выдвинуты самые ужасные обвинения, и в случае с принцем, подобным Вильгельму, все его подданные были лишены присяги и им было запрещено помогать ему или защищать его. Такой могущественный правитель, как Уильям, мог какое-то время противостоять влиянию и последствиям такого курса,

но это, несомненно, все сильнее и сильнее работало против него из-за суеверий народа и в конце концов измотало его.

Ланфранк отправлен на переговоры с папой римским.

Вильгельм решил немедленно обратиться к папе и добиться, тем или иным способом, своего разрешения. Был некий монах, тогда малоизвестный, но впоследствии ставший очень известным общественным деятелем, по имени Ланфранк, который, как полагал Уильям, по той или иной причине обладал необходимыми качествами для этой миссии. Соответственно, он дал ему свои инструкции и отослал прочь. Ланфранк отправился в Рим и там так ловко провел переговоры с папой, что вскоре привел их к завершению.

Его успех.

Условия договора Ланфрана.

Договоренность, которую он заключил, была такова. Папа должен был даровать разрешение и утвердить брак, тем самым отменив приговор об отлучении от церкви, который вынес архиепископ Може, при условии, что Уильям построит больницу для ста бедняков, а также возведет два аббатства, одно из которых будет построено им самим для монахов, а другое - Матильдой для монахинь. Ланфранк согласился на эти условия Вильгельма и Матильды, и они, когда им сообщили о них, приняли и подтвердили их с большой радостью. Запрет на отлучение от церкви был снят; вся Нормандия согласилась на брак, и Вильгельм и Матильда приступили к разработке планов и надзору за строительством аббатств.

Их исполнение.

Для строительства был выбран город Кан. Местоположение этого города будет отмечено на карте недалеко от северного побережья Нормандии. [G] Он был расположен в широкой и приятной долине, у слияния двух рек, и был окружен красивыми и плодородными лугами. Он был сильно укреплен, окруженный стенами и башнями, которые построили предки Вильгельма, герцоги Нормандии. Уильям и Матильда проявляли большой интерес к планам и сооружениям, связанным со строительством аббатств. Дом Уильяма был очень обширным зданием, и на его территории располагался королевский дворец для него самого, где в последующие годы часто проживали он сам и Матильда.

Основные здания этих аббатств все еще стоят, хотя стены и укрепления Кана исчезли. Здания сейчас используются не для тех целей, для которых они были возведены, но они сохраняют названия, данные им изначально, и их посещает огромное количество туристов, которые с большим интересом рассматриваются как уникальные памятники прошлого — памятники-близнецы, увековечивающие древний брак.

Дети Уильяма и Матильды.

Домашний характер Матильды.

Таким образом, брак был окончательно подтвержден, и Уильям и Матильда долгое время наслаждались семейным миром. Старшим ребенком был сын. Он родился через год после женитьбы, и Уильям назвал его Робертом, так, как, как помнит читатель, звали отца Уильяма. Со временем в семье появилось много детей. Их звали Роберт, Уильям Руфус, Генри, Сесилия, Агата, Констанция, Адела, Аделаида и Гундред. Матильда с большой материнской

преданностью посвятила себя заботе и воспитанию этих детей, и многие из них впоследствии стали выдающимися историческими личностями.

Цели брака Уильяма.

Цель, которая, как следует помнить, была одним из главных стимулов Вильгельма к заключению этого союза, а именно укрепление своей власти путем соединения таким образом с правящей семьей Фландрии, была в значительной степени достигнута. Два правительства, объединенные этой естественной связью, укрепляли власть друг друга и часто оказывали друг другу существенную помощь, хотя впоследствии был один случай, когда доверие Вильгельма к этой помощи было обмануто. Это было следующее:

Болдуин, граф Фландрский.

Когда он планировал свое вторжение в Англию, он послал к брату Матильды, Болдуину, который в то время был графом Фландрии, приглашение собрать войска и присоединиться к нему. Болдуин, который считал это предприятие опасным и донкихотским, прислал ответное сообщение, чтобы узнать, какую долю английской территории отдаст ему Вильгельм, если он поедет и поможет ему завоевать ее. Уильям подумал, что эта попытка заранее договориться о разделе добычи свидетельствует о весьма корыстолюбивом и недоверчивом настрое со стороны его шурина — настрое, который он вовсе не был расположен поощрять. Поэтому он взял лист пергамента и, ничего не написав на нем, сложил его в виде буквы и написал на внешней стороне следующую рифму:

Пустое письмо.

"Beau frère, en Angleterre vous aures Ce qui dedans escript, vous trouveres."

Какой королевский дистих можно было бы перевести так:

"Твоя доля, добрый брат, в земле, которую мы завоевываем, озаглавлена и описана ниже".

Сюрприз Болдуина.

Уильям переслал пустое послание через посыльного, который передал его Болдуину, как будто это было очень важное послание. Болдуин с готовностью принял его и сразу же вскрыл. Он был удивлен, ничего не обнаружив внутри; и, повертев пергамент во все стороны в тщетных поисках описания своей доли, он спросил посланца, что это значит. "Это значит, - сказал он, - что поскольку внутри ничего не написано, то и ты ничего не получишь".

Однако, несмотря на эту остроту, впоследствии между сторонами, по-видимому, была достигнута некоторая договоренность, поскольку Фландрия действительно внесла значительную долю в войска, которые Вильгельм собрал при подготовке к вторжению.

Глава VI.

Леди Эмма.

1002-1052 гг. н. э.

Претензии Вильгельма на английский трон.

Не следует предполагать, что даже в те воинственные времена, о которых мы пишем, такой властитель, как герцог Нормандии, вторгся бы в такую страну, как Англия, столь большую и могущественную по сравнению с его собственной, без какого-либо предлога. Предлогом Вильгельма было то, что он сам был законным наследником английской короны и что английский король, обладавший ею на момент его вторжения, был узурпатором. Чтобы читатель мог понять природу и происхождение этого его заявления, необходимо несколько подробнее рассказать историю леди Эммы.

Леди Эмма.

Обратившись к генеалогии нормандской линии герцогов, содержащейся во второй главе этого тома, можно увидеть, что Эмма была дочерью Ричарда первого. В ранние годы она прославилась своей необыкновенной красотой. Ее называли *Жемчужиной Нормандии*.

Претенденты на английский трон.

В конце концов она вышла замуж за одного из королей Англии, которого звали Этельред. Англия в то время была отвлечена гражданскими войнами, которые велись между двумя враждующими расами саксов и датчан. Фактически существовали две отдельные династии или линии королей, которые все время боролись за господство. В этих состязаниях иногда на какое-то время побеждали датчане, а иногда саксы; а иногда у обеих рас на поле боя появлялся королевский представитель, каждый из которых претендовал на трон и правил отдельными частями острова. Таким образом, в определенные периоды в Англии существовало два королевства, оба занимали одну и ту же территорию и претендовали на управление одним и тем же населением — с двумя королями, двумя столицами, двумя администрациями, — в то время как несчастные жители были отвлечены и разорены ужасными конфликтами, к которым привели эти враждебные притязания.

Этельред.

Этельред происходил из саксонского рода. На момент женитьбы на Эмме он был вдовцом, ему было почти сорок лет, и среди прочих детей от его бывшей жены у него был сын по имени Эдмунд, активный молодой человек, который впоследствии стал королем. Одним из мотивов, который он имел в виду, женись на Эмме, было укрепление своего положения за счет заключения союза с норманнами Нормандии. Датчане, его враги-англичане, были норманнами. Поэтому правительство Нормандии, естественно, было бы склонно принять в них участие. Однако этим браком Этельред надеялся оторвать французских норманнов от дела своих врагов и объединить их со своими собственными. Таким образом, он получил бы двойное преимущество, укрепив себя восшествием на престол, которое ослабило бы его врагов.

Этельред покорен.

Он летит в Нормандию.

Его план удался настолько, что заставил самого Ричарда, герцога Нормандии, поддержать его дело, но это не позволило Этельреду одержать победу над своими врагами. Они, напротив, покорили его, в конце концов, вообще изгнали его из страны. Он бежал в Нормандию в поисках убежища вместе со своей женой Эммой и двумя маленькими сыновьями. Их звали Эдвард и Альфред.

Резня датчан.

Ужасы гражданской войны.

Ричард II, брат Эммы, бывший тогда герцогом Нормандии, принял несчастных беглецов с большой добротой, хотя *он*, по крайней мере, едва ли этого заслуживал. Неудивительно, что он был изгнан из своего родного царства, поскольку он не обладал ни одним из тех высоких качеств ума, которые позволяют людям завоевывать или управлять. Как и все другие слабовольные тираны, он заменил жестокость мудростью и энергией в своих попытках подчинить себе своих врагов. Например, как только он женился на Эмме, чувствуя восторг и силу от великого прихода к власти, которую, как он воображал, он получил благодаря этому союзу, он спланировал всеобщую резню датчан и привел ее в исполнение в определенный день посредством частных приказов, тайно разосланных по всему королевству. Огромное количество датчан было уничтожено; и так велика была ненависть двух рас друг к другу, что те, кому приходилось подчиняться этим кровавым приказам, выполняли их с дикой жестокостью, которая была абсолютно ужасна. В одном случае они закапывали женщин по пояс, а затем натравливали на них собак, чтобы те разрывали их обнаженную плоть, пока те не умирали в мучениях. При изложении истории было бы лучше умолчать о таких ужасных деталях, как эти, если бы не то, что в такой стране, как эта, где так много зависит от влияния каждого человека при определении того, будут ли вопросы и дискуссии, которые время от времени возникают и будут возникать в дальнейшем, разрешаться мирным путем или путем применения насилия и гражданской войны, очень важно, чтобы мы все знали, что такое гражданская война и к каким ужасным зверствам она неизбежно приводит.

Тирания Этельреда.

Альфред Великий, когда он сражался с датчанами в Англии за столетие до этого, относился к ним, насколько мог, с великодушием и добротой; и эта политика в конце концов полностью победила их. Этельред, с другой стороны, применил самую тираническую жестокость, и результат был только в том, что он подтолкнул своих врагов к более решительному и отчаянному сопротивлению. Жажда мести и ненависти, которую эти зверства пробудили повсюду среди датчан, придала им столько энергии, что они в конце концов изгнали его с острова; так что, когда он прибыл в Нормандию беглецом и изгнанником, он предстал в образе свергнутого тирана, проклятого за свои бессмысленные и чудовищные жестокости, а не в образе несчастного принца, изгнанного из своего дома под давлением неизбежного бедствия. Тем не менее Ричард, герцог Нормандии, принял его, как мы уже говорили, с добротой. Он чувствовал себя обязанным гостеприимно принять изгнанного монарха, если не ради него самого, то, по крайней мере, ради Эммы и детей.

Политика Эммы.

Унижение Эммы.

Источником и концом интереса Эммы к Этельреду, по-видимому, были просто амбиции. "Жемчужина Нормандии" отдалась этому чудовищу, по-видимому, ради славы английской королевы. Ее последующее поведение вынуждает читателей "Истории" сделать это предположение, которое в противном случае было бы немилосердным. Теперь она оплакивала свое разочарование, обнаружив, что вместо того, чтобы получать поддержку от мужа в том высоком положении, к которому она стремилась, она была вынуждена снова вернуться в свой прежний дом, снова оказаться в зависимости от семьи своего отца с дополнительным бременем в виде самого мужа и ее детей. Ее положение в какой-то степени стало еще более унижительным из-за того, что ее отца больше не было в живых и что теперь ей приходилось искать убежища и защиты у своего брата, на которого ее естественные притязания были гораздо менее сильными. Ричард, однако, принял их всех по-доброму и щедро.

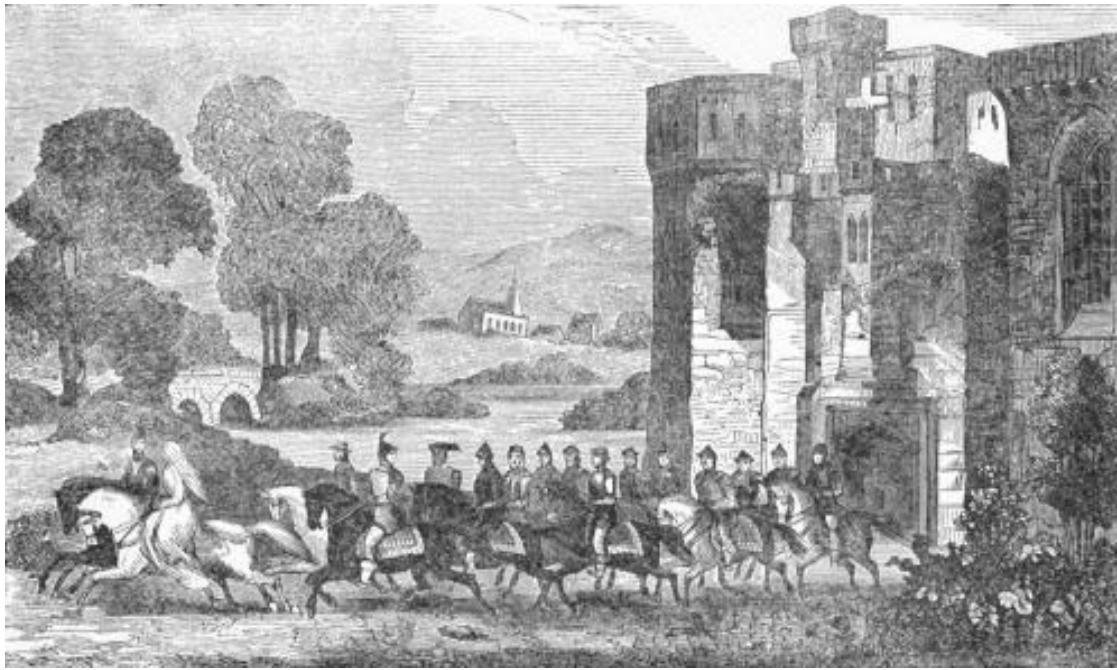
Этельред приглашен вернуться.

Восстановление Этельреда и Эммы.

Тем временем войны и смуты, изгнавшие Этельреда, продолжали бушевать в Англии, саксы постепенно завоевывали позиции против датчан. Наконец король датчан, захвативший власть после изгнания Этельреда, умер. Затем саксы восстановили свою былую мощь и послали к Этельреду уполномоченных с предложением о его возвращении в Англию. В то же время они выразили свое нежелание принимать его, если только они не смогут обязать его торжественным договором придерживаться в будущем управлении своим правительством курса, совершенно отличающегося от того, которого он придерживался ранее. Этельред и Эмма стремились вернуть себе на любых условиях утраченный трон. Они отправили послов, уполномоченных давать от имени Этельреда любые обещания, которые могла потребовать английская знать; и вскоре после этого королевская чета пересекла Ла-Манш и отправилась в Лондон, где саксонская часть населения острова снова признала Этельреда королем.

Война с Канутом.

The *Датчане*, однако, хотя и были ослаблены, все еще не были расположены подчиняться. Они заявили о своей верности *Кануту*, который был преемником в *датской* линии. Затем последовала долгая война между Канутом и Этельредом. Канут был человеком необычайной проницательности и интеллекта, а также большого мужества и энергии. Этельред, с другой стороны, показал себя, несмотря на все свои обещания, неизлечимо неэффективным, трусливым и жестоким. На самом деле, его сын принц Эдмунд, сын его первой жены, был гораздо более эффективным, чем его отец, в сопротивлении кануту и датчанам. Эдмунд был активным и бесстрашным, и вскоре он приобрел очень обширную власть. На самом деле, он, кажется, очень мало уважал авторитет своего отца. Произошел один поразительный случай такого неподчинения. Этельред по той или иной причине обиделся на одного из знатных людей своего королевства и казнил его и конфисковал его поместья; и, в дополнение к этому, со свойственной ему жестокостью он заточил несчастную вдову своей жертвы, молодую и красивую женщину, в мрачный монастырь в качестве пленницы. Эдмунд, его сын, отправился в монастырь, освободил пленницу и сделал ее своей женой.

Спасение.

Смерть Этельреда.
Положение Эммы.

При таких недружественных отношениях между королем и его сыном, который, по-видимому, был самым способным полководцем в армии своего отца, было мало надежды выстоять против такого врага, как датчанин Канут. На самом деле ход государственных дел шел от плохого к худшему, Эмма все время вела жизнь, полную непрерывного беспокойства и тревоги. Наконец, в 1016 году, Этельред умер, и чаша разочарования и унижения Эммы была теперь переполнена. Ее собственные сыновья, Эдуард и Альфред, не имели притязаний на корону, поскольку Эдмунд, будучи сыном от предыдущего брака, был старше их. Они были слишком молоды, чтобы лично принимать активное участие в ожесточенных состязаниях того времени и таким образом пробивать себе путь к значимости и власти. И тогда Эдмунд, которому теперь предстояло стать королем, конечно, не почувствовал бы никакого интереса продвигать или оказывать честь ей. Сын, который помешал бы планам и мерам отца, как это сделал Эдмунд, вряд ли проявил бы большое уважение к теще или к сводным братьям, которых он, естественно, считал бы своими соперниками. Одним словом, у Эммы были причины быть встревоженной ситуацией незначительности и опасности, в которой она внезапно оказалась. Она бежала во второй раз, в нужде и отчаянии, к своему брату в Нормандию. Однако теперь она была вдовой, и у ее детей не было отца. Трудно решить, считать ли ее положение в этом отношении лучше или хуже, чем оно было при ее прежнем изгнании.

Ее дети.

Ее сыновья были мальчиками, но еще не вышли за пределы детского возраста; а Эдвард, старший, на которого в первую очередь ляжет обязанность прилагать усилия для продвижения интересов семьи, отличался тихим и мягким характером, что не давало особых надежд на то, что он вскоре будет расположен энергично участвовать в военных кампаниях. С другой стороны, Эдмунд, который теперь был королем, находился в расцвете сил и был человеком огромного духа и энергии. Существовала разумная перспектива, что он проживет много лет; и даже если

бы его внезапно лишили жизни, , казалось, не было никакой надежды на возвращение Эмме значимости или могущества, поскольку Эдмунд был женат и имел двух сыновей, один из которых имел бы право стать его преемником в случае его смерти. Таким образом, казалось, что теперь Эмме суждено провести остаток своих дней со своими детьми в забвении и неизвестности. Однако, как мы увидим в конце, дело закончилось иначе.

Война с канутом.

Договор между Эдмундом и Канутом. Смерть Эдмунда.

Эдмунд, несмотря на свои надежды на долгую и процветающую карьеру, внезапно скончался после бурного годичного правления. Во время его правления датчанин Канут быстро завоевывал позиции в Англии, несмотря на энергичность, с которой Эдмунд противостоял ему. Наконец, два монарха собрали свои армии и были готовы к великой финальной битве. Эдмунд послал флаг перемирия в лагерь Канута, предложив, чтобы избежать кровопролития, они согласились решить дело единоборством, и что он и Канут должны стать чемпионами и сражаться в присутствии армий. Канут отклонил это предложение. Сам он был невысоким и стройным, в то время как Эдмунд отличался личным развитием и мускульной силой. Поэтому Канут отказался от личного состязания, но предложил оставить этот вопрос на усмотрение совета, избранного из числа ведущих дворян с обеих сторон. В конце концов этот план был принят. Был создан совет, и после долгих обсуждений они заключили договор, по которому страна была разделена между двумя властителями и было восстановлено нечто вроде мира. Через очень короткий период после заключения этого договора Эдмунд был убит.

Вступление Канута.

Канут немедленно предъявил права на все королевство. Он утверждал, что частью договора было то, что раздел королевства должен был продолжаться только при их совместной жизни, и что после смерти любого из них все должно было перейти к тому из них, кто останется в живых. Саксонские вожди не признавали этого, но они были не в том состоянии, чтобы энергично противодействовать этому. Сыновья Этельреда от Эммы были еще слишком молоды, чтобы выступить в качестве лидеров; а что касается сыновей Эдмунда, то они были всего лишь детьми. Таким образом, не было никого, кого они могли бы выдвинуть в качестве эффективного представителя саксонской линии, и, таким образом, саксы были вынуждены подчиниться притязаниям Канута, по крайней мере на какое-то время. Они не отказались полностью от притязаний детей Эдмунда, но согласились отказаться от них на какое-то время. Они поручили Кануту опекунство над мальчиками до тех пор, пока они не достигнут совершеннолетия, и позволили ему тем временем самому править всей страной.

Мудрая политика Канута.

Его обращение с детьми Эдмунда.

Канут пользовался своей властью очень сдержанно и рассудительно, по-видимому, намереваясь всеми своими действиями защищать права и интересы саксов, а также датчан. Можно было бы предположить, что жизни молодых саксонских принцев, сыновей Эдмунда, не были бы в безопасности в его руках; но политика, которую он немедленно решил проводить, заключалась в том, чтобы умиротворить саксов, а не запугивать и принуждать их. Поэтому он не причинил маленьким детям никакого вреда, но отослал их из страны в Данию, чтобы о них, если

возможно, постепенно забыли. Возможно, он думал, что, если в этом возникнет необходимость, их могут там в любой момент тайно предать смерти.

Была еще одна причина помешать Кануту уничтожить этих детей, которая заключалась в том, что, если *они* будут удалены, претензии саксонской линии тем самым не исчезнут, а лишь перейдут к детям Эммы в Нормандии, которые, будучи старше, скорее всего, скорее окажутся в состоянии доставить ему неприятности в качестве соперников. Поэтому это была очень мудрая политика, которая побудила его оставить маленьких детей Эдмунда в живых, но убрать их с дороги на безопасное расстояние.

Канут женится на Эмме.

Что касается детей Эммы, Канут разработал другой план защиты от любой опасности, исходящей от их притязаний, и заключался в том, чтобы предложить взять их мать себе в жены. Благодаря этому плану ее семья оказалась бы в его власти, и тогда ее собственное влияние и влияние ее нормандских друзей навсегда были бы лишены возможности выступить против него. Соответственно, он сделал предложение. Эмма была достаточно честолюбива, чтобы снова вернуться к своему прежнему величию английской королевы, и с готовностью приняла это предложение. Мир осуждал ее за то, что она с такой готовностью вышла замуж за своего второго мужа, смертельного врага и соперника первого; но ей было все равно, будет ли ее муж саксом или датчанином, лишь бы она могла стать королевой.

Противодействие ее сыновей.

Эмма снова королева Англии.

Мальчики, или, скорее, молодые мужчины, поскольку они теперь приближались к зрелости, были очень решительно против этой связи. Они сделали все, что было в их силах, чтобы предотвратить его завершение, и они так и не простили своей матери за то, что она таким подлым образом предала их интересы. Они были еще больше разгневаны этой сделкой, потому что в брачном договоре между Канутом и Эммой было оговорено, что их *будущие* дети — отпрыски заключенного на тот момент брака — должны унаследовать трон Англии, за исключением всех ранее рожденных с обеих сторон. Таким образом, Канут вообразил, что навсегда закрепил свой титул и титул своих потомков за короной, и Эмма приготовилась вернуться в Англию в качестве ее королевы. Свадьба была отпразднована с большой помпой и великолепием, и Эмму, попрощавшуюся с Нормандией и ее теперь отчужденными детьми, торжественно проводили в королевский дворец в Лондоне.

Граф Годвин.

Теперь мы должны вкратце остановиться на длинном двадцатилетнем промежутке. Это был период правления Канута, который был процветающим и мирным. В течение этого периода нормандские сыновья Эммы продолжали жить в Нормандии. Через несколько лет после замужества у нее в Англии родился еще один сын, которого называли Канут в честь его отца, но в истории он обычно известен под именем Хардиканут, приставка которого является саксонским словом, обозначающим энергичный или сильный. В правительстве Канута также был очень известный министр по имени Годвин. Годвин был саксом очень скромного происхождения, и история его жизни представляет собой довольно романтическую повесть.^[Н] Он был человеком необычайных талантов и характера, и на момент смерти Канута он в целом был самым могущественным подданным в королевстве.

Смерть Канута.

Он завещает королевство Гарольду.

Когда Канут обнаружил, что находится при смерти, и начал обдумывать, какие меры ему следует предпринять для наследования престола, он пришел к выводу, что для него было бы небезопасно выполнять соглашение, заключенное в его брачном контракте с Эммой, о том, что дети от этого брака унаследуют королевство; поскольку Хардикануту, который имел право наследования в соответствии с этим соглашением, было всего около шестнадцати или семнадцати лет, и, следовательно, он был слишком молод, чтобы пытаться управлять страной. Поэтому он составил завещание, в котором оставил королевство старшему сыну по имени Гарольд — сыну, который был у него до брака с Эммой. Это стало сигналом к новой борьбе. Влияние саксов и друзей Эммы, конечно, было в пользу Хардиканута, в то время как датчане поддерживали дело Гарольда. В конце концов Годвин принял сторону этой последней партии, на трон взошел Гарольд, а Эмма и все ее дети, независимо от того, происходили ли они от Этельреда или Канута, были отстранены и забыты.

Заговоры Эммы для ее детей.

Ее письмо к ним.

Эмма вовсе не была расположена мириться с такой переменной судьбы. Она осталась в Англии, но тайне была возмущена вероломством своего второго мужа по отношению к ней; и поскольку он отказался от ребенка от брака с ней ради *своих* бывших детей, она теперь решила отказаться от него ради *своих*. Поэтому она отказалась от дела Хардиканута и начала тайно составлять заговор среди саксонского населения с целью возвести на трон своего сына Эдуарда. Когда она решила, что все созрело для осуществления заговора, она написала письмо своим детям в Нормандию, сказав им, что саксонское население устало от датской линии и, по ее мнению, готово восстать во имя древней саксонской линии, если появится истинный ее представитель, который возглавит их. Поэтому она пригласила их приехать в Лондон и проконсультироваться с ней по этому вопросу. Однако она велела им приходить, если они вообще придут, тихо и мирно и без каких-либо видимых враждебных намерений, поскольку любое событие, которое могло бы показаться иностранным вторжением, вызвало бы всеобщую зависть и тревогу.

Когда это письмо было получено братьями в Нормандии, старший, Эдуард, отказался ехать, но дал согласие на то, чтобы Альфред предпринял экспедицию, если тот будет расположен. Альфред принял предложение. На самом деле темперамент и характер двух братьев были очень разными. Эдвард был степенным, серьезным и робким. Альфред был пылким и честолюбивым. Поэтому младший решил рискнуть и пересечь Ла-Манш, в то время как старший предпочел остаться дома.

Катастрофический исход экспедиции Альфреда.

Его ужасный приговор.

Результат был очень плачевным. Вопреки указаниям своей матери, Альфред взял с собой целый отряд нормандских солдат. Он благополучно пересек Ла-Манш и продвинулся через страну на некоторое расстояние к Лондону. Гарольд выслал отряд, чтобы перехватить его. Он был окружен, а сам он и все его сторонники были взяты в плен. Его приговорили к потере зрения, и он умер через несколько дней после приведения в исполнение этого ужасного приговора от смешанных последствий лихорадки, душевных мук и отчаяния. Эмма бежала во Фландрию.

Восшествие на престол Эдуарда.

В конце концов Гарольд умер, и ему наследовал Хардиканут. Вскоре Хардиканут умер, не оставив наследников, и теперь, конечно, не осталось никого,^[1] чтобы составить конкуренцию старшему сыну Эммы Эдварду, который все это время спокойно оставался в Нормандии. Соответственно, он был провозглашен королем. Это было в 1041 году. Он правил двадцать лет, начав свое правление примерно в то время, когда Вильгельм Завоеватель вступил во владение своими владениями в качестве герцога Нормандии. Эдуард близко знал Уильяма во время его длительного пребывания в Нормандии, и Уильям приезжал навестить его в Англии во время его правления. Уильям, по сути, считал себя наследником Эдуарда; поскольку Эдуард, хотя и был женат, не имел детей, герцоги нормандской линии были его ближайшими родственниками. По его словам, он получил от Эдуарда обещание, что Эдуард одобрит и подтвердит его притязания на английскую корону в случае его кончины, завещав ее Вильгельму в своем завещании.

Эмма несчастна.

Обвинения против Эммы.

Ее жалкий конец.

Теперь Эмма была уже в преклонных годах. Честолюбие, которое было руководящим принципом ее жизни, по-видимому, было вполне удовлетворено, насколько это возможно удовлетворить честолюбие, поскольку у нее было два мужа и два сына, все короли Англии. Но по мере того, как она приближалась к завершению своей карьеры, она чувствовала себя несчастной. Ее сын Эдвард не мог простить ей того, что она бросила его и его брата и вышла замуж за человека, который был их собственным и злейшим врагом их отца. В своем брачном договоре она заключила официальный договор, исключающий их из трона. Она относилась к ним с пренебрежением все время правления Канута, пока жила с ним в Лондоне, окруженная властью и великолепием. Эдвард также обвинил ее в том, что она потворствовала смерти его брата Альфреда. История такова, что из-за него ее судили по этому обвинению в испытании огнем. Этот метод состоял в том, что на каменный пол церкви на определенном расстоянии друг от друга клали раскаленные докрасна утюги и требовали, чтобы обвиняемый ходил по ним босиком. Если бы обвиняемый был невиновен, Провидение, как они предполагали, так направило бы его по стопам, что он не прикоснулся бы к железам. Таким образом, если бы он был невиновен, он бы благополучно перешел границу; если бы он был виновен, он был бы сожжен. Эмма, согласно истории "Таймс", была подвергнута этому испытанию в Винчестерском соборе, чтобы определить, знала ли она об убийстве своего сына. Так это или нет, но нет сомнений в том, что Эдуард заточил ее в монастырь в Винчестере, где она, наконец, закончила свои дни в забвении и нищете.

Дети Эдмунда.

Годвин.

Гарольд.

Планы Эдварда.

Когда сам Эдуард приблизился к концу своей жизни, его разум был сильно озадачен вопросом о престолонаследии. Был один потомок его брата Эдмунда, детей которого, как мы помним, Канут отослал в Данию, чтобы убрать их с дороги, который все еще жил в Венгрии. Имя этого

потомка было Эдвард. Фактически он был законным наследником короны. Но он провел свою жизнь в чужих странах и теперь был далеко; а тем временем граф Годвин, который уже упоминался как великий саксонский дворянин, поднявшийся из очень скромного звания до положения самого могущественного подданного в королевстве, приобрел такое влияние и обладал такой огромной властью, что одно время казался сильнее самого короля. В конце концов Годвин умер, но его сын Гарольд, который был таким же энергичным и деятельным, как и его отец, унаследовал его власть и, казалось, как и думал Эдуард, стремился к будущему обладанию трон. Эдуард ненавидел Годвина и всю его семью и теперь чрезвычайно стремился предотвратить возможность восшествия Гарольда на престол. Соответственно, он послал в Венгрию, чтобы вернуть Эдуарда, своего племянника, домой. Эдвард приехал, приведя с собой свою семью. У него был маленький сын по имени Эдгар. В планы короля Эдуарда входило принять меры для восшествия этого принца Эдуарда на трон после его смерти, чтобы исключить Гарольда.

Заговоры и контрзаговоры.

План был очень разумным, но, к сожалению, он был сорван смертью принца Эдуарда, которая произошла вскоре после его прибытия в Англию. Юный Эдгар, тогда еще ребенок, был, конечно, его наследником. Король был убежден, что никакое правительство, которое могло бы быть организовано именем Эдгара, не смогло бы противостоять могущественной власти Гарольда, и поэтому он снова обратил свои мысли к восшествию на престол Вильгельма Нормандского, который был ближайшим родственником его по материнской линии, как к единственному средству спасения королевства от попадания в руки узурпатора Гарольда. Затем последовало долгое и ожесточенное соперничество, в ходе которого ведущие силы и влияния королевства были разделены и отвлечены планами, заговорами, маневрами и контрманеврами Гарольда, стремившегося добиться восшествия на престол для себя, и Эдуарда, стремившегося обеспечить его для Вильгельма Нормандского. В этом состязании Гарольд победил в первую очередь, а Эдвард и Уильям - в конце.

Глава VII.

Король Гарольд.

1063-1066 гг. н. э.

Гарольд и Уильям.

Гарольд, сын графа Годвина, который маневрировал, чтобы завладеть английским трон, и Вильгельм Нормандский, хотя и жили по разные стороны Ла-Манша, один во Франции, а другой в Англии, все же были лично знакомы друг с другом; ибо не только Вильгельм, как было сказано в предыдущей главе, посетил Англию, но и сам Гарольд однажды совершил экскурсию в Нормандию. Обстоятельства этой экспедиции были в некоторых отношениях совершенно экстраординарными и поразительным образом иллюстрируют некоторые своеобразные идеи и обычаи того времени. Они заключались в следующем:

Ссора между Годвином и Эдуардом.

Договор между Годвином и Эдуардом.

При жизни отца Гарольда Годвина между ним, то есть Годвином, и королем Эдуардом произошла очень серьезная ссора, в ходе которой и король, и его мятежный подданный собрали свои силы и некоторое время вели друг против друга открытую и кровопролитную войну. В этом противостоянии могущество Годвина оказалось столь грозным, а военные силы, которые ему удалось собрать под своими знаменами, были столь велики, что правительство Эдуарда не смогло эффективно свергнуть его. Наконец, после долгой и ужасной борьбы, которая вовлекла большую часть страны в ужасы гражданской войны, воюющие стороны заключили друг с другом договор, который урегулировал их ссору своего рода компромиссом. Годвин должен был сохранить свое высокое положение и ранг подданного и продолжать управлять определенными частями острова, которые долгое время находились под его юрисдикцией; он, со своей стороны, обещал распустить свои армии и больше не воевать с королем. Он обязал себя добросовестно выполнять эти заветы, предоставив королю заложников.

Заложники.

Заложники, отдаваемые в таких случаях, всегда были близкими родственниками и друзьями, и существовало понимание, что если сторона, передающая их, не выполнит свои обязательства, невинные и беспомощные заложники должны быть полностью во власти другой стороны, под опеку которой они были переданы. Последний в таких случаях заключал их в тюрьму, пытал или предавал смерти с большей или меньшей степенью жестокости в отношении причинения боли, в зависимости от степени раздражения, которое пробудила в его сознании реальная или воображаемая травма, которую он получил.

Передача заложников в настоящее время прекращена.

Применяемые жестокости.

Заложники Канута.

Этот жестокий метод принуждения свирепых и беспринципных людей к выполнению их обещаний был повсеместно отвергнут в наше время, хотя на грубых и ранних стадиях цивилизации он практиковался всеми народами, древними и современными. Выбранные заложники часто были молоды и нежны, и всегда были таковы, что расставание, которое имело место, когда их отрывали от друзей, было наиболее болезненным, поскольку самой целью отбора было заполучить тех, кто был наиболее любим. Они были переданы в руки тех, кого они всегда считали своими злейшими врагами и которые, конечно же, вызывали отвращение и ужас. Их отправляли в места заключения и уединения и держали под стражей у незнакомых людей, где они жили в постоянном страхе, что произойдет какая-нибудь новая вспышка между противоборствующими сторонами и их обрекут на пытки или смерть. Жестокость, которой иногда подвергались в таких случаях ни в чем не повинные заложники, была ужасной. Однажды, во время раздоров между Этельредом и Канутом, Канута, которого гнали через всю страну к морскому побережью и там вынудили сесть на борт своих кораблей, чтобы совершить побег, был достаточно жесток, чтобы отрубить руки и ноги нескольким заложникам, которых Этельред ранее передал ему, и оставить их корчиться в агонии на прибрежном песке.

Заложники Годвина.

Заложниками, которых историки особо называют переданными Годвином королю Эдуарду, были его сын и внук. Их звали Ульнот и Хакуне. Улнот, конечно же, был братом Гарольда, а Хакуне - его племянником. Эдуард, полагая, что Годвин изобретет какой-нибудь способ вернуть эти ценные бумаги обратно в свое владение, если попытается сохранить их в Англии, решил отправить их в Нормандию и передать на ответственное хранение герцогу Вильгельму. Когда Годвин умер, Гарольд обратился к Эдуарду с просьбой выдать заложников, поскольку, как он утверждал, больше не было никаких причин для их задержания. Они были даны в качестве гарантии за *Godwin's* Годвина, и теперь Годвина больше не было.,,

Эдвард отказывается выдавать заложников.

Эдуард не мог отказаться выдать их, и все же, поскольку Гарольд унаследовал власть и, очевидно, обладал всеми амбициями своего отца, казалось, что с политической точки зрения сохранить заложников сейчас так же необходимо, как это было раньше. Поэтому Эдуард, не отказываясь наотрез выдать их, отложил выполнение требования Гарольда и уклонился от него на том основании, что заложники находились в Нормандии. Он сказал, что собирается послать за ними, как только сможет принять необходимые меры для того, чтобы доставить их домой в целости и сохранности.

В этих обстоятельствах Гарольд решил пойти и привезти их сам. Он предложил этот план Эдварду. Эдвард не стал бы категорически отказываться от его согласия, но он сделал все, что было в его силах, чтобы воспрепятствовать такой экспедиции. Он сказал Гарольду, что Вильгельм Нормандский - хитрый и могущественный человек; что, вторгнувшись в его владения, он полностью отдаст себя в его власть и наверняка столкнется с какими-нибудь серьезными трудностями. Эта беседа Гарольда с королем увековечена на гобелене из Байе противоположным грубым рисунком.

Гарольд отправляется в Нормандию.
Интервью Гарольда с Эдвардом.

Какой эффект произвело неодобрение проекта Эдвардом на Гарольда, доподлинно неизвестно. Это правда, что он пересек Ла-Манш, но рассказы о переправе путаны и противоречивы, в некоторых из них утверждается, что во время прогулочного плавания с группой сопровождающих и компаньонов на побережье его снесло с берега и штормом унесло во Францию. Вероятность, однако, такова, что эта история была всего лишь притворством. Он был полон решимости уехать, но, не желая открыто действовать вопреки воле короля, он умудрился отмахнуться, чтобы создать впечатление, что он пошел против своей воли.

Интервью Гарольда с

Эдвардом.

Шторм.

Гарольд потерпел кораблекрушение.

Ги, граф Понтье.

Во всяком случае, *шторм* был настоящим, независимо от того, было ли то, что он был вынужден покинуть английские берега из-за него, реальным или притворным. Это сбilo и его с курса, погнав вверх по Ла-Маншу к востоку от Нормандии, где он намеревался высадиться, и в конце концов выбросило его разбитую галеру на берег, недалеко от устья Соммы. Сама галера была разбита, но Гарольд и его компания выбрались на сушу. Они обнаружили, что находятся во владениях некоего принца, владевшего владениями на этом побережье, чей стиль и титул был Ги, граф Понтье.

Гарольд в плену.

Закон в те дни гласил, что затонувшие корабли становились собственностью владельца территории, у берегов которой они происходили; и в случае такого бедствия конфисковывались не только корабли и товары, которые на них находились, но и сами владельцы подлежали аресту и удержанию в плену с целью получения выкупа. Гарольд, сознавая грозящую ему опасность, пытался укрыться на побережье, пока не доберется до Нормандии, когда рыбак, увидевший его и понявший по его одежде и внешнему виду, а также по почтению, с которым к нему относились остальные члены компании, что он был человеком, пользующимся большим влиянием в своей

родной стране, подошел к графу и сказал, что за десять крон он покажет ему, где есть человек, который стоил бы ему тысячи. Граф спустился со своей свитой к побережью, схватил несчастных авантюристов, завладел всеми товарами и багажом, которые унесли волны, а самих людей запер в своем замке в Аббевиле до тех пор, пока они не заплатят выкуп.

Уильям выкупил его.

Гарольд протестовал против такого обращения. Он сказал, что направляется в Нормандию по очень важному делу к герцогу от короля Англии и что его нельзя задерживать. Но граф был очень решителен, отказываясь отпустить его без выкупа. Затем Гарольд послал весточку Уильяму, ознакомив его с ситуацией и попросив добиться его освобождения. Уильям послал к графу, требуя, чтобы тот выдал своего пленника. Все это, однако, только укрепляло и расширяло представления графа о ценности приза, который ему так посчастливилось заполучить. Он упорно отказывался отпустить его без выкупа. В конце концов Вильгельм заплатил выкуп в виде крупной суммы денег и уступил, вдобавок, значительную территорию. Затем Гарольд и его товарищи по рабству были переданы посланцам Вильгельма и в безопасности доставлены ими в Руан, где в то время проживал Вильгельм.

Гостеприимство Уильяма.

Уильям принял своего высокого гостя со всеми возможными знаками самого почетного уважения. Его с большим парадом и церемонией сопроводили во дворец, разместили самым роскошным образом, снабдили всем необходимым, а в честь его визита были устроены игры, военные представления, бесчисленные пиры и увеселения. Уильям сообщил ему, что он волен вернуться в Англию, когда пожелает, и что его брат и племянник, заложники, за которыми он приехал, находятся в его распоряжении. Он, однако, убедил его не возвращаться немедленно, а остаться ненадолго в Нормандии со своими товарищами. Гарольд принял приглашение.

Его политика в этом вопросе.

Отношение Уильяма к своим гостям.

Все это изобилие гостеприимства, как легко догадается читатель, было вызвано радостью герцога по поводу того, что единственный важный соперник, который, казалось, мог оспорить его притязания на английскую корону, полностью находящуюся в его власти, и надеждой, которую он питал, так уладить дела во время этого визита, чтобы отвлечь Гарольда от мысли самому стать королем Англии и побудить его поклясться действовать в его, то есть Вильгельма, пользу. Поэтому он приложил все возможные усилия, чтобы доставить ему удовольствие от визита в Нормандию; он продемонстрировал ему богатство и ресурсы страны, водя его с места на место, чтобы посетить замки, аббатства, и города, и, наконец, предложил сопровождать его в военной экспедиции в Бретань.

Гарольд, довольный оказанными ему почестями, а также новизной и великолепием сцен, которым он был представлен, с энтузиазмом включился во все эти планы, и его спутники и слуги были довольны не меньше, чем он. Вильгельм посвятил в рыцари многих из этих последователей Гарольда и преподнес им дорогие подарки в виде лошадей, знамен, доспехов и других подобных подарков, которые были рассчитаны на то, чтобы пленить сердца таких воинственных искателей приключений, как они. Вскоре Уильям полностью овладел их умами, и

когда он пригласил их сопровождать его в экспедиции в Бретань, все они с готовностью отправились туда.

Экскурсия в Бретань.
Таланты Гарольда.

Бретань находилась к западу от Нормандии, на ее границах, так что экспедиция не была отдаленной. И не затянулась надолго. На самом деле это была своего рода увеселительная экскурсия: Уильям повел своего гостя через границу на территорию своего соседа, на мародерскую вылазку, точно так же, как дворянин в наше время повел бы отряд в лес на охоту. Уильям и Гарольд были в самых близких и дружеских отношениях, какие только были возможны во время этой кампании. Они жили в одной палатке и ели за одним столом. Гарольд проявил большие военные таланты и большую храбрость в различных приключениях, с которыми они столкнулись в Бретани, и Вильгельм больше, чем когда-либо, почувствовал желательность укрепить свое влияние на своей стороне, то есть на стороне Вильгельма, или, по крайней мере, предотвратить превращение его в открытого соперника. Когда они вернулись из Бретани в Нормандию, он решил, что настало время принять меры. Соответственно, он решил прийти к открытому соглашению с Гарольдом относительно его планов и заручиться его сотрудничеством.

Политика Вильгельма.

Вильгельм сообщает Гарольду о своих притязаниях на английскую корону.

Он заговорил на эту тему, как говорят историки, однажды, когда они возвращались домой из своей экскурсии, и некоторое время непринужденно беседовал по дороге, рассказывая друг другу истории о войнах, сражениях, осадах, спасениях с поличным и других подобных приключениях, которые в те дни обычно служили предметом повествовательных бесед. Наконец Вильгельм, найдя Гарольда, как он полагал, в благоприятном настроении для такого общения, завел речь об английском королевстве и приближающейся кончине короны. Он конфиденциально сообщил ему, что между ним, Уильямом, и королем Эдуардом уже некоторое время существовала договоренность о том, что Эдуард должен *принять* его в качестве своего преемника. Более того, Уильям сказал Гарольду, что ему следует во многом полагаться на его сотрудничество и помощь в мирном овладении королевством, и пообещал даровать ему взамен самые высокие награды и почести, если он окажет ему свою помощь. Единственным соперничающим претендентом, по словам Уильяма, был маленький ребенок Эдгар, и у него не было ни друзей, ни партии, ни вооруженных сил, и вообще никаких средств для поддержания своих притязаний. С другой стороны, у него, Уильяма и Гарольда, очевидно, была вся власть в их собственных руках, и если бы они только могли сотрудничать на основе общего понимания, они были бы уверены, что власть и почести английского королевства будут полностью в их распоряжении.

Притворство Гарольда.

Гарольд выслушал все эти предложения и притворился заинтересованным и довольным. На самом деле ему было интересно, но он не был доволен. Он хотел сохранить королевство для себя, а не просто получить долю, сколь бы большой, в его власти и почестях в качестве подданного другого. Однако он был слишком осторожен, чтобы выказать свое недовольство. Напротив, он согласился с этим планом, заявил, что принимает его от всего сердца, и выразил

готовность немедленно приступить к необходимым предварительным мерам для приведения его в исполнение. Вильгельм был очень доволен успешным результатом своих переговоров, и два вождя отправились домой, во дворец Вильгельма в Нормандии, объединенные, по-видимому, очень прочными узами. Однако в тайне Гарольд решил как можно скорее покинуть Нормандию и принять немедленные и наиболее эффективные меры для закрепления за собой английского королевства, не обращая внимания на обещания, которые он дал Вильгельму.

Меры предосторожности Уильяма.

Также не следует предполагать, что сам Вильгельм сколько-нибудь положительно полагался на простые обещания Гарольда. Он немедленно начал разрабатывать планы, как обязать его выполнять свои условия теми способами, которые в то время обычно использовались для обеспечения выполнения заветов, заключенных между князьями. Этих методов было три: смешанные браки, передача заложников и торжественные клятвы.

Обручение.

Уильям предложил заключить два брака как средство укрепления союза между ним и Гарольдом. Гарольд должен был отдать Вильгельму одну из своих дочерей, чтобы Вильгельм выдал ее замуж за одного из своих нормандских вождей. Это, конечно, отдало бы ее во власть Уильяма и сделало бы заложницей практически номинально. Гарольд, однако, согласился. Второй предполагаемый брак был заключен между дочерью Уильяма и самим Гарольдом; но поскольку его дочери было всего семь лет, в то время это могла быть только помолвка. Гарольд тоже согласился с этим предложением, и были приняты меры к тому, чтобы стороны самым торжественным образом поклялись друг другу в верности. Было созвано большое собрание всех рыцарей, дворян и придворных дам, и церемония передачи клятвы верности между свирепым воином и кротким и удивленным ребенком была проведена с такой помпой и парадом, как если бы это была настоящая свадьба. Девушку звали Адела.

Уильям удерживает заложника.

Очевидное согласие Гарольда.

Что касается заложников, Вильгельм решил задержать одного из тех, за кем, как мы помним, Гарольд прибыл в Нормандию. Поэтому он сказал ему, что может взять с собой своего племянника Хакуне, но Ульнот, его брат, должен остаться, и Уильям сам приведет его сюда, когда придет, чтобы вступить во владение королевством. Гарольд крайне не желал оставлять своего брата во власти Вильгельма; но поскольку он очень хорошо знал, что ему самому будет позволено вернуться в Англию, будет зависеть от того, не проявит ли он никакого нежелания предоставить Вильгельму безопасность или каких-либо других признаков того, что он не намерен сдерживать данное слово, он с готовностью согласился, и таким образом было решено, что Ульнот должен остаться.

Публичная присяга.

Наконец, чтобы заставить Гарольда выполнить свои обещания всеми возможными способами, Вильгельм предложил, чтобы он принес публичную и торжественную клятву в присутствии большого собрания всех великих властителей и вождей королевства, которой он обязал бы себя, под самыми ужасными санкциями, сдержать свое слово. Гарольд и против этого не возражал. Фактически он считал себя находящимся под принуждением, а свои действия

несвободными. Он был во власти Вильгельма, и на все, что он делал, влияло желание бежать из Нормандии и снова обрести свободу. Соответственно, он решил про себя, что какие бы клятвы он ни принес, впоследствии он должен считать их навязанными ему и, следовательно, недействительными, и поэтому был готов принять любые, которые мог предложить Уильям.

Великое собрание рыцарей и знати.

Соответственно было созвано великое собрание. Посреди зала совета было установлено большое государственное кресло, покрытое золотой тканью. На этой ткани, значительно возвышаясь над сиденьем, лежал *миссал*, то есть богослужебная книга католической церкви, написанная на пергаменте и великолепно иллюстрированная. Книга была открыта на отрывке из одного из Евангелистов — Евангелисты были частью Священного Писания, которая в те дни, как предполагалось, придавала клятве самые торжественные санкции.

Тройная клятва.

Гарольд испытывал некоторые дурные предчувствия, приближаясь посреди такой впечатляющей сцены, как великое собрание рыцарей и дам, представленных в зале совета, чтобы повторить свои обещания в самом присутствии Бога и обрушить карающие проклятия Всемогущего на нарушителя, которым он был намеренно и полностью полон решимости подвергнуться. Однако он зашел слишком далеко, чтобы отступать сейчас. Поэтому он подошел к открытому молитвеннику, положил руку на книгу и, повторив слова, которые Вильгельм продиктовал ему со своего трона, принес требуемую тройственную клятву, а именно: помогать Вильгельму всеми силами в его попытке обеспечить наследование английской короны, жениться на дочери Вильгельма Аделе, как только она достигнет подходящего возраста, и немедленно прислать из Англии свою собственную дочь, чтобы она была обручена с одним из дворян Вильгельма.

Предосторожность Уильяма.

Священные реликвии.

Как только клятва была принесена таким образом, Вильгельм приказал снять молитвенник и золотую ткань, и под ними, на государственном троне, появился сундук, содержащий священные реликвии Церкви, которые Вильгельм тайно собрал из аббатств и монастырей своих владений и поместил в это укрытие, чтобы, без ведома Гарольда, их ужасное разрешение могло быть добавлено к тому, что наложили святые Евангелисты. Эти реликвии представляли собой фрагменты костей, помещенных в шкатулки и рамы, и частички крови — реликвии, как утверждали монахи, апостолов или Спасителя, — а также небольшие сохранившиеся кусочки дерева, которые были частями креста Христа или его тернового венца. Эти вещи хранились с большой торжественностью в монастырских учреждениях и в церквях тех ранних времен, и к ним относились с таким почтением и трепетом, которые мы почти не в силах даже представить. Гарольд задрожал, когда увидел, что он невольно натворил. Ему было страшно подумать, насколько ужаснее была сила проклятий, которые он произнес, чем он предполагал, произнося их. Но было слишком поздно исправлять то, что он натворил. В конце концов собрание было распущено. Вильгельм решил, что совесть своего нового союзника надежно защищена, и Гарольд начал готовиться к отъезду из Нормандии.

Отъезд Гарольда.

Он оставался в прекрасных отношениях с Уильямом вплоть до его отъезда. Уильям проводил его до берега моря, когда пришло время его отплытия, и наконец отпустил его со многими прощальными почестями и обильными подарками. Гарольд поднял паруса и, благополучно пересекши Ла-Манш, высадился в Англии.

Его меры по удержанию трона.

Возраст и немощи Эдуарда.

Он немедленно приступил к энергичной системе мер по укреплению своего собственного дела и подготовке пути для своего собственного вступления на престол. Он организовал свою партию, собирал оружие и амуницию для войны и делал все, что мог, чтобы снискать расположение самых могущественных и богатых вельмож. Он также добивался благосклонности короля и пытался убедить его отказаться от Уильяма. Теперь король был стар и немощен, и с возрастом становился все более инертным и мрачным. Его ум был всецело занят церковными обрядами и обрядностями, или погружен в вялую и безжизненную меланхолию, из-за чего он не желал думать о том, как пойдут дела в его королевстве после его ухода. Ему было все равно, кто возьмет корону, Гарольд или Уильям, когда он отложит ее в сторону, при условии, что они позволят ему умереть с миром.

Вестминстер.

Смерть Эдварда.

За несколько лет до этого у него был план совершить паломничество в Иерусалим, но в конце концов он договорился с папой римским, что позволило ему построить Кафедральный собор, посвященный святому Петру, в нескольких милях к западу от Лондона, вместо его паломничества. В самом центре Лондона уже существовал Кафедральный собор или *minster*, который был посвящен святому Павлу. Впоследствии новое здание часто называли, чтобы отличить его от других, *западным* собором, и это обозначение, Вестминстер, впоследствии стало его обычным названием. Именно на этом месте, где сейчас стоит Вестминстерское аббатство, должна была быть построена церковь Эдуарда. В то время, о котором мы говорим, строительство было только что завершено, и король готовился к ее освящению. Он созвал собрание всех прелатов и великих церковных сановников страны в Лондоне, чтобы посвятить новый собор. Прежде чем они были готовы к службе, король внезапно заболел. Они положили его на ложе в его дворцовых покоях, где он лежал, не находя себе места, и стонал от боли, беспрестанно повторяя, наполовину во сне, наполовину в бреду, мрачные и угрожающие тексты Священного Писания, которые, казалось, преследовали его разум. Ему не терпелось, чтобы посвящение продолжалось, и они ускорили службу, чтобы доставить ему удовольствие, совершив ее перед его смертью. На следующий день он явно потерпел неудачу. Гарольд и его друзья очень хотели, чтобы уходящий монарх высказался в свою пользу перед смертью, и их приезды и уходы, а также их громкие дискуссии, какими бы грубыми солдатами они ни были, тревожили его предсмертные часы. Он послал им весточку, чтобы они выбрали, кого они изберут королем, герцога или графа, но ему это было безразлично, и поэтому он умер.

Корона, предложенная Гарольду.

Коронация Гарольда.

Он посвящает Эдгара в рыцари.

Гарольд так хорошо все устроил и сумел так эффективно заручиться влиянием всей могущественной знати королевства, что они немедленно собрались и предложили ему корону. В то время Эдгар находился при дворе Эдуарда, но был слишком молод, чтобы предпринимать какие-либо усилия для продвижения своих притязаний. Фактически он был иностранцем, хотя и происходил из английской королевской линии. Он вырос на Европейском континенте и даже не мог говорить по-английски. Поэтому он безропотно согласился на эти действия и даже присутствовал в качестве согласного зрителя по случаю коронации Гарольда, церемония которой была проведена с большой помпой и парадом в соборе Святого Павла в Лондоне вскоре после смерти короля Эдуарда. Гарольд вознаградил Эдгара за его покладистость и благоразумие, присвоив ему рыцарское звание сразу после коронации и в церкви, где проводилась церемония. Он также награждал подобными отличиями и почестями многих других честолюбивых людей, которых хотел привлечь на свою сторону. Таким образом, казалось, что он надежно и прочно владеет тронem.

Гарольд нарушает свое обещание Уильяму.

До этого Гарольд женился на молодой леди из Англии, сестре двух очень влиятельных дворян и самой богатой наследнице в королевстве. Этот брак значительно укрепил его влияние в Англии и помог подготовить почву для его прихода к верховной власти. Однако весть об этом, когда они пересекли Ла-Манш и достигли ушей Вильгельма Нормандского, поскольку этот поступок был открытым и преднамеренным нарушением одного из заветов, которые Гарольд заключил с Вильгельмом, убедила последнего, что ни один из этих заветов не будет соблюден, и подготовила его к тому, что за этим последует.

Глава VIII.

Приготовления.

1066 г. н. э.

Брат Гарольда Тостиг.

Он приносит известие о восшествии Гарольда на престол.

Гонцом, принесшим Вильгельму весть о восшествии Гарольда на престол, был человек по имени Тостиг, брат Гарольда. Хотя он был братом Гарольда, он все еще оставался его злейшим врагом. Братья редко бывают друзьями в семьях, где есть корона, за которую можно побороться. Разумеется, в те дни не существовало публичных способов передачи разведанных, и Тостиг узнал факты о смерти Эдуарда и коронации Гарольда через шпионов, которых он разместил в определенных точках побережья. В то время он сам был на Континенте. Он со всех ног помчался в Руан, чтобы сообщить новость Вильгельму, желая подстрекнуть его начать военные действия против своего брата.

Уильям получает

известие от Тостига.

Сила и ловкость Уильяма.

Когда Тостиг прибыл в Руан, Уильям находился в парке, расположенном неподалеку от города, пробуя новый лук, который недавно сделали для него. Уильям был человеком огромной мускульной силы, и они отдавали ему должное за то, что он умел легко обращаться с луком, который никто другой не мог согнуть. Отчасти эта заслуга, несомненно, была обусловлена этикетом, который в королевских дворцах и на территории заставляет всех здравомыслящих придворных тщательно следить за тем, чтобы никогда не преуспеть в попытках превзойти короля. Но, несмотря на это соображение, нет никаких сомнений в том, что герцог действительно заслужил большую часть похвал, которые он получил за свою силу и ловкость в обращении с луком. Это было оружие, к которому он проявлял большой интерес. Для него был изготовлен новый, очень эластичный и прочный, и он вместе со своими офицерами отправился в свой парк, чтобы испытать его силу, когда прибыл Тостиг. Тостиг последовал за ним на это место и, подойдя к нему вплотную, сообщил ему эту новость наедине.

Его удивление.

Уильям был очень тронут этим известием. Его стрела упала на землю. Он отдал лук слуге. Какое-то время он стоял, потеряв дар речи, завязывая и развязывая пояс своего плаща в своей рассеянности. Вскоре он начал медленно удаляться от этого места и возвращаться в город. Его слуги молча последовали за ним, гадая, что же это за волнующая весть, которая произвела столь внезапный и мощный эффект.

Fitzosborne.

Его интервью с Уильямом.

Уильям вошел в зал замка и долго ходил взад и вперед, задумчивый и явно взволнованный. Его слуги ждали молча, боясь заговорить с ним. Наконец среди них начали распространяться слухи о характере полученных разведданных. Наконец, в замок прибыл высокопоставленный государственный чиновник по имени Фитцосборн. Когда он проходил через двор и ворота, слуги и народ, зная, что он пользуется большим доверием своего государя, спросили его, что это за новость, которая произвела такое впечатление. "Я ничего определенного об этом не знаю, - сказал он, - но скоро узнаю". С этими словами он подошел к Уильяму и обратился к нему со словами: "Почему вы скрываете от нас свои новости? В городе ходят слухи, что король Англии мертв и что Гарольд нарушил данные вам клятвы и захватил королевство. Это правда?"

Уильям признал, что именно это известие так раздосадовало и огорчило его. Фитцосборн призвал герцога не позволять подобным событиям угнетать или унывать его. "Что касается смерти Эдуарда, - сказал он, - то это событие прошлое и несомненное, и его нельзя вспомнить; но узурпация власти и предательство Гарольда допускают очень легкое средство. У вас есть право на трон, и у вас есть солдаты, необходимые для обеспечения этого права. Смело беритесь за это предприятие. Вы обязательно добьетесь успеха".

Большой государственный совет.
Посольство к Гарольду.

Уильям прокручивал эту тему в уме в течение нескольких дней, в течение которых раздражение и злость, вызванные в нем первым получением известия, сменились спокойным, но возмущенным размышлением о том, какого курса ему следует придерживаться. В заключение он созвал большой государственный совет и изложил им суть дела — не с целью получить их совет, а для того, чтобы привлечь их внимание к кризису в официальной и торжественной форме и подготовить их к согласованным действиям в рамках последующих мер, которые необходимо предпринять. Результатом обсуждений на этом совете, руководимом, несомненно, собственными планами Вильгельма, стало то, что первым шагом должно было стать направление посольства к Гарольду с требованием от него выполнения его обещаний.

Гарольд напомнил о своих обещаниях.

Соответственно был отправлен гонец. Он проследовал в Лондон и изложил Гарольду сообщение, которое ему было доверено. В этом сообщении говорилось о трех обещаниях, данных Гарольдом, а именно: отправить свою дочь в Нормандию для замужества за одного из генералов Вильгельма; самому жениться на дочери Вильгельма; и поддержать претензии Вильгельма на английскую корону после смерти Эдуарда. Он также должен был напомнить Гарольду о торжественности, с которой тот обязался выполнять эти обязательства, дав клятвы, данные в присутствии самых священных реликвий Церкви, причем самым публичным и обдуманном образом.

Гарольд ответил:

Его ответы.

1. Что касается отправки своей дочери замуж за одного из генералов Вильгельма, то он не мог этого сделать, потому что его дочь была мертва. По его словам, он предположил, что Уильям не хотел, чтобы он отправлял труп.

2. Что касается женитьбы на дочери Вильгельма, с которой он был обручен в Нормандии, он с сожалением вынужден сообщить, что это также было не в его власти, поскольку он не мог взять жену-иностранку без согласия своего народа, которого, он был уверен, никогда не получают; кроме того, он уже был женат, по его словам, на саксонской леди из его собственных владений.

3. Что касается королевства: по его словам, решение о том, кто должен править Англией в качестве преемника Эдуарда, зависело не от него, а от воли самого Эдуарда и английского народа. Английские бароны и знать решили, с согласия Эдуарда, что он, Гарольд, является их законным сувереном и что не ему оспаривать их волю. Как бы сильно он ни был склонен подчиниться желаниям Вильгельма и сдержать свое обещание, было ясно, что это не в его власти, поскольку, обещая ему английскую корону, он обещал отдать то, что ему не принадлежало.

4. Что касается его клятв, он сказал, что, несмотря на тайное присутствие священных реликвий под золотой тканью, он считал их не имеющими обязательной силы для своей совести, поскольку был вынужден принять их как единственное средство вырваться из под давления, в котором он фактически находился в Нормандии. Обещания и даже клятвы, когда их вымогали по необходимости, были недействительны.

Возвращение посланника.

Гонец вернулся в Нормандию с этими ответами, и Вильгельм немедленно начал готовиться к войне.

Уильям готовится к войне.

Его первой мерой было созвать совет из своих самых близких друзей и советников и изложить им суть дела. Они сердечно одобрили план вторжения в Англию и пообещали сотрудничать в его осуществлении в меру своих сил.

Уильям созывает генеральный совет.

Нехватка средств.

Способы привлечения денег.

Следующим шагом было созвать общий совет всех вождей и знати страны, а также *нотаблей*, как их называли, или главных должностных лиц и муниципальных властей *городов*. Основным вопросом, представляющим интерес для рассмотрения этой ассамблеей, был вопрос о том, будет ли страна взимать необходимые налоги для сбора необходимых средств. Уильям как герцог обладал достаточной властью, чтобы принять решение о вторжении и осуществить его. Он также мог без особого труда набрать необходимое количество людей, поскольку каждый барон в его королевстве был обязан в силу феодальных условий, на которых он владел своей землей, предоставлять свою норму людей для любого военного предприятия, в котором его суверен мог бы счесть нужным участвовать. Но для такого отдаленного и масштабного предприятия, как это, Вильгельму требовался гораздо больший запас *средств*, чем обычно требовалось в войнах тех дней. Для сбора таких больших запасов политические институты Средневековья не предусмотрели никаких достаточных средств. Правительства тогда не имели права взимать налоги, подобного тому, которым так свободно пользуются в наше время; и даже

сейчас налоги во Франции и Англии принимают форму *субсидий* от народа королям. А что касается такого чрезвычайно остроумного изобретения, с помощью которого правительствам в наши дни открываются неисчерпаемые ресурсы, то есть плана занять деньги и предоставить потомкам самим выплачивать или отказываться от долга, как им заблагорассудится, то во времена Вильгельма ни один министр финансов не был достаточно умен, чтобы разгадать его. Таким образом, каждому правителю приходилось полагаться главным образом на ренту и доходы со своих собственных земель и других частных ресурсов для получения сравнительно небольшой суммы денег, в которой он нуждался в своих кратковременных кампаниях. Но теперь Вильгельм понял, что необходимо построить и снарядить корабли, накопить большие запасы провизии, снабдить их оружием и амуницией для войны - все это потребует значительных затрат; и как было добыть эти деньги?

Неблагоприятные взгляды.

Созванная им генеральная ассамблея была сильно отвлечена обсуждением этого вопроса. Тихие и миролюбивые граждане, населявшие города, ремесленники и торговцы, которые не желали ничего, кроме того, чтобы им позволили спокойно заниматься своими промышленными делами, были против всего этого проекта. Они считали неразумным и абсурдным, что от них требовали вносить взносы из своего заработка, чтобы позволить их господину и повелительнице отправиться в столь далекое и отчаянное предприятие, из которого, даже в случае успеха, они не могли извлечь никакой пользы. Многие бароны тоже были против этого плана. Они считали, что это, скорее всего, закончится катастрофой и поражением; и они отрицали, что их феодальное обязательство поставлять людей для войн своего государя было обязательным до такой степени, что требовало от них покинуть страну и отправиться за море, чтобы отстаивать его претензии на трон другого королевства.

Различные мнения.

Путаница и беспорядок.

Другие, с другой стороны, среди членов ассамблеи Вильгельма, были решительно настроены поддержать этот план. Они были более пылкими или отважными, чем остальные, или, возможно, их положение и обстоятельства были таковы, что у них было больше оснований надеяться на успех предприятия, чем у них, или меньше опасаться его провала. Таким образом, существовало большое разнообразие мнений; и поскольку парламентская система правил, с помощью которой группа буйных людей в наше время поддерживается в некотором подобии организации и порядка во время дебатов, тогда еще не была разработана, встреча этих нормандских совещающихся какое-то время была ареной негодования и неразберихи. Члены собрания собирались группами, каждый оратор собирал вокруг себя столько ораторов, сколько мог собрать, чтобы послушать свою речь; более тихая и пассивная часть собрания переходила взад и вперед, от группы к группе, поскольку их привлекали серьезность и красноречие различных ораторов или одобрение ими чувств, которые они слышали от них. Сцена, по сути, была похожа на ту, которую в волнующие времена представляло политическое собрание в Америке, прежде чем председатель призовет его к порядку.

План Фицосборна.

Его принимает Уильям.

Успех плана Фитцосборна.

Поставки поступают обильно.

Фицосборн, близкий друг и советник, который уже упоминался как тот, кто осмелился обратиться к герцогу в то время, когда до него впервые дошли вести о смерти Эдуарда и восшествии на престол Гарольда, теперь, видя, что ни о каких определенных и слаженных действиях со стороны этого бурного собрания не может быть и речи, отправился к герцогу и предложил ему отказаться от собрания как такового и заключить наилучшие условия и договоренности, какие он только сможет, с составляющими его элементами, индивидуально и по отдельности. Он сказал, что сам предоставит сорок кораблей с экипажами, снаряжением и провизией; и он порекомендовал герцогу вызвать каждого из остальных к себе и спросить их, что они по отдельности готовы делать. Герцог принял этот план, и он оказался на удивление успешным. Те, кого пригласили первыми, сделали крупные предложения, и их предложения были немедленно официально зарегистрированы соответствующими должностными лицами. Каждый из последовавших за ним подражал примеру тех, кто был до него, и желал проявить такое же усердие и великодушие, как и они. Затем, кроме того, герцог принял этих вассалов с такой снисходительностью и учтивостью и обращался с ними с таким вниманием и почтением, что это сильно польстило их тщеславию и подняло их в их собственных глазах, превознося их представления о важности услуг, которые они могли бы оказать в доведении столь масштабного предприятия до успешного результата. Одним словом, волна переломилась подобно наводнению в пользу предоставления щедрых поставок. Дворяне и рыцари добровольно обещали людей, деньги, корабли, оружие, провизию — короче говоря, все, что требовалось; и когда работа по приему и регистрации предложений была завершена, и офицеры подсчитали общую сумму, Уильям, к своему крайнему удовлетворению, обнаружил, что его потребности в изобилии удовлетворены.

Посольство к папе римскому.

Был еще один очень важный момент, для обеспечения которого Вильгельм немедленно принял меры, и это было получение *одобрения* папы Римского на его предполагаемую экспедицию. Он знал, что моральное влияние римского понтифика на его стороне принесло бы ему неисчислимые выгоды. Соответственно, он отправил посольство в Рим, чтобы изложить все это его святейшеству и молиться, чтобы папа объявил, что он по праву имеет право на английскую корону, и разрешил ему продолжить и завладеть ею силой оружия. Посыльным, которого он нанял, был Ланфранк — тот самый Ланфранк, который несколько лет назад добился такого успеха на переговорах в Риме, связанных с подтверждением брака Вильгельма и Матильды.

Его успех.

Ланфранк добился такого же успеха и сейчас. Папа римский, изучив заявления Вильгельма, признал их обоснованными. Он решил, что Вильгельм имеет право на звание и почести короля Англии. Он распорядился, чтобы на этот счет был оформлен официальный диплом. Диплом был элегантно оформлен, подписан крестом, согласно папскому обычаю, и скреплен круглой свинцовой печатью.^[1]

Причины, по которым папа поддержал притязания Вильгельма.

На самом деле было вполне естественно, что римские власти благосклонно отнеслись к предприятию Вильгельма и были заинтересованы в его успехе, поскольку, несомненно, в интересах Церкви, чтобы Вильгельм, а не Гарольд, правил Англией, поскольку восшествие на престол Вильгельма гораздо более полно подпало бы английскому королевству под влияние

Римской церкви. Уильям всегда был очень покорен папской власти, что проявилось в его поведении в отношении вопроса о его браке. Он сам, а также его жена Матильда всегда проявляли горячий интерес к благополучию и процветанию аббатств, монастырей, церквей и других религиозных учреждений того времени. Затем само обстоятельство, что он отправил своего посла в Рим, чтобы представить свои претензии на рассмотрение понтифика, в то время как Гарольд этого не сделал, указывало на большее уважение к авторитету Церкви и делало вероятным, что он был бы гораздо более послушным сыном Церкви в своей манере управлять своим королевством, если бы ему удалось завладеть им, чем Гарольд, его соперник. Папа и его советники в Риме сочли уместным принять все это во внимание при принятии решения между Вильгельмом и Гарольдом, поскольку они искренне верили, без сомнения, что их первым и высшим долгом было возвеличивать всеми возможными средствами духовный авторитет священного учреждения, которым они были призваны руководить.

Знамя и кольцо.

Соответственно, папа и его кардиналы очень тепло поддержали дело Вильгельма. В дополнение к диплому, который давал Вильгельму формальные полномочия вступить во владение английской короной, папа прислал ему знамя и кольцо. Знамя было дорогой и изящной работы; его ценность, однако, заключалась не в его эlegantности или стоимости, а в торжественном благословении, которое его святейшество произнес над ним, сделав его священным и неприкосновенным. Благословенное таким образом знамя было с большой осторожностью передано Ланфранком Вильгельму.

К нему прилагалось кольцо. Кольцо было из золота, и в нем был драгоценный бриллиант. Однако и золото, и бриллиант служили лишь оправой для сохранения и почитания чего-то гораздо более ценного, чем они сами. Этим избранным сокровищем был волос с головы апостола Петра! священная реликвия, обладающая чудесными свойствами и неоценимой ценностью.

Волнение, вызванное их приемом.

Когда эдикт со свинцовой печатью, знамя и кольцо прибыли в Нормандию, они вызвали большое всеобщее волнение. Столь решительно даровать предприятию торжественную санкцию великого духовного главы Церкви, на которого огромная масса людей взирала с благоговением, почти божественным, означало неразрывно подтвердить правильность предприятия и обеспечить его успех. С тех пор не было никаких трудностей с добычей людей или средств. Все стремились разделить славу и получить награды за предприятие, получившее такую высокую оценку от органа власти, должным образом уполномоченного выражать во всех подобных случаях суд Небес.

Прокламации Вильгельма.

Их последствия.

Обещания вильгельма.

Обнаружив, что течение, таким образом, складывается в его пользу, Вильгельм разослал прокламации во все страны, окружающие Нормандию, приглашая рыцарей, солдат и авантюристов всех мастей присоединиться к нему в его задуманном предприятии. Эти прокламации привлекли всеобщее внимание. Огромное количество отважных людей решило поступить на службу к Вильгельму. Лошади, оружие и амуниция повсюду пользовались

большим спросом. Вторжение в Англию и вопрос о присоединении к ней были универсальными темами для разговоров. Дороги были запружены рыцарями и солдатами, некоторые верхом и в одиночку, другие группами, большими или малочисленными, и все они направлялись в Нормандию, чтобы предложить свои услуги. Уильям принял их всех и щедро пообещал даровать им награды и почести в Англии в случае своего успеха. Некоторым он предлагал плату деньгами; другим - добычу; третьим - должность и власть. У каждого была своя цена. Даже священники и сановники Церкви разделяли общий энтузиазм. Один из них предоставил корабль и двадцать вооруженных людей в соответствии с соглашением быть назначенным епископом некоей ценной английской епархии, когда Вильгельм взойдет на трон.

Военно-морские приготовления.

В то время как все эти передвижения происходили во внутренних районах страны, все морские порты и города вдоль побережья Нормандии представляли собой очень оживленную сцену военно-морской подготовки. Военно-морские архитекторы в большом количестве занимались строительством и оснащением судов. Некоторые из них были построены и оборудованы для перевозки людей, другие - для перевозки провизии и военного снаряжения; также были построены лихтеры и лодки для подъема по рекам и для помощи в высадке войск на пологие берега. Кузнецы и оружейники были непрерывно заняты изготовлением копий, мечей и кольчуг; в то время как огромное количество рабочих и вьючных животных было занято транспортировкой оружия и материалов на мануфактуры и обратно на корабли, а также из одного пункта отправления в другой.

Филипп, король Франции.

Как только Вильгельм таким образом привел в действие все эти занятые учреждения, он решил, что есть еще один момент, который ему необходимо заручиться, прежде чем окончательно отправиться в путь, и это было сотрудничество и помощь французского короля, которого в то время звали Филипп. В качестве герцога Нормандии король Франции был его сеньором, и он был обязан действовать, в какой-то степени, исходя из признания его высшей власти. В своем новом качестве, то есть как король Англии или, скорее, как наследник английского королевства, он, конечно, был полностью независим от Филиппа и, следовательно, не связан никакими феодальными обязательствами вообще полагаться на него. Однако он считал наиболее разумным попытаться, по крайней мере, снискать расположение Филиппа, и, соответственно, оставив своих офицеров и рабочих продолжать работу по организации своей армии, строительству и оснащению флота, сам отправился в экспедицию ко двору французского короля. Он считал более безопасным выполнить эту деликатную миссию самому, а не поручать ее послу или заместителю.

Визит Уильяма к нему.

Интервью Уильяма с Филиппом.

Он нашел Филиппа в его дворце Сен-Жермен, который находился недалеко от Парижа. В своей беседе с королем герцог принял очень почтительный вид. Филипп был очень молодым человеком, хотя и надменным и тщеславным. Уильям во многом превосходил его не только по возрасту и опыту, но и по талантам, характеру и личной известности. Тем не менее, он обратился к монарху со всем почтением, подобающим вассалу по отношению к своему суверену, изложил

свои планы и попросил одобрения и помощи Филиппа. Он сказал, что готов, в случае предоставления ему такой помощи, сохранить свое королевство Англия, как он сделал с герцогством Нормандия, в зависимости от французской короны.

Филипп выступает против его планов.

Филипп, казалось, совсем не был расположен благосклонно относиться к этому проекту. Он спросил Уильяма, кто собирается позаботиться о его герцогстве, пока он гоняется за королевством. Сначала Уильям ответил, что, по его мнению, его соседям не стоит беспокоиться на этот счет. Затем, поразмыслив, решив, что более уважительный ответ был бы более политичным при обстоятельствах данного дела, он добавил, что провидение благословило его благоразумной женой и любящими подданными, и что, по его мнению, он может спокойно оставить свои домашние дела в их руках до своего возвращения. Филипп по-прежнему выступал против этого плана. По его словам, это было донкихотство и опасность. Он настоятельно посоветовал Уильяму отказаться от этого плана и довольствоваться своим нынешним имуществом. Такие отчаянные амбициозные планы, как те, которые он обдумывал, привели бы его только к гибели.

Совет знати.

Результат их обсуждения.

Однако, прежде чем окончательно решить дело, Филипп созвал совет из своей знати и государственных чиновников и изложил им предложения Вильгельма. Результатом их обсуждения стало утверждение Филиппа в его первом решении. Они сказали, что оказание Вильгельму помощи, которой он желал, повлечет за собой большие расходы и будет сопряжено с большой опасностью; а что касается обещаний Вильгельма сохранять Англию в качестве вассала короля Франции, то они не верили в их выполнение. По их словам, в течение многих лет королям Франции было очень трудно поддерживать какую-либо эффективную власть над герцогами Нормандии, и когда они станут хозяевами такого далекого и могущественного государства, как Англия, всякий контроль над ними будет утрачен навсегда.

Возвращение Уильяма.

Затем Филипп дал Уильяму свой окончательный ответ в соответствии с этими советами. Ответ был воспринят Уильямом с сильным чувством разочарования и неудовольствия. Филипп проводил герцога к его свите, когда наступил час отъезда, чтобы, насколько это было возможно, успокоить его раздраженные чувства, отпустив его со двора в знак своего почетного уважения. Уильям, однако, был не в том настроении, чтобы радоваться. Прощаясь с Филиппом, он сказал ему, что теряет самого могущественного вассала, которого когда-либо имел любой лорд-суверен, из-за курса, который он решил избрать. "Я бы сделал все королевство Англия частью ваших владений, признав вас сувереном над всеми, если бы вы согласились оказать мне свою помощь, но я не сделаю этого, раз вы отказываетесь. Я буду чувствовать себя обязанным отплатить только тем, кто помогает мне".

Последние приготовления.

Матильда назначила герцогиню регентшей.

Вильгельм вернулся в Нормандию, где все приготовления к экспедиции шли с большой энергией во время его отсутствия, и приступил к приготовлениям к последней важной мере, которую необходимо было предпринять перед его отъездом; это было регулярное формирование правительства, которое будет править в Нормандии, пока его не будет. Он решил оставить верховную власть в руках своей жены Матильды, назначив в то же время ряд гражданских и военных офицеров в качестве регентского совета, которые должны были помогать ей в ее работе, предоставляя ей информации советы, а также управлять под ее руководством различными департаментами правительства. Ее титул был "герцогиня-регентша", и она была назначена на свой пост публично и торжественно, на большом собрании сословий королевства. По окончании церемонии, после того как Уильям передал Матильду на попечение, он завершил свое обращение, добавив: "И не упустите возможности воспользоваться вашими молитвами и молитвами всех дам вашего двора, чтобы благословение Божье посетило нас и обеспечило успех нашей экспедиции".

Мотивы Вильгельма.

Республиканские настроения.

Наследственные монархи.

Нам не обязательно предполагать, к чему мы могли бы поначалу сильно склониться, что в заявлении Уильяма о том, что он полагается на защиту Небес в тех личных и политических опасностях, которым он собирался подвергнуться, было какое-то особое лицемерие и притворство. Вероятно, он искренне верил, что наследование английской короны было его правом, и в таком случае энергичные и мужественные усилия по обеспечению соблюдения своего права были его священным долгом. В нынешнюю эпоху мира, когда существует так много стран, в которых интеллект, трудолюбие и любовь к порядку настолько широко распространены, что массы общества способны сами организовать и управлять правительством, республиканцы склонны смотреть на наследственных монархов как на деспотов, правящих только с целью содействия собственному возвышению и достижения целей нечестивых и эгоистичных амбиций. Никто не может отрицать, что таких деспотов было великое множество; но, с другой стороны, было много других, которые в своей политической карьере действовали в большей или меньшей степени под влиянием принципов долга. Они искренне верили, что огромная власть, которой они оказались наделены, вступая в жизнь, без, в большинстве случаев, какой-либо собственной инициативы, была оказана им божественным Провидением, которым нельзя было простодушно пренебречь; что на них была возложена защита сообществ, которыми они правили, от внешней враждебности, сохранение мира и порядка внутри, а также содействие общему трудолюбию и благосостоянию как властный и торжественный долг; и они посвятили свои жизни выполнению этого долга с обычной смесью, правда, честолюбия и ненависти. эгоистично, но все же, в конце концов, с такой же добросовестностью, какую проявляет масса людей из более скромных слоев общества, выполняя свои обязанности. Вильгельм Нормандский, по-видимому, принадлежал к этому последнему классу; и, подчиняясь велениям своего честолюбия в стремлении завладеть английской короной, он, без сомнения, считал себя также выполняющим обязанности долга.

Энтузиазм народа.

двухвостая комета.

Как бы то ни было, он продолжал свои приготовления самым энергичным и успешным образом. Вся страна с энтузиазмом поддерживала это дело, и их вера в то, что предприятие, которое они собирались предпринять, несомненно, снискало благосклонность Небес, была подтверждена экстраординарным явлением, произошедшим как раз перед тем, как вооружение было готово к отплытию. В небе появилась комета, у которой, как заявили близкие наблюдатели, был двойной хвост. Все были единодушны в том, что это предвещало скорое объединение Англии и Нормандии и образование двойного королевства, которое явит всему человечеству удивительное зрелище великолепия.

Глава IX.

Пересекаю Ла-Манш.

1066 г. н. э.

Погружение в реку.

Окончательная сборка флота.

Местом окончательной сборки флота, который должен был переправить экспедицию через Ла-Манш, было устье небольшой реки под названием Дайв, которая будет видна на следующей карте и впадает в море из окрестностей замка Фалез на север. Великое собрание состоялось в начале сентября месяца 1066 года. Эта дата, знаменующая эпоху Нормандского завоевания, является одной из дат, которые изучающие историю неизгладимо запоминают.

Карта.

Нормандия.

Блестящая и великолепная сцена.

Сбор флота в устье реки Дайв и размещение войск на пляже вдоль ее берегов представляли собой очень грандиозное и внушительное зрелище. Флотилии галер, кораблей, лодок и барж, покрывающие поверхность воды; длинные ряды палаток под утесами на суше; всадники на великолепных лошадях, сверкающие сталью; группы солдат, все деловито занятые транспортировкой провизии и припасов туда и обратно или предварительными приготовлениями к посадке; тысячи зрителей, которые непрерывно приходили и уходили, и сам герцог, великолепно одетый, верхом на боевом коне, с сопровождавшими его гвардейцами и офицерами — все это, а также различные другие элементы обстановки. военный парад и демонстрация, обычно наблюдаемые в таких случаях, сговорились создать очень веселую и блестящую, а также великолепную сцену.

Равноденственные штормы.

Экспедиция, задержанная ими.

Конечно, сбор такого большого количества людей и судов, а также различные приготовления к отправке потребовали некоторого времени, и когда, наконец, все было готово — а это было в начале сентября, - разразился равноденственный шторм, и оказалось невозможным покинуть порт. На самом деле в течение нескольких недель продолжались сильные ветры, штормовое море и ненастное небо. Время от времени случались короткие промежутки, когда облака рассеивались и появлялось солнце; но эти промежутки не освобождали флот из его заточения,

поскольку они были недостаточно продолжительными, чтобы позволить морю успокоиться. Прибой продолжал накатывать и с грохотом обрушиваться на берег и на песчаные отмели в устье реки, делая гибель почти неизбежной судьбой любого корабля, который решился бы противостоять его ярости. Состояние неба постепенно лишало пейзаж веселых и ярких красок, которые оно носило поначалу. Корабли свернули паруса, развернули знамена и встали на якорь, упрямо подставляя головы шторму. Люди на берегу искали убежища в своих палатках. Зрители разошлись по домам, в то время как герцог и его офицеры день за днем с большой тревогой наблюдали за несущимися по небу облаками.

Пагубные последствия шторма.

Упадок духа у людей.

Страхи и дурные предчувствия.

На самом деле у Уильяма были очень серьезные основания для опасений относительно влияния, которое этот продолжающийся шторм должен был оказать на успех его предприятия. Задержка сама по себе была очень серьезным соображением, поскольку скоро должна была наступить зима. Еще через месяц, казалось бы, не могло быть и речи о том, чтобы такое огромное вооружение вообще пересекло Ла-Манш. Затем, когда люди пускаются в такие темные и опасные предприятия, как то, в котором сейчас участвовал Уильям, их дух и энергия поднимаются и опускаются в больших колебаниях под влиянием очень незначительных и неадекватных причин; и ничто не оказывает на них в такие моменты большего влияния, чем вид небес. Вильгельм обнаружил, что пыл и энтузиазм его армии быстро улечиваются под воздействием леденящего ветра и проливного дождя. Чувства недовольства и депрессии, которые хмурое выражение небес пробудило в их умах, были углублены и распространены под влиянием сочувствия. Солдатам нечем было заняться в течение долгих и тоскливых часов дня, кроме как предвкушать трудности и опасности и развлекать друг друга, наблюдая за облаками, несущимися вдоль утесов, и за грядущими волнами, предвкусывая кораблекрушения, битвы и поражения, а также все другие мрачные предчувствия, которые преследуют воображение обескураженного и недовольного солдата.

Некоторые суда потерпели крушение.

И эти представления о кораблекрушениях и разрушениях не были полностью воображаемыми. Хотя основная часть флота оставалась в реке, где она была защищена от ветров, все же было много случаев, когда одиночные суда время от времени подвергались их воздействию. Это были отдельные суда, припозднившиеся к месту встречи, или небольшие эскадры, отправленные в какой-нибудь соседний порт по какой-либо необходимости, связанной с приготовлениями, или сильные галеры, командиры которых, более смелые, чем остальные, были готовы, в случаях, когда не было абсолютной необходимости, смело встретить опасность. Многие из этих судов потерпели крушение. Их обломки вместе с телами утонувших моряков были выброшены на берег. Жуткое зрелище, представляемое этими мертвыми телами, распухшими и искалеченными, наполовину погребенными в песке, как будто море пыталось скрыть причиненное им зло, потрясло и ужаснуло зрителей, которые их видели. Уильям отдал приказ собрать все эти тела и тайно похоронить, как только они были найдены; тем не менее, в лагере распространялись преувеличенные слухи о количестве и масштабах этих бедствий, и недовольство и опасения с каждым днем становились все более тревожными.

Благоприятные перемены.

Флот выходит в море.

Уильям решил, что должен выйти в море при первой же возможности. Благоприятный случай не заставил себя долго ждать. Ветер переменялся. Шторм, казалось, прекратился. С юга подул бриз, который отразил волны от французского побережья. Уильям отдал приказ подниматься на борт. Палатки были разобраны. Багаж солдат был отправлен на борт транспортных судов. Сами мужчины, набившись в большие плоскодонные лодки, толпами перебирались с берега на корабли. Зрители появились снова и заняли близлежащие скалы и мысы, чтобы стать свидетелями финальной сцены. Были подняты паруса, и огромное вооружение двинулось в море.

Различные задержки.

Видимость благоприятной перемены погоды, в конце концов, оказалась ошибочной, поскольку облака и шторм вернулись, и после того, как флот, охваченный опасениями, был отброшен примерно на сто миль к северо-востоку вдоль побережья, он был вынужден снова искать убежища в гавани. Портом, который их принял, был Сен-Валери, недалеко от Дьеппа. Герцог был сильно разочарован тем, что ему снова пришлось захватить землю. Тем не менее, попытка продвинуться не была полностью проиграна; поскольку французское побережье здесь отклоняется к северу, они постепенно сужали пролив по мере продвижения и, фактически, были уже на пути к английским берегам. Кроме того, были некоторые причины остановиться здесь, перед окончательным отправлением, чтобы получить последние подкрепления и припасы. У Уильяма также была еще одна возможность пообщаться со своей столицей и с Матильдой.

Его последствия.

Гарольду не хватает информации.

Он выводит свои войска.

Эти задержки, какими бы катастрофическими они ни казались, тем не менее имели один положительный эффект, о котором, однако, Уильям в то время не подозревал. Они заставили Гарольда в Англии вообразить, что предприятие заброшено, и таким образом сбили его с толку. В те дни, как уже отмечалось, не существовало регулярных и публичных способов общения, с помощью которых информация о важных движениях и событиях распространялась повсюду, как сейчас, быстро и достоверно. Соответственно, правительства были вынуждены полагаться в получении информации о том, что делают их враги, на слухи или донесения шпионов. В августе в Англию дошли слухи, что Вильгельм замышляет вторжение, и Гарольд предпринял некоторые обширные приготовления, чтобы встретить его и противостоять ему; но, обнаружив, что он не пришел — проходила неделя за неделей сентября, а никаких признаков врага не появлялось, и не получив никакой определенной информации о причинах задержки, он пришел к выводу, что предприятие было заброшено или, возможно, отложено до следующей весны. Соответственно, поскольку приближалась зима, он счел за лучшее начать подготовку к отправке своих войск на зимние квартиры. Он распустил некоторых из них, а других отослал, распределив их по различным замкам и укрепленным городам, где они были бы защищены от суровости сезона, от незащищенности и тягот лагеря, и в то же время оставались бы в пределах досягаемости вызова на случай любой внезапной чрезвычайной ситуации, которая могла бы их вызвать. Вскоре их вызвали, хотя и не для встречи с Гарольдом, как вскоре выяснится.

Бдительность Гарольда.

Однако, принимая эти меры, которые, по его мнению, требовались для комфорта и безопасности его армии, Гарольд не ослаблял бдительности, наблюдая, насколько это было возможно, за замыслами и передвижениями своего врага. Он держал своих секретных агентов на южном побережье, приказав им внимательно наблюдать за всем, что происходит, и собирать и посылать ему все разведданные, которые каким-либо образом попадут через Ла-Манш. Конечно, Уильям сделал бы все, что в его силах, чтобы перехватить и перекрыть все коммуникации, и в то время ему в этих усилиях очень помогали сильные штормы, которые делали практически невозможным выход рыболовецких и торговых судов побережья в море или попытку пересечь Ла-Манш. Таким образом, агенты Гарольда на южном побережье Англии обнаружили, что им удалось получить очень мало информации.

Он засылает шпионов в Нормандию.

В конце концов король, не желая больше оставаться в полном неведении, решил послать несколько гонцов через море в саму Нормандию, чтобы узнать, каково истинное положение дел. Гонцы, тайно проникающие таким образом на территорию противника или во вражеский лагерь, становятся, таким образом, на военном положении *шпионами*, в случае поимки, подвергаются смертной казни. Предприятие, следовательно, чрезвычайно опасное; и поскольку смерть, которая наступает в случае обнаружения, является позорной — шпионов вешают, а не расстреливают, — большинство людей очень неохотно сталкиваются с опасностью. Тем не менее, в лагерях и армиях всегда можно найти отчаянных персонажей, готовых взяться за это дело, если им пообещают очень высокую плату.

Шпионы Гарольда.

Они обнаружены.

Шпионам Гарольда удалось перебраться через Ла-Манш, вероятно, в каком-то месте далеко к востоку от Нормандии, где пролив узкий. Затем они прошли вдоль берега, переодевшись местными крестьянами, и прибыли в Сент-Валери, когда там находился флот Вильгельма. Здесь они начали делать свои наблюдения, тщательно изучая каждую вещь с пристальным вниманием и заботой, и в то же время старательно пытались скрыть свой интерес к тому, что они видели. Однако, несмотря на всю их бдительность, они были обнаружены, доказали, что являются шпионами, и предстали перед Вильгельмом для вынесения приговора.

Уильям распускает шпионов.

Вместо того чтобы приговорить их к смерти, которая, как они, несомненно, предполагали, была бы их неизбежной участью, Вильгельм приказал отпустить их на свободу. "Возвращайся, - сказал он, - к королю Гарольду и скажи ему, что он мог бы сэкономить на посылке шпионов в Нормандию, чтобы узнать, что я готовлю для него. Скоро он узнает об этом другими способами — на самом деле гораздо раньше, чем он себе представляет. Иди и передай ему от меня, что он может укрыться, если пожелает, в самом безопасном месте, какое только сможет найти во всех своих владениях, и если он не обнаружит моей руки до истечения года, ему больше никогда не придется бояться меня, пока он жив.

Его уверенность в своем деле.

И это выражение уверенности в успехе предпринимаемых им мер не было пустым хвастовством. Уильям знал силу Гарольда и знал свою собственную. Предприятие, в которое он ввязался, не было опрометчивой авантюрой. Это был хладнокровный, обдуманный план. В глазах человечества это казалось сомнительным и опасным, поскольку простым поверхностным наблюдателям это казалось просто агрессивной войной, которую вел герцог Нормандии, правитель сравнительно маленькой и незначительной провинции, против короля Англии, монарха одного из величайших и могущественнейших королевств в мире. Уильям, с другой стороны, рассматривал это как попытку законного наследника престола свергнуть узурпатора. Он был уверен в сочувствии и сотрудничестве значительной части общества даже в Англии в тот момент, когда он смог показать им, что способен отстаивать свои права; и что он мог показать им это очень решительной демонстрацией, которая была очевидна перед ним, на огромном флоте, стоявшем на якоре в гавани, и на длинных рядах палаток, заполненных солдатами, которые покрывали землю.

Опасения офицеров Уильяма.
Он успокаивает их.

Однажды, когда некоторые из его офицеров выразили опасения по поводу могущества Гарольда и своих опасений по поводу того, что они смогут успешно справиться с ним, Уильям ответил, что чем более грозной окажется власть Гарольда, тем больше он должен быть доволен, поскольку для них будет еще большей славой победить его. "Я не возражаю, - сказал он, - что вы питаете возвышенные представления о его силе, хотя меня немного удивляет, что вы не лучше оцениваете нашу собственную. Мне не нужно беспокоиться о том, что он, находясь на таком расстоянии, слишком много узнает от своих шпионов о силе, которую я направляю против него, когда вы, находящиеся так близко от меня, кажется, знаете об этом так мало. Но не беспокойтесь ни о чем. Доверьтесь справедливости вашего дела и моей предусмотрительности. Исполняйте свои роли, как мужчины, и вы увидите, что результат, в котором я уверен и на который вы надеетесь, непременно будет достигнут".

Прибытие Матильды с Мирой.
Подарок Уильяму.

Наконец шторм полностью рассеялся, и армия и флот начали подготовку к окончательному отплытию. В разгар этой заключительной сцены внимание всех огромных толп, собравшихся на борту кораблей и на берегах, однажды утром привлек красивый корабль, который вошел в гавань. Это оказалось большое и великолепное судно, которое герцогиня Матильда построила за свой счет и теперь доставляла сюда, чтобы преподнести своему мужу в качестве прощального подарка. Она сама находилась на борту со своими офицерами и сопровождающими, приехав засвидетельствовать отъезд своего мужа и попрощаться с ним. Ее прибытие, конечно, при таких обстоятельствах вызвало всеобщее волнение и энтузиазм. Корабли в гавани и берега огласились одобрительными возгласами, когда вновь прибывший галантно вошел в гавань.

Судно Матильды было прекрасно построено и великолепно украшено. Паруса были разных цветов, что придавало ему очень веселый вид. На них в разных местах были нарисованы три льва, которые были символом нормандского прапорщика. На носу корабля было изображено изображение второго сына Уильяма и Матильды, стреляющего из лука. Это было достижение, которое из всех других его отец больше всего хотел видеть своим маленьким сыном. Стрела

была натянута почти донаконечника, что указывало на огромную силу маленьких ручек, которые ее направляли, и она была готова к полету. Название этого судна было "Мира". Уильям сделал его своим флагманским кораблем. Он водрузил на верхушку мачты освященное знамя, присланное ему из Рима, и поднялся на борт в сопровождении своих офицеров и стражи с большой церемонией и парадом.

Эскадра снова выходит в море.
Ее появление.

Наконец эскадра была готова выйти в море. По данному сигналу были подняты паруса, и весь флот начал медленно выходить из гавани. Там было четыреста кораблей больших размеров, если можно верить хроникам того времени, и более тысячи транспортов. Палубы всех этих судов были покрыты людьми; знамена развевались на каждой мачте и рангоуте, и каждая выступающая точка берега была запружена зрителями. Море было спокойным, воздух безмятежным, и могучее облако парусины, выбеливавшее поверхность воды, медленно плыло над пологими набегами волн, образуя зрелище, которое, как картина только для глаз, было великолепным и величественным, и, если рассматривать его в связи с огромными результатами для человечества, которые должны были проистекать из успеха предприятия, должно было считаться возвышенным.

Быстротечность "Мира".
Флот остается вне поля зрения.

Великолепно украшенный корабль, который Матильда подарила своему мужу, на испытаниях показал себя чем-то большим, чем просто игрушкой. Разумеется, он возглавлял авангард в начале; и поскольку все глаза следили за его продвижением, вскоре стало очевидно, что он медленно догоняет остальную часть эскадрильи, постоянно увеличивая дистанцию от тех, кто следовал за ним. Уильям, довольный успехом своего выступления, приказал парусному мастеру продолжать движение, не обращая внимания на тех, кто был позади; и таким образом случилось, что, когда наступила ночь, флот находился на очень значительном расстоянии позади флагманского корабля. Конечно, при таких обстоятельствах флот исчез из виду с заходом солнца, но все ожидали, что утром он снова появится в поле зрения. Однако, когда наступило утро, к удивлению и разочарованию всех, кто находился на борту флагманского корабля, никаких признаков флота видно не было. Матросы и офицеры на палубе долго и пристально вглядывались в южный горизонт, по мере того как разгорающийся утренний свет постепенно приближал его к горизонту, но не было ни единого пятнышка, нарушающего его ровную линию.

Уильяму все равно.

Они чувствовали тревогу и беспокойство, но Уильям, казалось, не испытывал никакого беспокойства. Он приказал убрать паруса, а затем послал человека на верхушку мачты выглянуть оттуда. Ничего не было видно. Уильям, все еще явно беззаботный, приказал приготовить очень роскошный завтрак, уставив столы вином и другими деликатесами, чтобы умы всех на борту могли приободриться от бодрящего воздействия пиршества. Наконец на верхушку мачты снова послали впередсмотрящего. - Что ты теперь видишь? - спросил Уильям. "Я вижу, - сказал мужчина, все это время очень пристально глядя на юг, - четыре *очень*

маленьких пятнышка прямо на горизонте". Острый интерес, который это объявление пробудило на палубе, вскоре *усилился* и *успокоился* от криков: "Я вижу все больше и больше — это корабли — да, в поле зрения появляется вся эскадра".

Повторное появление флота.

Наступающий флот вскоре поравнялся с "Мирой", когда та снова распустила паруса, и все вместе медленно двинулись к побережью Англии.

Флот входит в залив Певенси.

Корабли настолько повернули на восток, что, когда они пристали к берегу, оказались не очень далеко от Дуврского пролива. Приближаясь к английскому берегу, они внимательно следили за появлением крейсеров Гарольда, которые, как они, естественно, ожидали, были размещены в различных точках для охраны побережья; но ни одного не было видно. Такие крейсера были, и они все еще были в других гаванях; но случилось так, что, к большому счастью для Уильяма, что те, которые были размещены для охраны этой части острова, были отозваны несколькими днями ранее из-за того, что их провизия была исчерпана. Таким образом, когда прибыл флот Вильгельма, не было врага, который мог бы воспротивиться их высадке. Там была большая и открытая бухта, называемая заливом Певенси, которая улыбалась перед ними, простирая свои объятия, словно приглашая их войти. Флот отошел на надлежащее расстояние от суши, и там моряки бросили якоря, и все начали готовиться к высадке.

Высадка.

Высадка войск.

Анекдот.

В таких случаях, конечно, первыми высаживаются сильные солдаты. В данном случае лучники, любимое подразделение Вильгельма, были выбраны, чтобы возглавить атаку. Вильгельм сопровождал их. В своем стремлении поскорее добраться до берега, когда он выпрыгивал из лодки, его нога поскользнулась, и он упал. Офицеры и рядовые вокруг него сочли бы это дурным предзнаменованием; но у него хватило присутствия духа протянуть руки и схватиться за землю, делая вид, что его земной поклон был рассчитан, и говоря в то же время: "Таким образом, я захватываю эту землю; с этого момента она моя". Когда он встал, один из его офицеров подбежал к соседней хижине, стоявшей неподалеку на берегу, и, отломив немного соломы, отнес ее Уильяму и, вложив ему в руку, сказал, что таким образом он дает ему *право* на его новые владения. В те времена это была обычная форма передачи новому владельцу во владение земель, которые он купил или приобрел каким-либо другим способом. Новый собственник проводил ремонт на земле, где сторона, в чью компетенцию входило передать собственность, отделяла что-нибудь от нее, например, кусок дерна с берега или немного соломы с хижины, и, предлагая это ему, говорила: "Таким образом я передаю тебе *захват*", то есть *владение* "этой землей". Эта церемония была необходима для завершения передачи поместья.

Лагерь.

Солдаты, как только они высадились, немедленно начали разбивать лагерь и делать такие военные приготовления, какие были необходимы для защиты от нападения или внезапного появления врага. Пока это продолжалось, лодки продолжали сновать туда-сюда, выполняя, насколько это было возможно, работу по высадке. В дополнение к тем, кто регулярно служил в

армии, предстояло высадить обширную группу рабочих всех мастей: инженеров, первопроходцев, плотников, каменщиков и разнорабочих; и там были три башни, или, скорее, форты, построенные из дерева, которые были возведены в Нормандии и готовы к установке по прибытии: теперь их предстояло высадить, часть за частью, на берегу. Эти форты должны были быть возведены, как только армия выберет позицию для постоянного лагеря, и предназначались как средство защиты провизии и складов. Это обстоятельство показывает, что план перевозки готовых зданий через моря не был заново изобретен нашими эмигрантами в Калифорнию.

Высланы разведчики.

Ужин Уильяма.

Пока продолжались эти операции, Уильям отправил небольшие конные эскадроны в качестве разведывательных партий, чтобы исследовать местность вокруг, нет ли каких-либо признаков того, что Гарольд находится поблизости. Эти отряды возвращались один за другим, пройдя несколько миль вглубь страны во всех направлениях, и сообщали, что не было видно никаких признаков врага. Теперь в лагере тоже все налаживалось, и Уильям отдал распоряжения, чтобы армия разожгла на ночь походные костры, приготовила ужин и съела его. Был также подан его собственный ужин, или ужина, как его, возможно, можно было бы назвать, который он принял вместе со своими офицерами в своей собственной палатке. Его разум пребывал в состоянии глубокого удовлетворения от успешного завершения высадки и от того, что он таким образом благополучно обосновался во главе огромного войска в пределах королевства Англии.

Пропавшие корабли.

Все обстоятельства перехода были благоприятными, за исключением одного, а именно того, что два корабля, принадлежавшие флоту, пропали без вести. За ужином Уильям поинтересовался, получены ли какие-нибудь известия о них. В ответ они сказали ему, что получили известие о пропавших судах; они, так или иначе, налетели на скалы и потерялись. Был некий астролог, который перед тем, как экспедиция покинула Нормандию, устроил грандиозный парад, предсказав ее результат. Сверяясь со звездами, он пришел к выводу, что Уильям добьется успеха и не встретит сопротивления со стороны Гарольда. Этот астролог находился на борту одного из пропавших кораблей и утонул. Получив эту информацию, Уильям заметил: "Каким идиотом должен быть человек, чтобы думать, что он может предсказать по звездам будущую судьбу других, когда так очевидно, что он не может предвидеть свою собственную!"

Камень Победителя.

Говорят, что ужин Уильяма по этому случаю был накрыт на большом камне вместо стола. Камень до сих пор стоит на том месте и по сей день называется "Камнем завоевателя".

Марш армии.

Бегство жителей.

На следующий день после высадки армия пришла в движение и двинулась вдоль побережья на восток. Там не было вооруженного врага, который мог бы противостоять им или воспрепятствовать их маршу; жители страны, по которой двигалась армия, отнюдь не пытались оказывать им сопротивление, они были полны ужаса и смятения. На самом деле этот ужас усиливался из-за некоторых эксцессов, в которых были повинны некоторые группы солдат.

Жители деревень, охваченные ужасом при внезапном появлении на их берегах такой огромной орды диких и отчаявшихся чужеземцев, разбежались во все стороны. Некоторые бежали в глубь страны; другие, взяв с собой беспомощных членов своих семей и те ценности, которые могли унести, искали убежища в монастырях и церквях, полагая, что такие святилища, как эти, не посмеют нарушить даже солдаты, если только они не язычники. Другие, тем не менее, пытались спрятаться в зарослях и болотах, пока огромная толпа, несущаяся вперед подобно торнадо, не пройдет. Хотя впоследствии Уильям всегда проявлял решительное стремление защищать мирных жителей страны от любой агрессии со стороны своих войск, сейчас у него не было времени заниматься этим вопросом. Он был полон решимости пробиться вперед, к безопасному месту.

Армия разбивает лагерь.

Город Гастингс.

Укрепления Вильгельма.

Приближение Гарольда.

Наконец Вильгельм достиг места, которое показалось ему подходящим для постоянного лагеря. Это была возвышенная местность недалеко от моря. К западу от него находилась долина, образованная своего рода углублением в гряде меловых утесов, образующих здесь побережье Англии. На дне этой долины, у самого берега, находился маленький городок, в то время не имевший большого значения или мощи, но чье название - Гастингс - с тех пор было увековечено битвой, разыгравшейся в его окрестностях через несколько дней после прибытия Уильяма. Место, которое Уильям выбрал для своего лагеря, находилось на возвышенности в окрестностях города. Были обозначены границы лагеря, и форты или замки, привезенные из Нормандии, были разбиты внутри ограждений. Вскоре огромное количество рабочих приступило к работе, возводя насыпи и редуты и бастионы, в то время как другие перевозили оружие, провизию и военное снаряжение и складировали их в безопасности на линии фронта. Вскоре разбивка лагеря была завершена, и на улицах и площадях внутри него были установлены длинные ряды палаток. Однако к тому времени, когда работа была закончена, несколько агентов и шпионов Вильгельма прибыли в лагерь с севера, сообщив, что через четыре дня Гарольд выступит против него во главе ста тысяч человек.

Глава X.

Битва при Гастингсе.

1066 г. н. э.

Тостиг.

Его выгоняют из Англии.

Читатель, несомненно, помнит, что впервые Вильгельм получил известие о восшествии на престол короля Гарольда от Тостига, брата Гарольда, в тот день, когда он испытывал свой лук и стрелы в парке Руана. Тостиг был самым заклятым врагом своего брата. Во время правления Эдуарда он был великим вождем, правившим севером Англии. Город Йорк был тогда его

столицей. Он был изгнан из этих своих владений и поссорился со своим братом Гарольдом из-за своего права быть восстановленным в них. В ходе этой ссоры его вообще изгнали из страны, и он уехал на Континент, пылая гневом и обидой на своего брата; и когда он пришел сообщить Уильяму об узурпации власти Гарольдом, его целью было не просто побудить *Уильяма* к действию — он хотел действовать сам. Он сказал Уильяму, что сам он все еще имеет большее влияние в Англии, чем его брат, и что, если Уильям предоставит ему небольшой флот и умеренное количество людей, он высадится на побережье и покажет, на что он способен.

Экспедиция Тостига.

Вильгельм согласился на его предложение и снабдил его войском, в котором тот нуждался, и Тостиг отплыл. Вильгельм, по-видимому, не очень верил в способность Тостига произвести какой-либо большой эффект, но его усилия, по его мнению, могли вызвать некоторую тревогу в Англии и вызвать внезапные и утомительные марши для войск, и таким образом отвлечь и ослабить силы короля Гарольда. Поэтому Вильгельм не захотел сопровождать Тостига лично, но, отпустив его с такой силой, какую он мог легко вызвать по столь внезапному вызову, сам остался в Нормандии и всерьез занялся собственными грандиозными приготовлениями, как описано в последней главе.

Он плывет в Норвегию.

Союз Тостига с норвежцами.

Тостиг не считал благоразумным пытаться высадиться на английских берегах, пока он не получит некоторого пополнения к войскам, которые дал ему Вильгельм. Соответственно, он прошел через Дуврский пролив, а затем, повернув на север, поплыл вдоль восточных берегов Германского океана в поисках союзников. В конце концов он прибыл в Норвегию. Там он вступил в переговоры с норвежским королем, которого тоже звали Гарольд. Этот северный Гарольд был диким и предприимчивым солдатом и моряком, своего рода морским королем, который значительную часть своей жизни провел в мародерских походах по морям. Он с готовностью разделял взгляды Тостига. Вскоре соглашение было заключено, и Тостиг снова отправился в плавание, чтобы пересечь Германский океан к британским берегам, в то время как Гарольд пообещал как можно скорее собрать и снарядить свой собственный флот и последовать за ним. Все это произошло в начале сентября; так что в то самое время, когда угроза вторжения Вильгельма набирала силу и угрожала южным границам Гарольда, на севере поднималась и разрасталась столь же темная и мрачная туча, столь же угрожающая по своему виду; в то время как сам король Гарольд, хотя и был полон смутного беспокойства, не мог получить никакой определенной информации ни об одной из этих опасностей.

Норвежский флот.

Суеверия.

Сны солдат.

Норвежский флот собрался в порту, назначенном для встречи, но, поскольку сезон был в разгаре, а погода штормовая, тамошние солдаты, как и солдаты Вильгельма на побережье Франции, побоялись выходить в море. Некоторым из них снились сны, которые они считали дурными предзнаменованиями; и таким идеям в те времена придавалось такое суеверное значение, что эти сны были серьезно описаны составителями древних хроник и дошли до нас как часть регулярной и трезвой истории того времени. Одному солдату приснилось, что

экспедиция отплыла и высадилась на английском побережье, и что там им навстречу вышла английская армия. Перед фронтом армии ехала женщина гигантского роста верхом на волке. В пасти у волка было человеческое тело, с которого капала кровь, и он был занят пожиранием по мере приближения. Женщина дала волку еще одну жертву после того, как он проглотил первую.

Другим из этих зловещих снов было следующее: как раз в тот момент, когда флот собирался отплыть, сновидец увидел, как толпа прожорливых стервятников и хищных птиц слетается и садится повсюду на паруса и такелаж кораблей, как будто они собирались сопровождать экспедицию. На вершине скалы у берега сидела фигура женщины с суровым и свирепым выражением лица и обнаженным мечом в руке. Она была занята подсчетом кораблей, указывая на них во время счета своим мечом. Она казалась чем-то вроде демона разрушения и окликала птиц, призывая их улететь. "Ступай! - сказала она, - безстраха; у тебя будет изобилие добычи. Я тоже ухожу".

Объединенные флоты.

Очевидно, что эти сны с такой же легкостью могли быть истолкованы как предвещающие смерть и разрушения их английским врагам, как и самим сновидцам. Солдаты, однако, были склонны — в состоянии духа, вызванном временем года, угрожающим видом неба и определенными опасностями их далекого похода, — применить мрачные предсказания, которые, по их мнению, выражали эти сны, к самим себе. Однако их вождь обладал слишком отчаянным и решительным характером, чтобы обращать какое-либо внимание на такое влияние. Он отправился в плавание. Его армия благополучно пересекла Германское море и присоединилась к Тостигу на побережье Шотландии. Объединенный флот медленно продвигался на юг, вдоль берега, выжидая возможности высадиться.

Норвежцы в

Скарборо.

Атака на Скарборо.

Перекатывающийся огонь.

Наконец они достигли города Скарборо и высадились, чтобы напасть на него. Жители укрылись за стенами, закрыли ворота и оказали захватчикам неповиновение. Город был расположен под холмом, который с одной стороны поднимался крутым склоном. История такова, что норвежцы поднялись на этот холм, где они навалили огромную кучу стволов и ветвей деревьев, заполнив промежутки между ними стерней, сухой корой, корнями и другими подобными горючими материалами, а затем, подожгв всю массу, они скатили ее вниз, в город — огромный огненный шар, ревущий и потрескивающий все больше и больше из-за раздувания пламени на ветру, когда оно несло вперед. Умный читатель, конечно, остановится и заколеблется, размышляя, насколько можно доверять такой истории. Очевидно, невозможно, чтобы какую-либо простую кучу, какой бы плотно она ни была уложена, можно было заставить раскатываться. Но, возможно, не является абсолютно невозможным, что стволы деревьев могли быть соединены вместе или скреплены мокрыми ремнями или железными цепями, предварительно придав им форму грубого цилиндра или шара и наполненного горючими веществами внутри, чтобы сохранить свою целостность при таком спуске.

Сожжение Скарборо.

В отчете говорится, что этот странный метод бомбардировки оказался успешным. Город был подожжен; жители сдались. Тостиг и норвежцы разграбили его, а затем, снова сев на свои корабли, продолжили свое плавание.

Известие об этом наступлении на его северные берега дошло до Гарольда в Лондоне в конце сентября, как раз когда он отводил свои войска от южной границы, как было описано в предыдущей главе, исходя из предположения, что вторжение норманнов, вероятно, будет отложено до весны; так что вместо того, чтобы отправлять свои войска на зимние квартиры, ему пришлось снова сосредоточить их со всей быстротой и выступить во главе их на север, чтобы предотвратить эту новую и неожиданную опасность.

Тостиг идет маршем на Йорк.

Сдача города.

Пока король Гарольд таким образом продвигался им навстречу, Тостиг и его норвежские союзники вошли в реку Хамбер. Их целью было добраться до города Йорка, который был бывшей столицей Тостига и располагался недалеко от реки Уз, притока Хамбера. Соответственно, они поднялись по Хамберу до устья Уз, а оттуда вверх по последней реке до подходящего места высадки недалеко от Йорка. Здесь они высадились и разбили большой лагерь. Из этого лагеря они перешли к осаде города. Сначала жители оказали некоторое сопротивление; но, поняв, что их дело безнадежно, они предложили сдаться, и в конце концов был заключен договор о капитуляции. Эти переговоры были завершены ближе к вечеру того же дня, и Тостиг и его войска конфедерации должны были быть допущены на следующее утро. Поэтому они, чувствуя, что их добыча в безопасности, удалились в свой лагерь на ночь и оставили город отдыхать.

Прибытие короля Гарольда.

Случилось так, что король Гарольд прибыл в ту же ночь, придя на помощь городу. Он ожидал встретить армию осаждающих вокруг стен, но вместо этого не было ничего, что могло бы

помешать его продвижению к самым воротам города. Жители открыли ворота, чтобы встретить его, и весь отряд, шедший под его командованием, вошел внутрь, в то время как Тостиг и его норвежские союзники спокойно спали в своем лагере, совершенно не подозревая о большой перемене, которая, таким образом, произошла в положении их дел.

Передвижения Тостига.

Неожиданность Тостига и его союзников.

Подготовка к битве.

На следующее утро Тостиг вывел большую часть армии и построил их в боевой порядок с целью наступления и овладения городом. Хотя был сентябрь, и погода была холодной и ненастной, случилось так, что в то утро выглянуло яркое солнце, и воздух был спокойным, обещая теплый день; и поскольку движение в город должно было быть мирным — так сказать, процессией, а не маршем противника, — мужчинам было приказано оставить свои кольчуги и все свои тяжелые доспехи в лагере, чтобы они могли идти более необремененными. Пока они продвигались в таком беззаботном и почти беззащитном состоянии, они увидели перед собой, на дороге, ведущей в город, поднявшееся большое облако пыли. Это был сильный отряд войск короля Гарольда, вышедший напасть на них. Сначала Тостиг и норвежцы были совершенно растеряны и сбиты с толку столь неожиданным зрелищем. Очень скоро они увидели тут и там сверкающее оружие и развевающиеся знамена. Раздался крик "Враг! враг!" и прошел по их рядам, вызвав всеобщую тревогу. Тостиг и норвежец Гарольд остановили своих людей и поспешно построили их в боевой порядок. Английский Гарольд сделал то же самое, когда подъехал вплотную к фронту противника; затем обе стороны остановились и стояли, разглядывая друг друга. Вскоре со стороны Англии был замечен приближающийся эскадрон из двадцати всадников, великолепно вооруженных и несущих флаг перемирия. Они приблизились на небольшое расстояние к норвежским позициям, когда находившийся среди них герольд громко позвал Тостига. Тостиг вышел вперед в ответ на зов. Затем герольд объявил Тостигу, что его брат не желает с ним ссориться, а, напротив, желает, чтобы они жили вместе в гармонии. Поэтому он предложил ему мир, если тот сложит оружие, и пообещал вернуть ему его прежние владения и почести.

Переговоры между Тостигом и его братом.

Тостиг, казалось, был очень склонен благосклонно отнестись к этому предложению. Он помолчал в нерешительности. Наконец он спросил посланца, на каких условиях король Гарольд хотел бы встретиться со своим другом и союзником, норвежцем Гарольдом. "Он получит, - ответил посланник, - семь футов английской земли вместо могилы. У него будет немного больше, потому что он выше обычных людей". "Тогда, - ответил Тостиг, - скажи моему брату, чтобы готовился к битве. Никогда не будет сказано, что я бросил и предал своего союзника и друга".

Битва.

Смерть Тостига.

Норвежцы отступают.

Отряд вернулся с ответом Тостига на реплики Гарольда, и битва почти сразу же началась. Конечно, самая ярая и закоренелая враждебность английской армии была бы направлена против норвежцев и их короля, которых они считали иностранными захватчиками, без какого-

либо оправдания или предлога для их агрессии. Соответственно, случилось так, что очень скоро после начала конфликта норвежец Гарольд пал, смертельно раненный стрелой в горло. Затем английский король сделал Тостигу новые предложения прекратить боевые действия и прийти к некоторым условиям компромисса. Но тем временем Тостиг сам пришел в ярость и не желал слушать никаких мирных предложений. Он продолжал бой, пока сам не был убит. У оставшихся бойцов его армии больше не было мотивов для сопротивления. Гарольд предложил им свободный проход к их кораблям, чтобы они могли с миром вернуться домой, если сложат оружие. Они приняли это предложение, поднялись на борт своих кораблей и отплыли. Затем Гарольд, тем временем услышав о высадке Вильгельма на южном побережье, отправился обратно на юг, чтобы встретиться с более грозным врагом, который угрожал ему там.

Гарольд пытается застать Уильяма врасплох.
Его неудача.

Его армия, хотя и одержала победу, была ослаблена утомительным маршем и потерями, понесенными в битве. Сам Гарольд был ранен, хотя и не настолько серьезно, чтобы помешать ему продолжать командовать. Он с огромной энергией продвигался на юг, рассылая послания во все стороны, в окружающую местность, на своем пути следования, призывая вождей вооружаться самим и их сторонников, выступать со всей возможной скоростью и присоединиться к нему. Он надеялся так быстро продвинуться к южному побережью, чтобы застать Вильгельма врасплох до того, как тот полностью укрепитесь в своем лагере, и так, чтобы он не знал о приближении врага. Но Вильгельм, чтобы эффективно обезопасить себя от внезапности, разослал небольшие разведывательные отряды всадников по всем дорогам, ведущим на север, чтобы они могли сообщить ему о первом приближении врага. Передовой отряд Гарольда встретил эти отряды и видел, как они быстро возвращались в лагерь, чтобы поднять тревогу. Таким образом, надежда застать Вильгельма врасплох не оправдалась. Приблизившись, Гарольд также обнаружил от своих шпионов, к своему полному ужасу, что силы Вильгельма вчетверо превосходят его собственные. Конечно, с его стороны было бы безумием думать об атаке врага в его укреплениях такими малочисленными силами. У него оставалась единственная альтернатива - либо отступить, либо занять какую-нибудь сильную позицию и укрепиться там в надежде оказать сопротивление захватчикам и остановить их продвижение, хотя он был недостаточно силен, чтобы напасть на них.

Совет советников Гарольда.

Некоторые из его советников посоветовали ему вообще не рисковать битвой, а отступить к Лондону, унося с собой или уничтожая все, что могло обеспечить пропитание армии Вильгельма со всей территории страны. По их словам, это вскоре привело бы армию Вильгельма к большому бедствию из-за нехватки продовольствия, поскольку для него было бы невозможно переправить припасы через Ла-Манш для такого огромного количества людей. Кроме того, по их словам, этот план вынудил бы Вильгельма, доведенного до крайности, совершать так много грабительских набегов на более отдаленные деревни и поселки, что привело бы жителей в ярость и побудило бы их в большом количестве присоединиться к армии Гарольда для отражения вторжения. Гарольд прислушался к этим советам, но, поразмыслив, сказал, что никогда не сможет принять такой план. Он не мог настолько пренебречь своим долгом, чтобы опустошить страну, которую он был обязан защищать и спасать, или заставить

свой народ прийти к нему на помощь, намеренно подвергая его бесчинствам и жестокости столь свирепого врага.

Он отвергает это.

Лагерь Гарольда.

Страна встревожилась.

Поэтому Гарольд решил дать Вильгельму сражение. Однако ему не было необходимости атаковать захватчика. Он сразу понял, что если он займет сильную позицию и укрепит на ней, Вильгельму обязательно придется атаковать его, поскольку иностранная армия, только что высадившаяся в стране, не могла долго бездействовать на берегу. Соответственно, Гарольд выбрал позицию в шести или семи милях от лагеря Уильяма и там сильно укрепился. Конечно, ни одна из армий не находилась в поле зрения другой и не знала численности, расположения или планов противника. Местность между ними была, по мнению жителей, ареной смятения и террора. Никто не знал, в какой точке встретятся две огромные тучи опасности и разрушения, нависшие над ними, или над какими регионами пронесется в своей разрушительной ярости ужасная буря, которая должна была разразиться, когда настанет час этой встречи. Поэтому жители в смятении разбегались кто куда, унося престарелых и беспомощных любыми средствами, которые попадались под руку; забирая с собой также те сокровища, которые они могли унести, и пряча в грубых и ненадежных укрытиях те, которые они были вынуждены оставить. Таким образом, область, лежащая между двумя лагерями, быстро превращалась в пустыню, по которой не было налажено никакого сообщения и не передавалось никаких известий, которые могли бы дать армиям в лагерях информацию друг о друге.

Братья Гарольда.

Среди офицеров его армии у Гарольда было два брата, Гурт и Леофвин. Их поведение по отношению к королю, по-видимому, носило более братский характер, чем поведение Тостига, который вел себя как мятежник и враг. Гурт и Леофвин, напротив, были верны его делу, и, когда приближался час опасности и великого кризиса, который должен был решить их судьбу, они держались поближе к нему и проявляли поистине братскую заботу о его безопасности. Именно они посоветовали Гарольду отступить к Лондону и не рисковать своей жизнью и судьбой своего королевства из-за неопределенного исхода битвы.

Он предлагает посетить лагерь Вильгельма.

Прибытие Гарольда на позиции Вильгельма.

Он осматривает лагерь.

Как только Гарольд закончил разбивать лагерь, он выразил Гурту желание проехаться верхом по промежуточной стране и осмотреть позиции Вильгельма. Тогда такое предприятие было менее опасным, чем в наши дни; ибо теперь такой разведывательный отряд был бы обнаружен из лагеря противника на большом расстоянии с помощью подзорных труб, и двадцатичетырехфунтовый выстрел или снаряд, посланный с батареи, разнес бы отряд на куски или прогнал бы их прочь. Тогда единственной опасностью было быть преследуемым отрядом всадников из лагеря или попасть в засаду. Чтобы защититься от этих опасностей, Гарольд и Гурт взяли самых сильных и самых резвых лошадей в лагере и вызвали небольшую, но сильную охрану из хорошо отобранных людей для сопровождения. Обеспеченные таким образом и сопровождаемые, они подъехали к вражеским позициям и приблизились настолько, что с

небольшого возвышения, на которое они поднялись, могли обозревать всю территорию лагеря Вильгельма: частоколы и насыпи, которыми он был защищен, простиравшиеся на многие мили; длинные ряды палаток внутри; огромное множество солдат; рыцари и офицеры, разъезжающие взад и вперед, сверкая сталью; и большой павильон самого герцога с развевающимся над ним освященным знаменем с крестом. Гарольд был очень впечатлен величием этого зрелища.

Уныние Гарольда.

Понаблюдав некоторое время за этой сценой в тишине, Гарольд сказал Гурту, что, возможно, в конце концов, политика отступления была бы самой мудрой с их стороны, вместо того чтобы рисковать сражением с такими превосходящими силами, какие они видели перед собой. Он добавил, что не знает, но для них было бы лучше изменить свой план и принять эту политику сейчас. Гурт сказал, что уже слишком поздно. Они заняли свою позицию, и теперь для них свертывание лагеря и отступление будет считаться отступлением, а не маневром, и это обескуражит и обескуражит все королевство.

Его шпионы.

Их отчет.

Осмотрев таким образом, сколько они пожелали, обстановку и протяженность лагеря Вильгельма, отряд Гарольда вернулся на свои позиции, все еще полный решимости выстоять там против захватчиков, но испытывая большие сомнения и уныние относительно результата. Гарольд также прислал в течение дня нескольких шпионов. Люди, которых он нанял для этой цели, были норманнами по происхождению и могли говорить по-французски. В Англии было много норманнов, которые пришли сюда во времена короля Эдуарда. Эти нормандские шпионы могли, конечно, замаскироваться и смешаться, не привлекая внимания, с тысячами рабочих и приверженцев лагеря, которые постоянно сновали по землям, занятым армией Вильгельма. Они сделали это так эффективно, что без труда проникнув в лагерь, осмотрели все и в должное время вернулись к Гарольду со своим отчетом. Они дали устрашающий отчет о численности и состоянии войск Вильгельма. В армии был большой отряд лучников, у которых вошло в моду бриться таким образом, что шпионы принимали их за священников. Соответственно, по возвращении они сообщили Гарольду, что в лагере Вильгельма было больше *священников*, чем солдат во всей его армии.

Послы Вильгельма.

Их предложения.

В этот насыщенный событиями день Вильгельм также отправил отряд всадников через страну, разделявшую два лагеря, хотя его эмиссары были не шпионами, а послами с предложениями о мире. У Вильгельма не было желания вступать в битву, если то, что он считал своим королевством по праву, могло быть передано ему без этого; и он решил предпринять последнюю попытку добиться его мирной сдачи, прежде чем прибегнуть к ужасному средству - призыву к оружию. Соответственно, он отправил свое посольство с *тремя* предложениями английскому королю. Главным гонцом в этом отряде был монах по имени Мегро. Он поехал с надлежащим эскортом и флагом перемирия на позиции Гарольда. Предложения были таковы, и монах сказал, что, приняв любое из них, Гарольд мог бы избежать битвы. 1. Гарольд должен передать королевство Вильгельму, как он торжественно поклялся сделать над священными реликвиями в Нормандии. 2. Что они оба должны согласиться передать весь предмет спора

между ними папе римскому и подчиниться его решению. 3. Что они должны разрешить спор единоборством, чтобы два претендента на корону сразились на дуэли на равнине в присутствии своих соответствующих армий.

Предложения Уильяма неразумны.
Гарольд отклоняет их.

Очевидно, что Гарольд не мог принять ни одно из этих предложений. Первое заключалось в том, чтобы полностью отказаться от рассматриваемого вопроса. Что касается второго, то папа уже предрешил это дело, и если бы оно было передано ему, не могло быть никаких сомнений в том, что он просто подтвердил бы свое прежнее решение. А что касается единоборства, то невыгодное положение Гарольда в таком поединке было бы столь же велико, как и в предлагаемом третейском суде. Сам он был человеком сравнительно стройного телосложения и небольшой физической силы. Уильям, с другой стороны, отличался своими габаритами и необычайной мускульной энергией. В современном бою с применением огнестрельного оружия эти личные преимущества были бы бесполезны, но в те дни, когда оружием были боевые топоры, копья и мечи, они были почти решающими в результате. Поэтому Гарольд отклонил все предложения Уильяма, и монах вернулся.

Дальнейшие предложения Уильяма.
Встречное предложение Гарольда.

Уильям, похоже, не был полностью обескуражен неудачей своей первой попытки переговоров, поскольку он направил свое посольство во второй раз, чтобы внести еще одно предложение. Оно заключалось в том, что если Гарольд согласится признать Вильгельма королем Англии, Вильгельм передаст всю территорию ему и его брату Гурту, чтобы они держались *как провинции* под общей властью Вильгельма. Согласно этому соглашению, Вильгельм сам должен был вернуться в Нормандию, сделав город Руан, который был там его столицей, столицей всего объединенного королевства. На это предложение Гарольд ответил, что ни на каких условиях не может отказаться от своих прав суверена Англии. Поэтому он отклонил и это предложение. Однако теперь он, в свою очередь, сделал предложение. По его словам, он был готов пойти на компромисс в споре, насколько это было возможно, путем *выплаты денег*. Если Вильгельм откажется от своего вторжения и вернется в Нормандию, отказавшись от своих притязаний на английскую корону, он заплатит ему, по его словам, любую сумму денег, которую тот назовет.

Уильям не мог принять это предложение. Он был, как он считал, истинным и законным наследником английского престола, и настаивание на этом требовало соблюдения требований чести, а также честолубия. Тем временем прошел день, пока продолжались эти бесплодные переговоры. Приближалась ночь. Офицеры и советники Уильяма начали беспокоиться из-за задержки. Они говорили, что каждый час в лагерь Гарольда прибывали новые подкрепления, в то время как сами они не получали никакого преимущества, и, следовательно, чем дольше затягивалось сражение, тем меньше было уверенности в победе. Поэтому Вильгельм пообещал им, что нападет на короля Гарольда в его лагере уже на следующее утро.

Предчувствия Гарольда.
Предложения его братьев.
Ночь перед битвой.

По мере приближения времени великой финальной битвы разум Гарольда все больше и больше угнетался чувством тревоги и дурных предчувствий. Его братьям тоже было не по себе. Их беспокойство усилилось при воспоминании о клятве Гарольда и об ужасных санкциях, которые, как они опасались, могли наложить на него священные реликвии. Они не были уверены, что оправдание их брата за то, что он отложил это дело, спасет его от вины и проклятия за лжесвидетельство в глазах Небес. Поэтому накануне битвы они предложили, чтобы сам Гарольд ушел в отставку и предоставил им вести оборону. "Мы не можем отрицать, - сказали они, - что вы действительно давали присягу; и, несмотря на обстоятельства, которые, по-видимому, освобождают вас от этого обязательства, лучше всего избегать, по возможности, открытого нарушения ее. В целом, для вас будет лучше оставить армию и отправиться в Лондон. Вы можете очень эффективно помочь в защите королевства, собрав там подкрепления. Мы останемся и встретимся с настоящей битвой. Небеса не могут быть недовольны нами за это, ибо мы всего лишь выполним долг, возложенный на всех, - защитим их родную землю от иностранного вторжения".

Гарольд ни за что не согласился бы принять этот план. По его словам, он не мог уйти в отставку в час приближающейся опасности и оставить своих братьев и друзей беззащитными, когда они боролись за его корону.

Сцены в лагере Гарольда.

Таковы были обстоятельства двух армий вечером накануне битвы; и, конечно, при таком положении вещей умы людей в лагере Гарольда были склонны к унынию, а в лагере Вильгельма - к уверенности и ликованию. Гарольд решил, как это часто делают люди в его обстоятельствах, облегчить бремя, которое давило на его собственное сердце и угнетало дух его людей, пиршествами и вином. Он приказал подать обильный ужин и снабдил своих солдат обильным количеством выпивки; и говорят, что весь его лагерь в течение целой ночи представлял собой одну широко распространенную сцену кутежей и разгула: войска повсюду собирались группами вокруг своих походных костров, одни наполовину одурманенные, другие ссорившиеся, а третьи все еще распевали национальные песни и танцевали с диким возбуждением, в соответствии с различным воздействием, оказываемым на различные конституции опьяняющим влиянием пива и вина.

Сцены в лагере Уильяма.

В лагере Уильяма происходили совсем другие сцены. В обозе его армии было очень много монахов и духовных лиц, и в ночь перед битвой они проводили время в служении месс, чтении литаний и молитв, пении гимнов и в других подобных богослужениях при содействии солдат, которые собирались большими группами для этого дикого богослужения на открытых пространствах среди палаток и вокруг лагерных костров. Наконец все они удалились отдыхать, испытывая дополнительное чувство безопасности перед завтрашней работой, поскольку, как они полагали, своим благочестием заслужили покровительство Небес.

Религиозные церемонии.
Воинственный епископ.

Утром в лагере Вильгельма тоже первым делом созвали армию на грандиозную мессу. Любопытной иллюстрацией смешения религиозных или, возможно, нам следовало бы скорее сказать, суеверных настроений того времени с духом войны является то, что епископ,

совершавший эту торжественную мессу, был одет в кольчугу под своим папским одеянием, а служитель стоял рядом с ним, пока он возносил молитвы, с копьем со стальным наконечником в руке, готовым к тому, что воинственный прелат примет его, как только служба закончится. Соответственно, когда религиозный долг был исполнен, епископ сбросил стихарь, взял копье и, вскочив на своего белого коня, который также был полностью оседлан и взнуздан рядом с ним, возглавил конный отряд и поскакал на штурм врага.

Боевой конь Уильяма.

Предварительные приготовления.

Сам Вильгельм восседал на великолепном боевом коне из Испании, подарке, который он ранее получил от одного из своих богатых баронов. Коня звали Баярд. На шее Уильяма были подвешены некоторые из самых священных реликвий, над которыми Гарольд принес свою ложную клятву. Он воображал, что в них заключено какое-то очарование, способное защитить его жизнь и сделать суд Небес более решительным в отношении клятвопреступника. Зная, которое благословил папа, нес рядом с ним молодой знаменосец, который очень гордился оказанной честью. Однако солдат постарше, на которого официально перешла забота об этом штандарте, попросил освободить его от его ношения. По его словам, он хотел бы в тот день выполнить свою работу с мечом. Делая эти предварительные приготовления к сражению, Уильям со своим отрядом стоял на пологом возвышении в центре лагеря, на виду у всей армии. Все были поражены великолепной фигурой их командира — его большими и хорошо сложенными конечностями, покрытыми сталью, и его конем, чья фигура была такой же благородной, как у его хозяина, который беспокойно гарцевал, словно с нетерпением ожидал начала битвы.

Битва при Гастингсе.

Поражение Гарольда.

Когда все были готовы, нормандская армия весело двинулась в атаку на английские позиции; но веселье и беззаботность происходящего вскоре исчезли, поскольку корпус за корпусом были по-настоящему заняты ужасной работой этого дня. В течение десяти долгих часов над всем полем царила одна обширная сцена опустошения и смерти — каждая душа из всех этих бесчисленных тысяч была отдана во власть самых ужасных страстей, возбужденных до совершенного безумия ненависти, ярости и мести, и все они либо безжалостно убивали других, либо умирали сами в муках и отчаянии. Когда наступила ночь, норманны повсюду одерживали победы. Они полностью владели полем боя и с триумфом разъезжали взад и вперед по лагерю Гарольда, перепрыгивая на своих лошадях через тела мертвых и умирающих, устилавшие землю. Те из сторонников короля Гарольда, кто избежал резни в тот день, в безнадежном замешательстве бежали на север, где бегущие массы на многие мили устилали дороги телами людей, которые падали по пути, измученные ранами или усталостью.

Он убит.

Утром Вильгельм выстроил своих людей на поле боя и назвал имена офицеров и рядовых, поскольку они были зарегистрированы в Нормандии, с целью установить, кто был убит. Пока продолжалась эта печальная церемония, вошли два монаха, присланные из остатков английской армии, и сказали, что король Гарольд пропал без вести и, по слухам, он был убит. Если так, то, по их словам, его тело должно быть где-то на поле, и они хотели получить

разрешение на его поиски. Разрешение было получено. С помощью нескольких солдат они начали исследовать землю, переворачивая и осматривая каждую безжизненную фигуру, которая, судя по одежде или доспехам, могла принадлежать королю. Их поиски долгое время были тщетными; ужасные лица мертвых были настолько изуродованы и изменены, что никого нельзя было опознать. В конце концов, однако, женщина, которая была в семье Гарольда и знала его личность более близко, чем они, нашла и опознала тело, и монахи и солдаты унесли его.

Окончательное покорение острова.
Коронация Вильгельма в Вестминстере.
Могущество Уильяма.
Его величие.

Битва при Гастингсе положила конец разногласиям в отношении английской короны. Это правда, что сторонники Гарольда, а также сторонники Эдгара Ательинга впоследствии предпринимали различные попытки объединить свои силы и вернуть королевство, но тщетно. Уильям продвинулся к Лондону, укрепился там и совершал экскурсии из этого города как центра, пока не подчинил остров своему влиянию. Наконец, он был коронован в Вестминстерском аббатстве с большой помпой и парадом. Он послал за Матильдой, чтобы та присоединилась к нему, и провозгласил ее в своем дворце королевой Англии. Он конфисковал имущество всех английских дворян, которые сражались против него, и разделил его между нормандскими вождями, которые помогали ему во вторжении. Он сам совершал различные поездки в Нормандию и обратно, и повсюду в его владениях, по обе стороны Ла-Манша, его принимали с самыми выдающимися почестями. Одним словом, за несколько лет после того, как он приземлился, он стал одним из величайших и могущественнейших властителей на земном шаре. Насколько далеки были все его богатство и величие от того, чтобы сделать его счастливым, станет ясно из следующей главы.

Глава XI.

Восстание принца Роберта.

1076-1077 гг. н. э.

Честолюбивые мужчины, которые все ранние годы жизни посвящают свое время и внимание своему личному и политическому возвышению, имеют мало времени для того, чтобы заниматься управлением государством и образованием своих детей, и их более поздние годы часто омрачены распутством и пороком или необоснованными требованиями своих сыновей. По крайней мере, так было в случае с Уильямом. К тому времени, когда его общественные враги были побеждены и он почувствовал себя бесспорным хозяином своего королевства и герцогства, его мир и счастье были разрушены, а спокойствие во всем его королевстве было нарушено ужасной семейной ссорой.

Старший сын Уильяма.

Его характер.

Его старшего сына звали Роберт. Ему было четырнадцать лет, когда его отец начал вторжение в Англию. В то время он был в некотором роде избалованным ребенком, поскольку был любимцем своей матери, и поэтому она всегда ему очень потакала. Следует помнить, что когда Вильгельм уехал, он назначил Матильдурегентшей, которая управляла Нормандией во время его отсутствия. Этот мальчик также получил имя при регентстве, так что номинально он был связан со своей матерью, и он считал себя, несомненно, более важной персоной из них двоих. Одним словом, в то время как Вильгельм был занят в Англии, добиваясь там своих завоеваний, Роберт рос в Нормандии тщеславным, самодовольным и неуправляемым молодым человеком.

Конфликты Уильяма со своим сыном Робертом.

Уильям Руфус.

Его отец, разъезжая туда-сюда между Англией и Нормандией, часто вступал в конфликт со своим сыном, как обычно в таких случаях. В этих состязаниях Матильда принимала сторону сына. Второй сын Уильяма, которого звали Уильям Руфус, ревновал к своему старшему брату, и его часто провоцировал властный дух, который проявлял Роберт. Таким образом, Уильям Руфус, естественно, придерживался роли отца в семейной вражде. Уильям Руфус был таким же грубым и беспокойным духом, как Роберт, но ему не так потакали. Следовательно, он обладал большим самообладанием; он очень хорошо знал, как подавлять свои склонности и скрывать неблагоприятные стороны своего характера в присутствии отца.

Сын Уильяма Генри.

Роберт по прозвищу Короткие сапоги.

Был еще третий брат, по имени Генри. У него был более тихий и безобидный характер, и он избегал принимать активное участие в ссоре, за исключением тех случаев, когда Уильям Руфус подначивал его. Он был другом и компаньоном Уильяма Руфуса, и поэтому Роберт считал его своим врагом. Фактически все, кроме Матильды, были против Роберта, который смотрел свысока, в надменной и властной манере — как старший сын и наследник очень склонен поступать в богатых и влиятельных семьях — на сравнительную незначительность своих младших братьев. Король, вместо того чтобы обуздать этот властный дух в своем сыне, что он, возможно, мог бы сделать внимательным, добрым и в то же время решительным применением власти, дразнил и мучил его сарказмами и мелкими досадами. Среди других примеров этого, он дал ему прозвище *Короткие сапоги*, потому что тот был невысокого роста. Однако, поскольку Роберт был уже совершеннолетним, его задело за живое то, что отец навесил на него такое клеймо, и в его груди горели тайные чувства негодования и мести.

помолвка Роберта.

Мотивы Уильяма.

Кроме того, у него были и другие причины жаловаться на своего отца, еще более серьезные. Когда он был совсем маленьким, его отец, согласно обычаю того времени, обручил его с дочерью и наследницей соседнего графа, таким же ребенком, как и он сам. Ее звали Маргарет. Графство, которое должна была унаследовать эта маленькая Маргарет, называлось Мэн. Оно находилось на границе Нормандии и было богатым и ценным владением. Частью брачного контракта было условие о том, что владения молодой невесты должны были быть переданы отцу

жениха и находиться в его распоряжении до тех пор, пока жених не достигнет совершеннолетия и брак не будет полностью заключен. На самом деле, получение во владение этого богатого наследства с перспективой удерживать его так много лет, было, весьма вероятно, главной целью, которую Уильям имел в виду, заключая столь преждевременный брачный союз.

Смерть Маргарет.

Если таков был на самом деле план Уильяма, то в конце концов он закончился даже более благоприятно, чем он ожидал, поскольку маленькая наследница умерла вскоре после того, как ее наследство перешло во владение ее свекра. Некому было требовать его восстановления, и поэтому Уильям продолжал владеть им, пока его сын, жених, не достиг совершеннолетия. Затем Роберт потребовал его, утверждая, что оно по праву принадлежит ему. Уильям отказался отдать его. Он утверждал, что то, что произошло между его сыном в младенчестве и маленькой Маргарет, не было браком, а всего лишь обручением - контрактом о будущем браке, который должен был состояться, когда стороны достигнут совершеннолетия, — что, поскольку смерть Маргарет помешала заключению союза, Роберт никогда не был ее мужем и, следовательно, не мог приобрести права мужа. Следовательно, земли, по его словам, явно должны оставаться в руках ее опекуна, и какими бы правами ни обладали другие лица, претендующие на то, чтобы стать преемниками Маргарет в качестве ее естественных наследников, было ясно, что его сын не может иметь никакого титула.

Новые проблемы.

Каким бы удовлетворительным ни было это рассуждение для Уильяма, Роберта оно только разозлило. Он рассматривал этот случай как пример крайней несправедливости и угнетения со стороны его отца, который, не довольствуясь, по его словам, своими собственными огромными владениями, должен увеличить их, ограбив собственного сына. В этом мнении мать Роберта, Матильда, была с ним согласна. Что касается Уильяма Руфуса и Генри, они не обратили особого внимания на спор, но были довольны его результатом и очень наслаждались досадой своего брата из-за того, что он не смог вступить во владение своим графством.

Политическая власть Роберта.

Его амбиции.

Был еще один очень серьезный предмет спора между Робертом и его отцом. Уже говорилось, что когда герцог отправился в свою экспедицию по вторжению в Англию, он оставил Матильду и Роберта вместе управлять герцогством. В начале периода своего отсутствия Роберт был очень молод, и фактическая власть находилась в основном в руках его матери. Однако, став старше, он начал проявлять все большее влияние и контроль. На самом деле, поскольку он сам был честолюбивым, а его мать снисходительной, власть очень быстро перешла в его руки. Прошло восемь лет с тех пор, как Вильгельм покинул Нормандию, прежде чем его власть в Англии настолько укрепилась, что он смог снова взять дела своего первоначального королевства в свои руки. В то время он оставил Роберта всего лишь четырнадцатилетним мальчиком, который, несмотря на грубый и беспокойный характер, все еще был политически бессилён. Вернувшись, он застал его двадцатидвухлетним мужчиной, более грубым и буйным, чем прежде, и в полном распоряжении политической власти. Он обнаружил, что и с этой властью ему очень не хочется расставаться.

Роберт претендует на Нормандию.
Вильгельм отказывается от нее.

На самом деле, когда Вильгельм снова пришел получить обратно провинцию Нормандия, Роберт почти отказался ее сдавать. Он сказал, что его отец всегда обещал ему герцогство Нормандия в качестве своих владений, как только он достигнет совершеннолетия, и теперь он требует выполнения этого обещания. Кроме того, он сказал, что теперь, когда его отец стал королем Англии, его бывшие владения не имеют для него никакого значения. Это не слишком увеличивало его влияние или власть, и поэтому он мог бы, сам не понеся никаких ощутимых потерь, передать это своему сыну. Уильям, со своей стороны, не признал силу ни одного из этих аргументов. Он не хотел признавать, что когда-либо обещал Нормандию своему сыну; а что касается добровольного отказа от какой-либо части своих владений, то он не верил в политику человека, передающего свою власть или имущество своим детям до тех пор, пока они не получают законное право унаследовать это после его смерти; во всяком случае, он не должен был этого делать. У него и в мыслях не было, как он выразился, "раздеваться перед тем, как лечь спать".

Раздражение и неприязнь, вызванные этими разногласиями, с каждым днем становились все глубже и застарелее, хотя до сих пор разногласия были частными и бытовыми, по своему влиянию ограничиваясь ближайшим окружением короля. Однако теперь произошел случай, когда частная семейная вражда переросла в открытую публичную ссору. Обстоятельства были таковы:

Замок в Эгле.
Ссора между Робертом и Уильямом Руфусом.

У короля Вильгельма был замок в Нормандии, в местечке под названием Эгль. В 1076 году он провел там некоторое время со своим двором и семьей. Однажды Уильям Руфус и Генри были водной из верхних комнат замка, играли в кости и всячески развлекались в компании других придворных молодых людей. В апартаментах было окно, выходившее на балкон, с которого открывался вид на внутренний двор замка внизу. Роберт находился в этом дворе с несколькими *своими* товарищами, прогуливаясь там в раздраженном состоянии духа, вызванном некоторыми предыдущими спорами с его братьями. Уильям Руфус посмотрел вниз с балкона, увидел его и, возможно, для того, чтобы утолить свой гнев, вылил на него немного воды. Этот поступок превратил подавляемое и молчаливое раздражение в сердце Роберта в совершенную вспышку ярости и мести. Он выхватил меч и бросился к лестнице. Уходя, он произносил громкие и ужасные проклятия, заявляя, что убьет автора такого оскорбления, даже если тот *был* его братом. Двор, конечно, немедленно наполнился криками тревоги, и все устремились к комнате, из которой была вылита вода, кто-то, чтобы засвидетельствовать, а кто-то, чтобы предотвратить драку.

Сражающиеся разошлись.

Сам король, случайно оказавшийся в то время в этой части замка, был одним из них. Он добрался до квартиры как раз вовремя, чтобы встать между своими сыновьями и предотвратить совершение ужасного преступления братоубийства. Как бы то ни было, ему было чрезвычайно трудно разнять свирепых воюющих сторон. Потребовался весь его отцовский авторитет и

немалая реальная сила, чтобы остановить драку. Однако в конце концов ему удалось с помощью прохожих разнять своих сыновей, и Роберта, запыхавшегося и бледного от бессильной ярости, увели.

Гнев Роберта.

Восстание Роберта.

Роберт считал, что его отец принял сторону против него в этой ссоре, и заявил, что больше не может и не желает терпеть такого обращения. Он нашел некоторое сочувствие в разговоре своей матери, к которой немедленно обратился с горькими жалобами. Она пыталась успокоить его израненный дух, но он не поддавался на уговоры. Вторую половину дня и вечер он провел, организуя отряд диких и отчаявшихся молодых людей из числа придворной знати с целью поднять восстание против своего отца и получить во владение Нормандию силой. Они держали свои планы в строжайшем секрете, но готовились покинуть Эгль той же ночью, чтобы отправиться и захватить Руан, столицу, которую они надеялись застать врасплох и вынудить сдаться. Соответственно, посреди ночи отчаявшийся отряд сел на коней и ускакал. Утром король обнаружил, что они ушли, и послал за ними вооруженный отряд. Их план застать Руан врасплох провалился. Отряд короля настиг их и после ожесточенного боя сумел захватить нескольких мятежников, хотя сам Роберт в сопровождении нескольких наиболее отчаянных своих сторонников бежал через границу в соседнюю провинцию, где нашел убежище в замке одного из врагов своего отца.

Тревога и огорчение Матильды.

Меры Матильды.

Этот результат, как и следовало ожидать, наполнил душу Матильды тревогой и огорчением. Гражданская война между ее мужем и сыном теперь была неизбежна; и хотя все соображения благоразумия и долга требовали от нее поддержать дело отца, ее материнская любовь, принцип, в большинстве случаев намного более сильный, чем благоразумие и долг вместе взятые, непреодолимо влекла ее к сыну. Роберт собрал вокруг себя всех недовольных и отчаявшихся духов королевства и долгое время продолжал доставлять своему отцу бесконечные неприятности. Матильда, хотя и воздерживалась открыто отстаивать его дело в присутствии короля, поддерживала с ним тайную связь. Время от времени она посылала ему информацию и советы, а иногда и припасы, и, таким образом, технически была виновна в тяжком преступлении — в ведении предательской переписки с мятежником. Однако с моральной точки зрения ее поведение, возможно, было совершенно правильным; во всяком случае, его влияние было очень благотворным, поскольку она делала все, что было в ее силах, чтобы обуздать и отца, и сына; и благодаря влиянию, которое она таким образом оказывала, она, несомненно, в значительной степени смягчила ожесточенность борьбы.

Преимущества Уильяма.

Роберт складывает оружие.

Конечно, преимущество в такой гражданской войне, как эта, было бы полностью на стороне государя. Уильям держал в своих руках всю власть и ресурсы королевства — армию, города, замки, сокровища. У Роберта был отряд диких, отчаявшихся и неуправляемых преступников, без власти, без денег, без чувства справедливости на их стороне. Постепенно он убедился, что борьба была напрасной. По мере того как активность военных действий уменьшалась, Матильда

становилась все более и более открытой в своих попытках сдержать их и ослабить враждебность с обеих сторон. В конце концов ей удалось убедить Роберта сложить оружие, а затем добиться встречи сторон в надежде на мирное урегулирование ссоры.

Интервью с его отцом.

Однако очень скоро, во время этого интервью, выяснилось, что надежды на что-либо похожее на настоящее и сердечное примирение нет. Хотя и отец, и сын устали от противоестественной войны, которую они вели друг против друга, все же честолюбивые и эгоистичные желания обеих сторон, из-за которых возникло это соперничество, остались неизменными. Роберт начал конференцию с того, что властно потребовал от своего отца выполнения его обещания передать ему правительство Нормандии. Его отец в ответ упрекнул его в противоестественном и порочном бунте и предупредил об опасности, которой он подвергается, подражая примеру Авессалома, разделяя судьбу этого несчастного бунтаря. Роберт возразил, что он приехал на встречу с отцом не для того, чтобы послушать проповедь. По его словам, с него было достаточно проповедей, когда он был мальчиком и изучал грамматику. Он хотел, чтобы его отец воздавал ему должное, а не читал проповеди. Король сказал, что пока он жив, он никогда ни с кем не должен делить свои владения; и добавил, несмотря на то, что Роберт презрительно отозвался о проповедях, что в Священном Писании говорится, что дом, разделенный сам в себе, не устоит. Затем он самым суровым образом принялся упрекать принца за его нелояльность как подданного, а также за его неподчинение и неблагодарность как сына. По его словам, это невыносимо, что сын становится соперником и злейшим врагом своего отца, когда именно ему он обязан не только всем, чем наслаждается, но и самим своим существованием.

Взаимные обвинения.

Эти упреки, вероятно, были высказаны в властной и гневной манере и с тем духом обличения, который только раздражает обвиняемого и вызывает его негодование, вместо того чтобы пробудить чувства раскаяния. Во всяком случае, мысль о своей сыновней неблагодарности, как это представлял его отец, не вызвала у Роберта никакого умиления. Он резко прервал беседу и в ярости покинул отца.

Интервью безрезультатно.

Роберт отправляется во Фландрию.

Несмотря на все старания и мольбы матери, он решил снова уехать из страны. Он сказал, что предпочел бы быть изгнанником и бездомно скитаться по чужим землям, чем оставаться при дворе своего отца и терпеть столь несправедливое и позорное обращение со стороны человека, который был связан самыми строгими обязательствами быть его лучшим и вернейшим другом. Матильда не смогла убедить его изменить это решение; и, соответственно, взяв с собой нескольких самых отчаянных и распутных своих товарищей, он отправился на север, пересек границу и искал убежища во Фландрии. Следует помнить, что Фландрия была родиной Матильды. Ее брат в то время был графом Фландрии. Граф принял юного Роберта очень радушно, как ради его сестры, так и, вероятно, в какой-то степени, как средство мелкой вражды против короля Вильгельма, своего могущественного соседа, славе и везению которого он завидовал.

Его предательская переписка.

У Роберта не было средств, необходимых для возобновления открытой войны со своим отцом, но его расположение к этому было таким же сильным, как всегда, и он немедленно начал устанавливать секретные связи со всеми дворянами и баронами Нормандии, которые, по его мнению, были склонны поддержать его дело. Ему удалось побудить их делать тайные взносы для удовлетворения его материальных потребностей, разумеется, пообещав отплатить им обильными грантами и вознаграждениями, как только он получит свои права. Подобные связи он поддерживал и с Матильдой, хотя она держала их в строжайшем секрете от своего мужа.

Поступок Филиппа.

Он становится на сторону Роберта.

Распутство Роберта.

У Роберта были и другие друзья, помимо тех, кого он тайком нашел в Нормандии. Сам король Франции был очень доволен прекращением этой ужасной вражды в семье своего соседа, который из его зависимого и вассала превратился после завоевания Англии в его главного конкурента в глазах человечества. Филипп был склонен радоваться любым событиям, которые могли запятнать славу Вильгельма или угрожали разделением и ослаблением его власти. Поэтому он приказал своим агентам как в Нормандии, так и во Фландрии поощрять раздор всеми доступными им средствами. Он очень старался не связывать себя какими-либо открытыми и позитивными обещаниями помощи, и все же он ухитрялся тысячью косвенных способов побудить Роберта ожидать ее. Таким образом, зло ширилось и разрасталось, в то время как все же ничего эффективного для организации восстания сделано не было. На самом деле у Роберта не было ни средств, ни умственных способностей, необходимых для разработки и осуществления какого-либо реального плана восстания. Тем временем проходили месяцы, и поскольку ничего эффективного сделано не было, сторонники Роберта в Нормандии постепенно впадали в уныние. Они прекратили свои пожертвования и постепенно забыли своего отсутствующего и некомпетентного лидера. Роберт проводил свое время в распутстве и пороке, растрачивая на пирах и в обществе покинутых мужчин и женщин средства, которые присылали ему его последователи, чтобы он мог подготовиться к войне; и когда, наконец, эти запасы иссякли, он постепенно оказался бы в большом бедствии и нужде, если бы один верный и преданный друг все еще был рядом с ним. Этим другом была его мать.

Матильда присылает ему припасы.

Секретные припасы Матильды.

Она обнаружена.

Матильда очень хорошо знала, что все, что она делает для своего отсутствующего сына, должно делаться самым тайным образом, и это требовало большой хитрости с ее стороны. Однако отсутствие мужа помогло ей в ее усилиях по сокрытию. Сейчас он какое-то время находился в Англии, будучи вызван туда неотложными требованиями общественного долга. Он оставил во главе Нормандии великого государственного министра, от бдительности которого, как думала Матильда, будет сравнительно легко ускользнуть. Сначала она отправила Роберту во Фландрию свои собственные средства. Затем она использовала для этой цели часть тех государственных средств, которые попали ей в руки. Однако чем больше она посылала, тем более частыми и властными становились требования Роберта о свежих припасах. Ресурсы матери, большие или малые, всегда быстро истощаются из-за ненасытных потребностей распутного и

расточительного сына. Когда у Матильды закончились деньги, она продала свои драгоценности, затем более дорогую одежду и, наконец, такие ценные предметы, принадлежавшие ей или ее мужу, которыми можно было наиболее легко и конфиденциально распорядиться. Министр, который был очень верен и бдителен при исполнении своих обязанностей, заметил признаки того, что происходит что-то таинственное. У него возникли подозрения. Он наблюдал за передвижениями Матильды и вскоре узнал правду. Он отправил информацию Уильяму. Уильям не мог поверить, что предположения его министра могут быть правдой, поскольку Уильям был просто государственным деятелем и солдатом и имел весьма неадекватные представления о всепоглощающей и неконтролируемой силе, которая осуществляется принципом материнской любви.

Посыльный Матильды схвачен.

Однако он решил немедленно принять самые эффективные меры для установления истины. Он вернулся в Нормандию, и там ему удалось перехватить одного из гонцов Матильды, направлявшегося во Фландрию со связями и деньгами для Роберта. Звали этого гонца Сэмпсон. Вильгельм конфисковал деньги и письма и отправил гонца в один из своих замков, где его заточили в темницу. Затем, с полученными таким образом доказательствами вины, он, полный изумления и гнева, отправился на поиски Матильды и упрекнул ее, как, по его мнению, она того заслуживала, за ее низкое и неблагодарное предательство мужа.

Упреки Уильяма.

Упреки, которые он адресовал ей, были горькими и суровыми, хотя, по-видимому, они были произнесены тоном скорее печали, чем гнева. "Я уверен, - сказал он, - что всегда был для тебя верным и преданным мужем. Я не знаю, чего еще ты могла желать, кроме того, что я сделал. Я любил вас искренней и неподдельной привязанностью. Я оказывал вам честь. Я ставил вас на самые высокие посты, неоднократно доверяя вам значительную долю моей собственной суверенной власти. Я доверился вам, доверив вам свои самые важные интересы. И теперь это возвращение. Вы пользуетесь тем самым положением, властью и средствами, которые ваш доверчивый муж предоставил в ваши руки, чтобы предать его самым жестоким образом и помогать и поощрять его злейшего и опаснейшего врага.

Ответ Матильды.

На эти упреки Матильда не пыталась ничего ответить, кроме как сослаться на непреодолимую порывистость и силу своей материнской любви. "Я не могла вынести, - сказала она, - оставить Роберта в беде, в то время как у меня были любые возможные способы облегчить его участь. Он мой ребенок. Я думаю о нем все время. Я люблю его больше своей жизни. Я торжественно заявляю вам, что если бы он сейчас был мертв, и я мог бы вернуть его к жизни, умерев за него, я бы с радостью это сделал. Как же тогда, по-вашему, я мог жить здесь в изобилии и роскоши, в то время как он бродил бездомный, в нужде, и не попытаться помочь ему? Правильно или нет с моей стороны так чувствовать, я не знаю; но одно я знаю точно: я должен так чувствовать: я ничего не могу с этим поделать. Он наш первенец, я не могу бросить его".

Гнев Уильяма.

Побег Сэмпсона.

Уильям ушел от присутствия Матильды, полный негодования и гнева. Конечно, он ничего не мог сделать по отношению к ней, кроме как упрекнуть ее, но он решил, что несчастный Сэмпсон должен жестоко пострадать за это преступление. Он послал приказ в замок, где лежал замурованный, требуя, чтобы ему выкололи глаза. Матильда, однако, вовремя обнаружила опасность, угрожавшую ее посланнику, и послала ему предупреждение. Он ухитрился совершить побег и укрылся в некоем монастыре, находившемся под особым покровительством Матильды. Монастырь в те дни был святилищем, в которое рука даже самой деспотической власти едва осмеливалась вторгнуться в погоне за своей жертвой. Чтобы вдвойне обезопасить себя, аббат предложил дрожащему беглецу присоединиться к их ордену и стать монахом. Сэмпсон был готов на все, чтобы спасти свою жизнь. Операция по выкалыванию глаз, как правило, приводила к летальному исходу, так что он считал, что на карту поставлена его жизнь. Соответственно, он был выбрит и подстрижен и одет в монашеское одеяние. Он принял обеты ордена и вместе со своими братьями-монахами приступил к постам, епитимьям и молитвам, которые относились к его новому призванию; и Уильям оставил его преследовать его в покое.

Ситуация становится все хуже.

Подготовка к войне.

Горе Матильды.

После этого открытия участия матери в советах сына дела пошли не лучше, а хуже. Либо благодаря помощи, которую оказала его мать, либо другими средствами, казалось, что в Нормандии и за ее пределами была сильная партия, склонная поддержать дело Роберта. Его друзья, наконец, собрали очень значительную армию и, поставив его во главе ее, двинулись на Руан. Король, сильно встревоженный этой опасностью, собрал все силы, которыми мог командовать, и отправился навстречу своему мятежному сыну. Уильям Руфус сопровождал своего отца, намереваясь сражаться на его стороне; в то время как Матильда, охваченная агонией ужаса и отчаяния, оставалась, наполовину отвлеченная, в стенах своего замка — как и следовало ожидать от жены и матери в преддверии кровопролитного конфликта между ее мужем и сыном. Мысль о том, что один из них, возможно, действительно будет убит другим, наполнила ее тревогой.

Уильям ранен своим сыном.

И, на самом деле, этот ужасный результат был очень близок к осуществлению. Роберту в замке Эгль едва удалось помешать уничтожить своего брата, и вот теперь, на равнине Арчембрей, где разыгралась эта битва, его отец *пали* был очень близок к гибели от его руки. В разгар боя, когда всадники яростно атаковали друг друга в разных частях поля, все настолько замаскированные своими доспехами, что никто не мог узнать человека, с которым он сражался, Роберт столкнулся с крупным и сильным рыцарем и вонзил свое копье сквозь доспехи ему в руку. Из-за шока от столкновения и слабости, вызванной болью от раны, всадник упал на землю, и Роберт понял по голосу, которым его поверженный враг закричал от боли и ужаса, что это был его отец, которого он таким образом пронзил своей сталью. В тот же миг раненый отец, взглянув на своего победоносного противника, узнал своего сына. Он проклял своего противоестественного врага горьким и ужасным проклятием. Роберт был потрясен и напуган тем, что натворил. Он спрыгнул с лошади, опустился на колени рядом с отцом и позвал на помощь. Король, отвлеченный болью от своей раны и жгучим негодованием, которое бушевало

в его груди из-за неестественной враждебности, причинившей ее, отвернулся от своего сына и отказался принимать от него какую-либо помощь.

Битва идет против него.

Тоска Матильды.

Помимо несчастья быть выбитым из седла и раненым, само сражение в тот день обернулось против короля. Армия Роберта оставалась хозяевами поля боя. Уильям Руфус тоже был ранен, как и его отец. В результате Матильда была подавлена горем и душевной болью. Она не могла вынести мысли о том, чтобы позволить продолжаться такой неестественной и ужасной борьбе. Она умоляла своего мужа с самой искренней настойчивостью и со многими слезами найти какой-нибудь способ уладить этот спор. Ее ночи были бессонными, дни она проводила в слезах, и вскоре выяснилось, что ее здоровье и силы очень быстро иссякают. Она была истощена, измождена и бледна, и было ясно, что такое горе, если оно будет продолжаться долго, вскоре сведет ее в могилу.

Примирение.

Ходатайства Матильды, наконец, возобладали. Король послал за своим сыном, и после различных переговоров был достигнут своего рода компромисс. Армии были распущены, мир восстановлен, и Роберт и его отец, казалось, снова стали друзьями. Вскоре после этого Вильгельм, которому предстояла кампания на севере Англии, взял Роберта с собой в качестве одного из генералов своей армии.

Глава XII.

Заключение.

1078-1087 гг. н. э.

Правление Вильгельма в Англии.

Его трудности.

Чувства английского народа.

Восстания.

Со времени битвы при Гастингсе, которая произошла в 1066 году, до смерти Вильгельма, которая произошла в 1087 году, прошел период продолжительностью около двадцати лет, в течение которого великий монарх правил своими обширными владениями с очень деспотической властью, хотя и не без значительной доли обычных опасностей, трудностей и борьбы, сопутствующих такому правлению. Он привел огромное количество норманнов из Нормандии в Англию и передал всю военную и гражданскую власть империи в их руки; и он почти полностью полагался на превосходство своей физической силы в удержании страны в подчинении своему влиянию. Это правда, он утверждал, что является законным наследником английской короны и что, следовательно, владение, которым он владел, было правом наследования, а не правом завоевания; и он заявлял, что верит, что народ Англии в целом

признал его притязания. На самом деле это было в значительной степени правдой. По крайней мере, вероятно, большая часть населения считала, что право Вильгельма на корону выше права Гарольда, которого он сверг. И все же, поскольку Уильям был иностранцем по рождению, образованию и языку, и поскольку все друзья и последователи, которые сопровождали его, и, фактически, почти вся армия, на которую он в основном полагался в сохранении своей власти, тоже были иностранцами — одетыми в странную одежду и говорившими на неизвестном языке, — огромная масса английского народа не могла не чувствовать, что они находятся в своего рода иностранном порабощении. Поэтому между ними и их нормандскими хозяевами постоянно вспыхивали ссоры, приводившие к ожесточенной и кровопролитной борьбе с их стороны за освобождение. Эти восстания всегда успешно подавлялись; но, будучи подавлены в одном квартале, они вскоре вспыхивали в другом, и Уильям и его войска почти всегда были заняты ими.

Но Уильям был не простым воином. Он прекрасно понимал, что постоянство и стабильность его собственной власти и власти его преемника в Англии будут в конечном итоге зависеть от того, на какой основе должны покоиться гражданские институты страны, а также от надлежащей консолидации и упорядочения административных и судебных функций королевства. Поэтому в перерывах между своими кампаниями Вильгельм уделял этому вопросу много времени и внимания и проявлял в своей манере обращаться с ним глубочайшую государственную мудрость и прозорливость.

Объединение англичан и норманнов.

Подвиги Вильгельма.

Необходимость привлечения большого нормандского войска.

Обеспечение их.

Британское королевство нормализовалось.

Ему, по сути, предстояло выполнить титаническую задачу — двойную задачу, а именно объединить две *нации*, а также сплавить два *языка* в один. Обстоятельства, в которые он попал, абсолютно вынудили его взяться за оба этих масштабных начинания. Если бы в то время, когда в своем парке в Руане он впервые услышал о восшествии Гарольда на престол, он предположил, что в Англии есть партия в его пользу, достаточно сильная, чтобы позволить ему отправиться туда одному или с небольшим нормандским присутствием, так что он мог бы полагаться главным образом на самих англичан в своем восшествии на престол, все огромные трудности, с которыми ему впоследствии пришлось столкнуться, были бы устранены. Но такой партии не существовало — по крайней мере, не было никаких доказательств того, что кто-то обладал достаточной силой, чтобы оправдать его доверие к ней. Таким образом, ему казалось, что если он вообще попытается завладеть английским трон, то должен полностью полагаться на силы, которые он мог бы взять с собой из Нормандии. Чтобы эта уверенность была эффективной, применяемая таким образом сила должна быть подавляющей. Затем, если норманны в большом количестве отправятся в Англию с целью возвести его на английский трон, они должны быть вознаграждены, а столь огромное количество претендентов на почетные награды и богатство могло быть удовлетворено только в Англии и путем тамошних конфискаций. Его владений в Нормандии, очевидно, было бы недостаточно для такой цели. Более того, было очевидно, что если бы большое количество нормандских авантюристов было поставлено на надежные и почетные должности и наделено гражданскими должностями и административными функциями по всей Англии, они сами по себе образовали бы своего рода

класс, на который коренные жители смотрели бы с завистью, и что не было никакой надежды безопасно сохранить их положение, кроме как сделав этот класс как можно более многочисленным и сильным. Одним словом, Вильгельм очень ясно понимал, что, хотя было бы очень хорошо, если бы это было возможно, чтобы он не привел *никаких* норманнов в Англию, было очевидно, что лучше всего, поскольку так много должно было уехать, изыскивать все средства для увеличения их числа. Это был один из тех случаев, когда, будучи вынужденным зайти далеко, лучше всего пойти еще дальше; и Вильгельм решил основательно *нормализовать*, так сказать, все британское королевство. Это грандиозное начинание он выполнил полностью и надолго; и институты Англии, линии семейного происхождения, рутина судебных и административных дел и сам язык королевства сохраняют нормандские черты, которые он привил им, по сей день.

О да! О да! О да!

Пережитки прошлого.

Их сохранение в будущем.

Это вызывает у нас чувство, сродни чувству величия, когда мы обнаруживаем, что даже на нашей собственной земле и в самых отдаленных ее уголках, сохранившиеся реликвии революций и деяний тех ранних эпох все еще сохраняются, подобно слабой ряби, мягко набегающей на берег в глубокой и уединенной бухте, которая, возможно, поначалу пришла в движение, как один из горных приливов зимнего шторма в самых отдаленных морях. Например, если мы войдем в самый скромный суд какой-нибудь отдаленной и недавно заселенной страны в американских лесах, простой и простовато выглядящий мужчина призовет столь же простовато выглядящее собрание к порядку, постучав своей дубинкой, единственным символом его должности, по полу, и выкрикнув словами, мистическими и бессмысленными для него: "О да! О да! О да!" [К] Он даже не подозревает, что подчиняется указу Вильгельма Завоевателя, изданному восемьсот лет назад, предписывающему использовать его родной язык в судах Англии. Непреодолимый прогресс в совершенствовании и реформировании постепенно снова вытеснил вторгающийся язык — за исключением того, что он слился и инкорпорировался в общий язык страны — из всех обычных форм судопроизводства. Однако он все еще витает, так сказать, на пороге, в этом призыве к порядку; и поскольку там он безвреден, дух консерватизма, возможно, сохранит для него это последнее убежище на тысячу лет вперед, и "О да" будет фразой, предписывающей молчание многим поколениям офицеров, которые, возможно, никогда не слышали об авторитете, приказам которого они невольно подчиняются.

Точка зрения, с которой рассматривается нормандское завоевание.

Работа по объединению нормандской и английской семей друг с другом и слиянию двух языков в один потребовала около столетия для ее полного завершения; и когда, наконец, она была завершена, народ Англии был несколько озадачен, не зная, должен ли он гордиться подвигами Вильгельма при завоевании Англии или быть униженным ими. Поскольку они сами происходили от норманнов, это завоевание было одним из славных деяний их предков. Поскольку они были англичанами по происхождению, казалось бы, на них лежала обязанность оплакивать поражение своих отцов. Очевидно, что от такого рода затруднений, как это, было никуда не деться, и, соответственно, они продолжали ставить в затруднительное положение последующие поколения англичан вплоть до наших дней. Нормандское завоевание занимает, таким образом, очень неопределенное и двусмысленное место в английской истории, и

различные современные авторы, которые оглядываются на него сейчас, едва ли могут определить, следует ли им рассматривать это как унижительное порабощение, от которого пострадали их предки, или как славную победу, которую они одержали.

Книга Страшного суда.

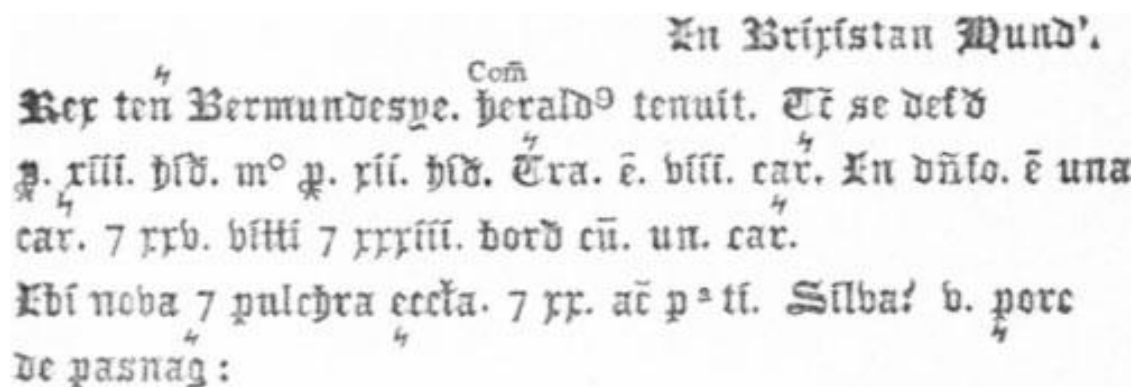
Ее великая неизвестность.

Одной из важнейших мер правления Вильгельма и, фактически, той, благодаря которой оно получило особую известность в наше время, была грандиозная перепись или регистрация королевства, которую Завоеватель приказал провести с целью точного перечисления и описания всего недвижимого и движимого имущества в королевстве. Это грандиозное национальное исследование было проведено в 1078 году. Результат был зафиксирован в двух томах разного размера, которые назывались "Большая и Малая книга Страшного суда". Эти книги сохранились до сих пор и по сей день являются высшим авторитетом в отношении всех вопросов, касающихся древних прав собственности. Одна представляет собой фолиант, а другая - том в кварто. Записи написаны на пергаменте крупным, сокращенным и, для обычных читателей, совершенно непонятным шрифтом. Язык - латинский; но современный ученый-латинист, не имеющий никаких средств, кроме ознакомления с работой, был бы совершенно неспособен расшифровать ее. На самом деле, хотя персонаж очень искусен и в некоторых отношениях элегантен, весь стиль и расположение работы почти не уступают в научном мастерстве рисункам королевы Эммы на гобеленах Байе. Около полувека назад копии этих произведений были напечатаны шрифтом, созданным для изображения оригинального персонажа. Но эти печатные издания считались непонятными и бесполезными до тех пор, пока к ним не были подготовлены и опубликованы сопровождающие их подробные указатели с большими затратами времени и труда.

Образец книги Страшного суда.

Перевод.

Некоторое представление о характере и стиле этой знаменитой пластинки можно получить из следующего образца, который является настолько точной имитацией оригинала, насколько это позволяет любая обычная типография:.....:

En Brixistan Mund'.
Rex ten Bermundesye. herald⁹ tenuit. Et se def⁹
p. xlii. hld. m° p. xli. hld. Era. ē. biii. car. En dñs. ē una
car. 7 xrb. biii 7 xxxiii. bord cū. un. car.
Ebi noba 7 pulchra eccl'a. 7 xx. ac p⁹ ii. Silba? b. porc
de pasnag :

Расшифрованный и приведенный полностью отрывок выглядит следующим образом — буквы, опущенные в оригинале выше, выделены курсивом:

В Бриксистане Нужнопеределывать.

Король тени Бермундесье. Вестник *hasscomes tenuit. Unc se defendebat pro xiii.* спрятанный-это, modo pro xii. спрятанный-есть. Тэрра ест viii. автомобиль-ручной работы. In dominio est una carrucata et xxv. villani et xxxiii. bordarii cum una carrucata. Ibi nova et pulchra ecclesia, et xx. acrae prati. Сильва против Поркая-является де Паснагомоу.

Перевод на английский выглядит следующим образом:

В Бриксистане Сотня.

Король владеет Бермундесье. Им владел эрл Герольд [раньше]. В то время оно оценивалось в тринадцать шкур, сейчас - в двенадцать. Пахотная земля состоит из восьми пахотных угодий [или пашен]. В поместье есть один карукат, двадцать пять вилланов и тридцать три бордара с одним карукатом. Там есть новая и красивая церковь, двадцать акров луга и леса для пяти свиней во время выпаса.

Здоровье Матильды ухудшается.

Смерть ее дочери.

Матильда удаляется в свой дворец в Кане.

Но мы должны перейти к завершению истории. Примерно в 1082 году здоровье королевы Матильды начало серьезно ухудшаться. Ее преследовало великое множество тревог и забот, связанных с государственными делами, которые легли на нее, и проистекавших из положения ее семьи: эти тревоги вызывали сильное уныние духа и усугубляли, если не были полной причиной, ее телесную болезнь. В это время она находилась в Нормандии. Одним из главных источников ее душевных страданий была тревога за одну из своих дочерей, у которой, как и у нее самой, ухудшалось здоровье. Забыв о собственной опасности в своем искреннем желании позаботиться о благополучии своего ребенка, она совершила своего рода паломничество в монастырь, где находилась усыпальница некоего святого, который, как она воображала, обладал силой спасти ее дочь. Она преподнесла раке богатый подарок; она вознесла перед ней самые искренние молитвы, умоляя со слезами горькой скорби о заступничестве святой и проявляя все внешние признаки смирения и веры. Она заняла свое место в монастырских религиозных службах и следовала их обычаям, как будто занимала самое скромное частное положение. Но все было напрасно. Здоровье ее любимой дочери продолжало ухудшаться, пока, наконец, она не умерла; и Матильда, становясь все более слабой, с почти разбитым сердцем от горя, заперлась во дворце в Кане.

Ее душевное смятение.

Это было в том же самом дворце, который Уильям построил в своем монастыре много лет назад, во время их свадьбы. Матильда с грустью оглядывалась назад, на тот период, на радостные надежды и светлые предвкушения власти, славы и счастья, которые тогда наполняли ее сердце. Сила и слава были достигнуты, и в десятки раз большей мере, чем она себе представляла, но счастье так и не пришло. Честолюбие в течение двадцати лет непрестанно боролось между всеми ветвями ее семьи против домашнего мира и любви. Сама она обладала устремленным умом, но принципы материнской и супружеской любви были сильнее в ее сердце, чем принципы честолюбия; и все же она была вынуждена видеть, как честолюбие подавляет и разрушает любовь во всех ее формах повсюду вокруг нее. Ее последние дни были омрачены новым соперничеством между мужем и сыном.

Здоровье Матильды.

Матильда искала мира и утешения, умножая свои религиозные службы и обряды. Она постилась, она молилась, она со многими слезами ходатайствовала о прощении своих грехов. Монахи отслужили мессу у ее постели и, как она думала, обновив жертву Христа, совершили новое умилоствление за ее грехи. Уильям, который в то время находился в Нормандии, услышав о ее несчастном состоянии, приехал навестить ее. Он прибыл как раз вовремя, чтобы увидеть, как она умирает.

Памятники ей.

Они перевезли ее тело из дворца в монастыре ее мужа в Кане в монастырь, который она построила. Там оно было торжественно принято и помещено в гробницу. На протяжении веков спустя там сохранилось множество свидетельств о ее существовании и ее величии в виде картин, вышивок, священных даров и записей, которые постепенно были стерты рукой времени. Однако они не исчезли полностью, поскольку путешественники, посещающие это место, обнаруживают, что многие памятники и традиции Матильды сохранились там до сих пор.

Преклонные годы Уильяма.

Его порывистость и недовольство.

Сам Уильям прожил не так уж много лет после смерти своей жены. Он был на несколько лет старше ее. Фактически, сейчас он был значительно старше. С возрастом он стал чрезвычайно тучным, что, поскольку изначально он был крупного телосложения, сделало его чрезмерно громоздким. Неудобства, возникающие из-за такой привычки к телу, были не единственным злом, которое сопровождало его. Это сказалось на его здоровье и даже грозило закончиться серьезной, если не смертельной болезнью. Хотя немощи преклонного возраста сделали его, таким образом, сравнительно беспомощным телом, он, тем не менее, был таким же активным и беспокойным духом, как всегда. Однако его вдохновляла уже не активность юности, не надежда и не прогресс, а скорее то порывистое беспокойство, с которым старость переживает неприятности, которые ей иногда приходится переносить, или судорожно борется при приближении реальных или воображаемых опасностей, угрожающих тому имуществу, завоевать которое было делом всей ее жизни. Опасности в случае с Уильямом были реальными, а не воображаемыми. Ему постоянно угрожали со всех сторон. Фактически, за год до его смерти разногласия между ним и Робертом вспыхнули с новой силой, и он был вынужден, каким бы неповоротливым и беспомощным он ни был, отправиться в Нормандию во главе вооруженных сил, чтобы подавить беспорядки, поднятые Робертом и его сторонниками.

Филип высмеивает Уильяма.

В то время Роберт пользовался поддержкой Филиппа, короля Франции, который всегда был ревнивым и непримиримым соперником короля Вильгельма. Филипп, который, как вы помните, был очень молод, когда Вильгельм попросил его о помощи во время своего вторжения в Англию, сейчас был в середине жизни и на пике своего могущества. Поскольку он отказал Уильяму в помощи, он, естественно, был несколько завистлив к его успеху и всегда был готов выступить против него. Теперь он помогал Роберту в его буйстве и неподчинении и высмеивал беспомощные слабости престарелого короля.

Гнев Уильяма.

Угрозы Уильяма.

Пока Вильгельм находился в Нормандии, он прошел курс медицинского лечения в надежде уменьшить свою чрезмерную полноту и облегчить сопровождавшие ее неприятные и опасные симптомы. Находясь таким образом в руках своего врача, он, конечно, был прикован к своей комнате. Филипп в насмешку назвал это "нахождением в соломе". Он спросил кого-то, кто появился при его дворе, недавно прибыв из Нормандии, все ли еще в соломе старая англичанка. Какой-нибудь жалкий рассказчик, какими в наши дни кишит любое общество, которому доставляет удовольствие цитировать одному другу то, что, по их мнению, вызовет их гнев против другого, повторил эти слова Уильяму. Каким бы больным он ни был, сарказм вызвал у него яростный пароксизм ярости. Он поклялся "Божьим сиянием и воскресением", что, когда он снова выйдет на свободу, он разожжет такие костры во владениях Филиппа в память о своем освобождении, что в его королевствах станет слишком жарко, чтобы удерживать его.

Он сдержал свое слово — по крайней мере, в том, что касалось разжигания костров; но пожары, вместо того чтобы сделать владения Филиппа слишком горячими, чтобы удерживать его, странным, но справедливым возмездием, были просто средством навсегда покончить с земной карьерой руки, которая их разжигала. Обстоятельства этой заключительной сцены земной истории великого завоевателя были таковы:

Пожар в Манте.

Ранение Уильяма.

Его великая опасность.

Выполняя свою угрозу сделать владения Филиппа слишком горячими, чтобы удерживать его, Вильгельм, как только смог сесть на коня, возглавил экспедицию, пересек границы Нормандии и двинулся в сердце Франции, опустошая страну по мере продвижения огнем и мечом. Вскоре он прибыл в город Мант, расположенный на берегу Сены, прямо по дороге в Париж. Солдаты Вильгельма атаковали город с яростной стремительностью, взяли его штурмом и подожгли. Вильгельм последовал за ними через ворота, радуясь исполнению своих угроз отомстить. Несколько досок из горящего дома упали на улицу и, сгорев там, оставили тлеющий слой угля, в котором все еще сохранялся огонь. Уильям, возбужденный чувством ликования и победы, неосторожно скакал по устроенному им месту разорения, отдавая приказы и неистово крича на ходу, как вдруг его лошадь резко отшатнулась от горящих углей, на которые он наступил и которые были скрыты от глаз покрывавшим их пеплом. Уильяма, каким бы неповоротливым и сравнительно беспомощным он ни был, с огромной силой швырнуло на луку седла. Он спас себя от падения с лошади, но сразу же обнаружил, что получил какую-то серьезную внутреннюю травму. Ему пришлось спешиться и очень внезапным переходом переместиться из ужасной сцены пожара и мести, которую он разыгрывал, в торжественную комнату смерти. Для него соорудили носилки, и отряду сильных мужчин было поручено нести тяжелую и теперь беспомощную ношу обратно в Нормандию.

Лошадь уильяма

наступает на тлеющие угли.

Раскаяние Уильяма.

Его последние поступки.

Они доставили страдающего монарха в Руан. К его постели были вызваны самые способные врачи. Изучив его состояние, они пришли к выводу, что он должен умереть. Это известие повергло несчастного пациента в состояние крайней тревоги и ужаса. Воспоминание о тысячах поступков, исполненных эгоистичного честолюбия и жестокости, которые он совершал, по его словам, всю свою жизнь, наполнило его угрызениями совести. Он с непреодолимым ужасом отшатнулся от стремительно приближающегося часа, когда ему предстояло предстать на суде перед Богом и ответить, как любому простому смертному, за свои преступления. Всю свою жизнь он привык считать себя выше всякого закона, выше всякой власти и недостижимым для любых судебных вопросов. Но теперь пришло его время. Тот, кто так часто заставлял трепетать других, теперь, в свою очередь, дрожал от остроты ужаса и отчаяния, которые когда-либо испытывают только самые смелые и своевольные преступники. Он горько взывал к Богу о прощении и собрал вокруг себя монахов, которые помогали ему непрерывными молитвами. Он приказал раздать все деньги, которые у него были, бедным. Он отдал приказ восстановить церкви, которые он сжег в Манте, и исправить другие повреждения, которые он нанес в своем гневе. Одним словом, он очень серьезно отдался работе, пытаясь всеми средствами, которые считались наиболее эффективными в те дни, предотвратить и умиротворить страшный гнев небес.

Роберт отсутствует.

Он получает Нормандию.

Уильям Руфус и Генрих.

Воля короля.

Из трех его старших сыновей Роберт был в отъезде; ссора между ним и отцом стала непримиримой, и он не захотел навестить его даже в последние часы жизни. Уильям Руфус и Генри были там и постоянно оставались у постели своего отца — однако не из сыновней привязанности, а потому, что хотели присутствовать при том, как он выразит свою последнюю волю относительно распоряжения своими владениями. Такое выражение, хотя и устное, было бы обязательным как завещание. Когда, наконец, король отдал свои предсмертные распоряжения относительно наследования престола, оказалось, что, в конце концов, он считал свое право на английский трон весьма сомнительным в глазах Бога. В какой-то период своей жизни он пообещал Роберту Нормандию в качестве своего наследства, когда тот сам умрет; и хотя он так часто отказывался уступить ее ему, пока сам был жив, теперь он подтвердил свое право на престолонаследие. "Я обещал ему это, - сказал он, - и я выполняю свое обещание; и все же я знаю, что это будет несчастная страна, подчиняющаяся его правительству. Он гордый и глупый плут, и никогда не сможет преуспеть. Что же касается моего королевства Англии, - продолжал он, - то я никому его не завещаю, потому что оно не было завещано мне. Я приобрел его силой и ценой крови. Я оставляю это в руках Божьих, желая только, чтобы это досталось моему сыну Уильяму Руфусу, ибо он был покорен мне во всем". "И что же ты даешь мне, отец?" - нетерпеливо спросил Генри в этот момент. "Я даю вам, - сказал король, - пять тысяч фунтов из моей казны". "Но что я буду делать со своими пятью тысячами фунтов, - спросил Генри, - если вы не дадите мне ни дома, ни земли?" "Будь спокоен, сын мой, - возразил король, - и уповай на Бога. Позволь своим братьям идти впереди тебя; твоя очередь придет после их".

Цель, которая удерживала молодых людей у постели их отца, была достигнута, и они оба удалились. Генрих отправился за своими деньгами, а Уильям Руфус немедленно отправился в Англию, чтобы подготовить почву для своего собственного восшествия на престол, как только его отца не станет.

Смерть Уильяма.

Король решил переселиться из своего замка в Руане в монастырь, который находился недалеко от города, без крепостных стен. Шум города беспокоил его, и, кроме того, он думал, что ему будет спокойнее умереть на священной земле. Соответственно, он был удален в монастырь. Там, десятого сентября, он проснулся утром от звона городских колоколов. Он спросил, что это значит. Ему сказали, что колокола звонят к утренней службе в церкви Святой Марии. Он поднял руки, посмотрел на небо и сказал: "Я верю себя моей Госпоже Марии, святой Матери Божьей", - и почти сразу же скончался.

Оставление тела.

Опасения людей.

Читатели исторических книг часто имеют повод удивляться внезапным и полным переменам, которые часто происходят в момент смерти могущественного монарха, а иногда и перед его смертью, в проявлениях уважения, с которым относятся к нему его приближенные и последователи. В случае Уильяма, как это случалось со многими другими случаями с тех пор, в тот момент, когда он перестал дышать, он был полностью покинут. Все бросились бежать, унося с собой все, что могли захватить из комнаты, — оружие, мебель, платья и столовые приборы; ибо все эти предметы стали их привилегиями после смерти их хозяина. Делается почти невероятное заявление о том, что бессердечные монстры на самом деле раздели мертвое тело своего повелителя, чтобы убедиться в том, что им причитается по заслугам, и оставили его

обнаженным на каменном полу, в то время как сами отнесли свои трофеи в безопасное место. Тело пролежало в таком заброшенном состоянии много часов, ибо весть о смерти великого монарха, которая, наконец, была столь внезапной, вызвала всеобщее волнение и опасения. Никто не знал, к каким изменениям приведет это событие, какие войны последуют между сыновьями или какие восстания могли быть тайно организованы, чтобы внезапно вспыхнуть, когда должен был наступить этот кризис. Таким образом, вся община была повергнута в состояние возбуждения и замешательства.

Тело перевезено в Кан.

Наконец пришли монах и братия-миряне монастыря, подняли тело и приготовили его к погребению. Затем они принесли кресты, свечи и кадила и начали возносить молитвы и петь панихиды за упокой души усопшего. Они послали также архиепископа Руанского узнать, что делать с телом. Архиепископ распорядился отвезти его в Кан и поместить там в монастыре, который Уильям построил во время своей женитьбы.

Необыкновенные сцены.

История, рассказанная древними историками относительно погребения, еще более необычна и более несовместима со всеми нашими естественными представлениями о том уважении, которое останки столь великого монарха получили бы из рук его домочадцев и государственных чиновников, чем рассказ о его смерти. Говорят, что все члены его семьи и все его офицеры сразу после его кончины покинули город — все были увлечены планами и маневрами, чтобы закрепить свои позиции при новом правлении. Кто-то отправился в погоню за Робертом, а кто-то — за Уильямом Руфусом. Генри запер свои деньги в прочную шкатулку, хорошо выглаженную, и ушел с ними, чтобы найти какое-нибудь надежное место. Не осталось никого, кто мог бы отвести заброшенное тело в могилу.

Тело доставили в монастырь на телеге.

Процессия распалась.

Наконец нашелся соотечественник, который взялся перевезти тяжелую ношу из Руана в Кан. Он раздобыл повозку и перевез ее из монастыря к реке, где погрузил на борт судна и повез вниз по Сене к ее устью, а оттуда морем в Кан. Настоятель монастыря Святого Стефана, так назывался тамошний монастырь Уильяма, пришел с несколькими монахами и процессией народа, чтобы сопроводить тело в аббатство. Однако, когда эта процессия продвигалась вперед, в городе вспыхнул пожар, и служители, движимые либо чувством долга, требующим от них помочь в тушении пламени, либо любопытством стать свидетелями пожара, покинули похоронный corteж. Процессия была разогнана, и вся толпа, духовенство и миряне, направилась к костру, оставив гроб с его носильщиками наедине. Носильщики, однако, пошли дальше и доставили свою подопечную в церковь в стенах аббатства.

Сцена во время погребения.

Когда пришло время погребения, большая компания собралась, чтобы присутствовать на церемонии. В полу церкви были подняты камни и вырыта могила. Был приготовлен каменный гроб, своего рода саркофаг, который поместили в могилу в качестве вместилища для тела. Когда все было готово и тело уже собирались опустить, из толпы внезапно вышел мужчина и остановил процесс. Он сказал, что земля, на которой стояло аббатство, принадлежала ему; что

Уильям насильно завладел ею для аббатства во время своей женитьбы; что он, владелец, до сих пор был вынужден смириться с этим нарушением, поскольку при жизни Уильяма у него не было средств возместить ущерб, но теперь он протестует против разграбления. "Земля, - сказал он, - моя; она принадлежала моему отцу. Я не продавал ее, не конфисковал, не закладывал и не дарил. Это мое право. Я требую этого. Воимя Господа, я запрещаю вам класть туда тело нарушителя спокойствия или засыпать его моей землей".

Когда возбуждение и удивление, вызванные этим доносом, немного улеглись, епископы отозвали этого неожиданного истца в сторону, изучили доказательства его утверждений и, обнаружив, что дело действительно обстояло так, как он изложил, они тут же выплатили ему сумму, равную стоимости земли, достаточной для могилы, и пообещали принять немедленные меры для выплаты остальной части. Затем протестующий согласился, что погребение может быть продолжено.

Саркофаг слишком мал.
Тело лопнуло.

Пытаясь опустить тело в подготовленное для этого место, они обнаружили, что саркофаг слишком мал. Они попытались затолкать тело внутрь. При попытке сделать это гроб был сломан, и тело, которое из-за долгих задержек уже начало разлагаться, лопнуло. Монахи принесли благовония и благовония, сожгли и разбрызгали их по всему месту, но тщетно. Церковь была настолько отвратительной, что все сразу покинули ее, за исключением рабочих, которые остались засыпать могилу.

Уильям Руфус вступает во владение английским тронном.

Пока эти события происходили в Нормандии, Уильям Руфус поспешил в Англию, захватив с собой свидетельства предсмертного желания своего отца, чтобы он стал его преемником на английском троне. Прежде чем он добрался до тамошней штаб-квартиры, он услышал о смерти своего отца, и ему удалось убедить нормандских вождей провозгласить его королем. Друзья Роберта попытались выдвинуть его претензии, но они ничего не могли для него сделать, и поэтому вскоре было решено договором между братьями, что Уильям Руфус будет править Англией, в то время как Роберт должен был довольствоваться древними владениями своего отца в Нормандии.

Конец.

Сноски:

[A] Смотрите [карту](#) в начале этой главы.

[B] Ее имя пишется по-разному: Арлетт, Арлотта, Харлотта и другими способами.

[C] Захват, древний феодальный термин, обозначающий вступление стороны в законное владение своим правом.

[D] См. [карту](#) в начале главы ix.

[E] См. [карту](#), глава ix.

[F] Посмотреть [карту](#), глава ix.

[G] См. [карту](#), глава ix.

[H] Подробно приводится в последней главе нашей истории Альфреда Великого.

[I] Дети старшего сына Этельреда, Эдмунда, в это время находились в Венгрии и, похоже, были почти забыты.

[J] Латинским названием такой печати была *булла*. Именно из-за такого рода печати, которая обычно ставится на них, папские эдикты получили название *булл*.

[K] О, боже! Ойез! Ойез! По-норманнски по-французски "Внимай"! внимай! внимай!

Примечания переписчика

1. Были внесены незначительные изменения для исправления ошибок наборщиков и обеспечения единообразия орфографии и пунктуации в этом тексте; в остальном были приложены все усилия, чтобы оставаться верными оригиналу книги.

2. Примечания, используемые в этом тексте, первоначально были опубликованы в виде баннеров в заголовках страниц и были перенесены в соответствующий абзац для удобства читателя.

3. Нумерация страниц карты Нормандии изменена с 189 на 190, чтобы отразить ее окончательное размещение в готовом тексте.